Некрасов

Николай Алексеевич

1821 - 1878

Классики

за 30 минут

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Серия «Классики за 30 минут» позволит Вам в кратчайшее время ознакомиться с классиками русской литературы и прочитать небольшой отрывок из самого представленного произведения.

В доступной форме авторы пересказали наиболее значимые произведения классических авторов, обозначили сюжетную линию, уделили внимание наиболее важным моментам и показали характеры героев так, что вы сами примите решение о дальнейшем прочтении данных произведений, что сэкономит вам время, либо вы погрузитесь полностью в мир данного автора, открыв для себя новые краски в русской классической литературе.

Для широкого круга читателей.

- Некрасов за 30 минут
  - Библиографический очерк
  - Славная осень, здоровый ядреный…
  - Несжатая полоса
  - Железная дорога
  - Размышления у парадного подъезда
  - В дороге
  - Элегия
  - Поэт и гражданин
  - Кому на Руси жить хорошо
  - Мороз, красный нос
  - Русские женщины
  - Железная дорога
  - Размышления у парадного подъезда
  - В дороге
  - Поэт и гражданин
  - Кому на Руси жить хорошо
    - Часть первая
    - Последыш (из второй части)
    - Крестьянка (из третьей части)
  - Пир на весь мир
  - Про холопа примерного – Якова Верного
  - О двух великих грешниках
  - 3. Старое и новое
  - Крестьянский грех
  - Голодная
  - Солдатская

- 4. Доброе время – добрые песни
- Соленая
- Бурлак
- Русь
- Русские женщины
  - Часть первая
  - Часть вторая
- Княгиня М. Н. Волконская

Некрасов за 30 минут

Библиографический очерк

Величайший русский поэт, публицист и классик мировой литературы Николай Алексеевич Некрасов появился на свет 10 октября (28 ноября по ст. стилю) 1821 года в городке Немиров Подольской губернии и помимо мальчика, в семье подрастало еще 13 отпрысков. Его детство прошло в селе Грешнево Ярославской губернии в родовом имении отца – Алексея Сергеевича Некрасова, служившего поручиком и являвшегося богатым помещиком, человека очень сурового, тиранившего не только крепостных работников, но и собственную семью. Душевная рана, полученная от него писателем в детстве, останется с ним на всю жизнь. Мать юноши – Елена Андреевна Закревская, мудрая и образованная женщина и именно ее воспитанию он обязан любовью к литературе и русской словесности. С самого начала родители девушки были против этого брака с малообразованным армейским офицером, но она настояла на своем. И брак действительно оказался крайне неудачным. Однако своим детям она постаралась дать прекрасное образование.

Все сознательное детство Николая Алексеевича прошло в атмосфере семейного разлада. Он неоднократно становился свидетелем необузданного нрава отца, его расправ над крепостными и развратных оргий с любовницами, жестокого обращения с женой. Последняя была вынуждена это все терпеть. Именно образ страдалицы-матери и вообще женской доли был отображен позже во многих произведениях автора: поэма «Кому на Руси жить хорошо», стихотворении «Орина, мать солдатская» и пр.

Алексей Сергеевич часто брал сына с собой в разъезды, еще в бытность службы исправником, к которой привело неумелое обращение с имением и многочисленные долги. Именно тогда мальчику довелось в совсем нежном возрасте увидеть смерть, побои, жестокость, выбивание недоимок и др. Все эти картины крестьянской жизни, ее незащищенность, нищета и суровость потом составят костяк всего творчества писателя.

Начиная с 1832 по 1837 годы, одиннадцатилетний Некрасов учится в Ярославской гимназии, но наука дается ему очень не просто, он постоянно прогуливает занятия, находя отдушину в сочинении стихов. Доучился он лишь до пятого класса.

1838 год ознаменовался для семнадцатилетнего юноши отправкой в Петербург для службы в дворянском полку, на чем настаивал его амбициозный родитель. Сам молодой человек

предпочел учебу военной карьере и приступил к подготовке к экзамену в Петербургский университет. Но вступительных испытаний не выдержал и определился вольнослушателем на филологическое отделение. Этот пассаж будущего писателя привел в бешенство отца, который отказался материально поддерживать отпрыска.

Последующие годы жизни и учебы в Петербурге были одними из самых тяжелых для Некрасова. Они сопровождались постоянной нищетой, голодом и холодом. Часто ему целыми днями было совсем нечего есть и негде жить. Но отступать было не в его характере и эти трудности только закалили его.

Спустя несколько лет скитальческой жизни, дела стали понемногу налаживаться. Николай Алексеевич начинает давать уроки и писать статьи для «Литературного прибавления к «Русскому инвалиду»», а также, для «Литературной газеты». А лубочным издателям он мог предложить стихотворные сказки и азбуки. Сочинял водевили для Александринского театра под псевдонимом Перепельского. До середины 1840-х годов очень много и напряженно работает, реализуя себя в амплуа писателя, поэта, критика, публициста. Все наработки этих лет позже лягут в основу его собственного реалистического метода.

Уже в 1840 году увидела свет первая книжка стихов Некрасова «Мечты и звуки», но все стихотворения и баллады носили очень подражательный характер многим популярным тогда авторам. Примечательно, что еще перед публикацией, автор показал свое творение Василию Жуковскому, надеясь получить хвалебный отзыв, но последний выделил лишь два стихотворения и посоветовал остальные издавать без имени, поскольку видел талант Некрасова и знал, что позже тот напишет гораздо лучше и ему будет стыдно за плохую работу. Поэтому часть творений вышла под инициалами «Н.Н.».

Книге был оказал двоякий прием: некоторые критики – Н. Полевой – ее хвалили, другие – В. Белинский – ругали. Объем ее продаж был столь ничтожен, что молодой Некрасов принялся скупать и уничтожать изданные экземпляры, как это в свое время делал и Н. Гоголь. И именно поэтому в последствии, книга стала невероятно редкой, ведь осталось всего несколько ее копий.

Грандиозное фиаско на поэтическом поприще, заставило писателя обратить пристальный взгляд на поприще прозаическое. Его ранние рассказы отображали собственный жизненный опыт писателя и впечатления от Петербурга. Были выдержаны в традициях реалистической школы, во главе которой находились Гоголь и Белинский. Тогда же Некрасов пробует себя в юмористических произведениях: поэма «Провинциальный

подьячий в Петербурге», водевиль «Феоктист Онуфриевич Боб», «Вот что значит влюбиться в актрису», «Материнское благословенье, или бедность и честь», сатирическая поэма «Современники» (1875 г.) и пр.

С начала 1840-х годов является полноценным сотрудником «Отечественных записок», а в 1842 году знакомится лично с В. Белинским, который в последствии оказал на него огромное влияние. Проявляет себя и как издатель множества альманахов: «Статейки в стихах без картинок» (1843 г.), «Физиология Петербурга» (1845 г.), «1 апреля» (1846 г.), «Петербургский Сборник» (1846 г.) и др. Примечательно, что в последнем дебютировал сам Ф.Н. Достоевский, писали для него И.С. Тургенев, А.И. Герцен, А.Н. Майков. Эта деятельность так увлекает Некрасова и так хорошо получается, что вскоре (в 1846-1847 гг.) он совместно с И. Панаевым покупает в аренду журнал «Современник», который в свое время, основал еще А.С. Пушкин. В этот же журнал переходит и В. Белинский, равно как и все молодые литературные дарования того времени.

«Современник» справедливо назвать легендарным изданием, ведь в нем снискали популярность: И. Тургенев, И. Гончаров, А. Герцен, Н. Огарёв. В журнале публиковались А. Островский, М. Салтыков-Щедрин, Г. Успенский. Именно Николай Алексеевич Некрасов открыл для русской и мировой литературы такие имена как Ф.М. Достоевский и Л.Н. Толстой. Также в журнале печатались Николай Чернышевский и Николай Добролюбов, которые вскоре стали идейными руководителями издания.

Период с середины 1850-х годов сложно назвать простым для Некрасова и во многом это связано с политической обстановкой в стране, расколом в редакции «Современника» на два противоборствующих лагеря. В это время создаются такие творения как: «Поэт и гражданин» (1856 г.), «Размышления у парадного подъезда» (1858 г.), «Железная дорога» (1864 г.).

Начало 1860-х годов стало периодом студенческих волнений, крестьянских бунтов и польского восстания. Все эти события в итоге привели к закрытию «Современника», смерти Добролюбова, ссылке в Сибирь Чернышевского и Михайлова. Однако уже через два года, в 1868 году Некрасов арендует «Отечественные записки» и вместе с М. Салтыковым-Щедриным преобразует в боевое издание революционного народничества.

В начале 1875 года у поэта обнаружили неизлечимое онкологическое заболевание и последующие два года он, по сути, был прикован к постели. Но даже тогда старался не падать духом, создал свои «Последние песни». 27 декабря 1877 года в восемь часов вечера Николай Алексеевич Некрасов скончался.

Именно его похороны стали самым первым случаем всенародного прощания с гениальным писателем, а проводить Некрасова в последний путь пришла многотысячная толпа молодежи, которая в сильный мороз сопровождала тело поэта до Новодевичьего кладбища в Петербурге.

Личная жизнь классика мировой лоитературы столь же насыщенна и многогранна, как и творческая.

В 1842 году молодой человек на поэтическом вечернем мероприятии знакомится с Авдотьей Панаевой, супругой писателя Ивана Панаева. Она умна, привлекательна, хозяйка домашнего литературного кружка, считается, даже, одной из самых красивых женщин Петербурга. В нее влюблен Достоевский, но безответно. Влюбляется в нее и Некрасов, на которого она сначала тоже не обращает внимания, поскольку чтит семейные устои, хотя у ее мужа репутация ловеласа и повесы. Ее первоначальный отказ Николаю Алексеевичу едва не заканчивается самоубийством последнего. Однако во время совместного путешествия четы Панаевых и Некрасова в Казанскую губернию, молодые люди понимают, что любят друг друга. Вернувшись из поездки, они втроем начинают жить одной большой и очень странной семьей, вместе с мужем Авдотьи.

Несмотря на общественное осуждение таких отношений и непонимание даже близких друзей, Николай и Авдотья счастливы. Вместе они создают один из лучших циклов Некрасова «Панаевский цикл», где девушка выступает под псевдонимом «Станицкий». А троица остается неразлучной на протяжение шестнадцати лет, до смерти Ивана Панаева. В 1849 году любовники становятся родителями мальчика, но последний вскоре умирает. Эта трагедия приводит к постоянным ссорам возлюбленных. А в 1862 году после смерти мужа, Авдотья и вовсе уходит от Некрасова. Но он помнит ее всю жизнь и даже указывает в завещании.

Затем была непродолжительная интрижка с французской актрисой Селиной Лефрен, с которой он познакомился в 1863 году в Петербурге. А позже, он повстречал Фёклу Анисимовну Викторову – простую и необразованную деревенскую девушку, двадцати трех лет, тогда как самому Некрасову было уже сорок восемь. Он усиленно занимается ее воспитанием и образованием, водит на концерты и на выставки, придумывает имя – Зина. С этого момента Фёкла сама себя называет Зинаидой Николаевной, заучивает наизусть стихи Николая Алексеевича и вскоре становится его законной супругой. Женитьба, однако, не помешала Некрасову одновременно тосковать по Авдотье Панаевой, любить Зинаиду, а за границей продолжать роман с

Селиной Лефрен.

О пристрастии поэта к карточным играм и, особенно, охоте, слагали легенды. Но после случайного убийства Зинаидой его любимого пса – пойнтера Кадо, навсегда отказался от этого занятия.

Таким талантливым и многогранным Николай Алексеевич Некрасов и вошел в историю.

Славная осень, здоровый ядреный…

Славная осень! Здоровый, ядреный
Воздух усталые силы бодрит;
Лед неокрепший на речке студеной
Словно как тающий сахар лежит;
Около леса, как в мягкой постели,
Выспаться можно – покой и простор!
Листья поблекнуть еще не успели,
Желты и свежи лежат, как ковер.
Славная осень! Морозные ночи,
Ясные, тихие дни…
Нет безобразья в природе! И кочи,
И моховые болота, и пни –
Всё хорошо под сиянием лунным,
Всюду родимую Русь узнаю…
Быстро лечу я по рельсам чугунным,
Думаю думу свою…

Это стихотворение является одной из четырех частей большого произведения «Железная дорога». Оно спокойное и умиротворенное. Автор описывает позднюю осень. Радуется красоте русской природы, которая способна взбодрить и залечить душевные раны: «…Воздух усталые силы бодрит…». Использует эпитеты, сравнивая тонкий лед с сахарной непрочной корочкой, а опавшие листья в лесу – с постелью, на которой можно сладко поспать и отдохнуть от житейской рутины: «…Лед неокрепший на речке студеной Словно как тающий сахар лежит…», «…Около леса, как в мягкой постели, Выспаться можно…».

Согласно сюжету, автор путешествует в вагоне по недавно построенной железной дороге. И в этой части стихотворения он замечает красоту еще свежих листьев, затишье и отсутствие «безобразия» в природе, величие моховых болот: «…Листья поблекнуть еще не успели, Желты и свежи…», «…Нет безобразья в природе!..», «…И моховые болота, и пни…».

Финальная часть произведения посвящена уже размышлениям автора о той цене, которую заплатили простые рабочие за строительство этого чугунного моста между Москвой и Петербургом. О сотнях тысячах загубленных жизней и эти думы повергают Некрасова в печаль и уныние: «…Быстро лечу я по рельсам чугунным, Думаю думу свою…».

Несжатая полоса

Поздняя осень. Грачи улетели,
Лес обнажился, поля опустели,
Только не сжата полоска одна…
Грустную думу наводит она.
Кажется, шепчут колосья друг другу:
«Скучно нам слушать осенную вьюгу,
Скучно склоняться до самой земли,
Тучные зерна купая в пыли!
Нас, что ни ночь, разоряют станицы,
Всякой пролетной прожорливой птицы,
Заяц нас топчет, и буря нас бьет…
Где же наш пахарь? чего еще ждет?
Или мы хуже других уродились?
Или недружно цвели-колосились?
Нет! мы не хуже других – и давно
В нас налилось и созрело зерно.
Не для того же пахал он и сеял
Чтобы нас ветер осенний развеял?..»
Ветер несет им печальный ответ:
– Вашему пахарю моченьки нет.
Знал, для чего и пахал он и сеял,
Да не по силам работу затеял.
Плохо бедняге – не ест и не пьет,
Червь ему сердце больное сосет,
Руки, что вывели борозды эти,
Высохли в щепку, повисли, как плети.
Очи потускли, и голос пропал,
Что заунывную песню певал,
Как на соху, налегая рукою,
Пахарь задумчиво шел полосою.

Несмотря на то, что поэт родился и вырос в помещичьей семье, он хорошо знал крестьянский быт, привычки и образ жизни этих людей, сопереживал их трудностям. Ему было известно, что только тяжкий труд на земле – единственное средство выживания для простого человека. И никогда ни один хозяин не оставить пропадать зерно в поле, поскольку это хлеб, а значит, еда для него самого и его семьи. Поэтому иллюстрация этой одинокой несжатой полоски с зерном – самый лучший показатель того, что с крестьянином что-то не так и что-то случилось.

Выдержанное в лучших традициях реалистической школы, это стихотворение показывает, что мечты поэта о том, что с отменой крепостного права, жизнь простых работяг будет гораздо легче – не оправдались. Наоборот, стало еще хуже. Крестьяне стали свободными, но потеряли право обрабатывать землю, что делали веками, исчезла и уверенность в завтрашнем дне, постоянная занятость, а значит, наступил голод. И именно голод и тяжкая болезнь помешали работнику собрать урожай: «… Вашему пахарю моченьки нет… Да не по силам работу затеял Плохо бедняге – не ест и не пьет…».

Автор от имени колосьев пшеницы вопрошает: «…Где же наш пахарь? чего еще ждет? Или мы хуже других уродились?…» и сам же отвечает: «…Нет! мы не хуже других – и давно В нас налилось и созрело зерно…». Но констатирует, что крестьянин не в состоянии убрать хлеб, он сам еле жив: «…Руки, что вывели борозды эти, Высохли в щепку, повисли, как плети Очи потускли, и голос пропал…».

Железная дорога

Это культовое стихотворение очень реалистично и лишено всяческих прикрас. Местами оно отталкивающее и шокирующее. Состоит из четырех отдельных частей. Первая часть – это зарисовка осенней русской природы через окно вагона, в котором путешествует автор; вторая – рассказ отца-генерала сыну-подростку о строительстве железной дороги. Последующие части – спор генерала и автора, ставшего случайным свидетелем этого разговора о той цене, которая была заплачена за это строительство, о тысячах загубленных жизнях, о страшных условиях труда рабочих, о голоде, холоде и болезнях, с которыми столкнулись вчерашние крепостные, а сегодня – свободные и безработные крестьяне, в надежде заработать копеечку.

Показана и радость от окончания строительства, но все лавры достаются сильным мира сего, а рабочие так навсегда и полегли в сырую землю по обочинам железной дороги.

Размышления у парадного подъезда

Стихотворение посвящено судьбе простого русского мужика. Как и многие произведения автора, оно содержит в себе горечь от бедственного, бесправного и безрадостного существования крестьян, которые всю жизнь вынуждены быть просителями: «… мужики подошли, Деревенские русские люди… Свесив русые головы к груди…», «…«Допусти», – говорят С выраженьем надежды и муки…». Но их отовсюду гонят сытые хозяева этой жизни, не понимая, что именно на этих простых работягах и держится все их благосостояние.

Некрасов с болью в сердце вопрошает этих господ: «…Ты, считающий жизнью завидною Волокитство, обжорство, игру, Пробудись! Есть еще наслаждение: Вороти их! в тебе их спасение!..» и сам же говорит: «…Но счастливые глухи к добру…». Он возмущен несправедливостью того, что эти богачи не боятся суда ни земного, ни небесного: «…Не страшат тебя громы небесные, А земные ты держишь в руках…», а в жизни простых людей ничего к лучшему не меняется: «…И несут эти люди безвестные Неисходное горе в сердцах…».

Заканчивается стихотворение мыслью о том, что наша земля переполнена горем людским, плачем и голодом обычного русского мужика: «…Волга! Волга!.. Весной многоводной Ты не так заливаешь поля, Как великою скорбью народной Переполнилась наша земля…».

В дороге

Николай Алексеевич Некрасов по праву считался тонким знатоком души простого человека и именно ему посвящено подавляющее большинство его произведений. Это стихотворение не стало исключением и повествует о судьбе простой крестьянки, которая была воспитана в барском доме и приучена к сытой и хорошей жизни. Потом она господам надоела и ее вернули обратно в деревню, только делать она ничего не умеет, о тяготах крестьянской рабочей жизни ей ничего не известно. В этом и заключается ее жизненная трагедия – она вынуждена выживать в мире, к которому не приспособлена: «…Ни косить, ни ходить за коровой! Да, вишь, дело в руках не спорилось! Как дрова или воду несла, Как на барщину шла – становилось…», «…То натерли ей ногу коты, То, слышь, ей в сарафане неловко…».

Основная мысль произведения – нельзя просто так вырывать человека из его социального окружения, люди – это не игрушки и не собачонки, которых потом просто можно выгнать за ненадобностью: «…А украдкой ревет, как шальная…Погубили ее господа, А была бы бабенка лихая!..».

В рассказе барину, ямщик сокрушается, что Груша так и не поняла главного – что она не относится к миру господ, но выученная так, она не умеет вести себя иначе, а что хуже, прививает те же барские замашки маленькому сыну, который тоже никогда не станет барином, ему это только помешает в жизни: «…Учит грамоте, моет, стрижет, Словно барченка, каждый день чешет, Бить не бьет – бить и мне не дает…Да недолго пострела потешит!..». То есть, отец понимает, что однажды сыну придется заново учиться работать, скудно питаться, плохо одеваться и вести обычную крестьянскую жизнь, в соответствии со своим настоящим социальным статусом. И переживает за сына, справится ли он с этим. Ведь супруге этот переход дается очень-очень тяжело: «…как щепка худа и бледна, Ходит, тоись, совсем через силу, В день двух ложек не съест толокна – Чай, свалим через месяц в могилу…».

По мнению автора, рожденные господами – никогда не станут крестьянами, равно как и рожденные простыми людьми – никогда не станут хозяевами жизни. Это два противоположных мира, которые никогда и нигде не пересекаются. А если это и происходит, то неизменно заканчивается человеческой трагедией.

Элегия

Пускай нам говорит изменчивая мода,
Что тема старая «страдания народа»
И что поэзия забыть ее должна.
Не верьте, юноши! не стареет она.
О, если бы ее могли состарить годы!
Процвел бы божий мир!.. Увы! пока народы
Влачатся в нищете, покорствуя бичам,
Как тощие стада по скошенным лугам,
Оплакивать их рок, служить им будет муза,
И в мире нет прочней, прекраснее союза!..
Толпе напоминать, что бедствует народ,
В то время, как она ликует и поет,
К народу возбуждать вниманье сильных мира –
Чему достойнее служить могла бы лира?…
Я лиру посвятил народу своему.
Быть может, я умру неведомый ему,
Но я ему служил – и сердцем я спокоен…
Пускай наносит вред врагу не каждый воин,
Но каждый в бой иди! А бой решит судьба…
Я видел красный день: в России нет раба!
И слезы сладкие я пролил в умиленье…
«Довольно ликовать в наивном увлеченье, –
Шепнула Муза мне. – Пора идти вперед:
Народ освобожден, но счастлив ли народ?..
Внимаю ль песни жниц над жатвой золотою,
Старик ли медленный шагает за сохою,
Бежит ли по лугу, играя и свистя,
С отцовским завтраком довольное дитя,
Сверкают ли серпы, звенят ли дружно косы –
Ответа я ищу на тайные вопросы,
Кипящие в уме: «В последние года
Сносней ли стала ты, крестьянская страда?
И рабству долгому пришедшая на смену
Свобода наконец внесла ли перемену
В народные судьбы? в напевы сельских дев?
Иль так же горестен нестройный их напев?..»
Уж вечер настает. Волнуемый мечтами,
По нивам, по лугам, уставленным стогами,
Задумчиво брожу в прохладной полутьме,
И песнь сама собой слагается в уме,
Недавних, тайных дум живое воплощенье:

На сельские труды зову благословенье,
Народному врагу проклятия сулю,
А другу у небес могущества молю,
И песнь моя громка!.. Ей вторят долы, нивы,
И эхо дальних гор ей шлет свои отзывы,
И лес откликнулся… Природа внемлет мне,
Но тот, о ком пою в вечерней тишине,
Кому посвящены мечтания поэта,
Увы! не внемлет он – и не дает ответа…

Произведение, как и все творчество «мужицкого поэта» посвящено сложной жизни обычного крестьянина. Название «Элегия» радостное и торжественное, но это ирония. И заключается она в том, что поэту хотелось бы, чтобы после отмены крепостного права: «…Я видел красный день: в России нет раба! И слезы сладкие я пролил в умиленье…» и с обретением свободы, люди стали жить лучше, но этого не произошло: «… Народ освобожден, но счастлив ли народ?…», «…Сносней ли стала ты, крестьянская страда? И рабству долгому пришедшая на смену Свобода наконец внесла ли перемену В народные судьбы? в напевы сельских дев?…».

Но ответа на этот вопрос нет: «…Кому посвящены мечтания поэта, Увы! не внемлет он – и не дает ответа…».

Поэт и гражданин

На момент написания данного произведения, в общественной жизни произошло переосмысление роли поэзии в формировании общественного мнения. Она перестала быть флагманом и стала выполнять исключительно развлекательную функцию. Такое положение дел совершенно не устраивало поэта.

Согласно сюжету, происходит полемика между поэтом, под которым Некрасов подразумевает себя самого и обычным гражданином. Последний уговаривает поэта начать что-то писать, руководить мышлением народа, но тот не в духе, он упрямится и сокрушается, что к нему никто не прислушивается: «…Но я обстрелянная птица. Жаль, нет охоты говорить…» и крайне безосновательно и не скромно сравнивает себя с Пушкиным: «… Так я, по-твоему, – великий, Повыше Пушкина поэт?…». К счастью, сам одергивает свое самомнение: «…Ну, нет! Твои поэмы бестолковы, Твои элегии не новы…». Тем самым, не просто претендуя на лавры величайшего из поэтов, что правдой не является, но и плачась на отсутствие таланта: «…Учить других – потребен гений, Потребна сильная душа, А мы с своей душой ленивой, Самолюбивой и пугливой, Не стоим медного гроша…».

Апофеозом стихотворения является фраза, ставшая крылатой: «…Поэтом можешь ты не быть, Но гражданином быть обязан…», подразумевающая, что нельзя оставаться безучастным к тем событиям, которые происходят в стране и обществе. А главная задача писателя, по мнению автора, эти события переосмысливать и как-то на них реагировать, учить людей задумываться об этом, формировать их мышление и взгляды.

Кому на Руси жить хорошо

В не известную пору, на не известной земле на столбовой дороге сошлись семь временнообязанных мужиков из разных деревень и заспорили о том, кому на Руси жить хорошо. Роман думает, что вольготно живется помещику; Демьян – чиновнику; Лука – попу; братья Губины – Иван и Митродор, что купцу толстопузому; старик Пахом – вельможному боярину, министру государеву; а Пров считает, что царю. И так они крепко между собой заспорили, что на них прохожие оборачиваться начали, думали, что ребята клад нашли, да поделить не могут. Пора бы им уже и разойтись каждому по своим делам, но они никак не наспорятся, так и идут в ряд, перекрикиваются. Незаметно наступил вечер, потом и темнеть начало, а они все спорили. Но им повстречалась корявая ведьма Дурандиха и спросила о том, куда они собрались на ночь глядя. Этот вопрос привел споривших в чувство. Они задумались.

Тем временем, наступила настоящая ночь, а они незаметно для себя отошли от дома верст за тридцать и Пахом предложил отдохнуть до утра, а потом обратно идти. Они присели около леска, сбегали за водкой и закуской. Выпили, поели и снова затеяли свой спор. Началась драка. Поднялся невообразимый шум-гам, лесные звери и птицы вышли из леса посмотреть, что там происходит, на людские голоса прибежала корова, отбившаяся от стада. Хорошенько поколотив друг друга и наоравшись, их сморила дремота и они легли спать. Но ответ на вопрос так и не был найден.

К костру неожиданно пробрался маленький птенчик птицы пеночки, поймал его Пахом и стал рассматривать, приговаривая, что отобрать бы у него крылышки, чтобы облететь всю Русь-матушку и посмотреть, кому же хорошо живется. Пров сказал, что не нужно крыльев, но неплохо бы по полпуда хлеба в день и они сами бы своими ногами обошли всю землю, чтобы разрешить спор, а братья Губины попросили еще по ведру водки, и по десятку соленых огурцов, и квасу, и чаю – шутили другие. Птичка полетала над ними, послушала и вдруг человеческим голосом попросила отпустить птенчика, а она им за это даст все, о чем они только что просили. Мужики удивились, но согласились и птица объяснила им как найти скатерть самобраную, которая сама их накормит и напоит, когда они попросят. Эта же скатерть умеет и чинить одежду, стирать ее и высушивать. Пахом отпустил птенчика и улетая, волшебная птичка предупредила просить в день не больше одного ведра водки, иначе два раза их желание

сбудется, а на третий – быть беде.

Они ее послушали и пошли искать ту скатерть самобраную, а когда нашли, то закатили пир горой, пообещали друг другу больше не драться. Решили не возвращаться домой к женам, детям и родителям, пока не найдут ответ на вопрос о том, кому живется весело, вольготно на Руси.

Первая глава поэмы называется «Поп». Странники отправляются в путь, и проходят по дороге, вдоль которой тянутся деревни, часто полуразрушенные и кривые от мужицкого горя, посевы бедные, дороги размочены весенним половодьем. Навстречу им шли такие же бедные крестьяне, солдаты, ямщики – у них не было смысла спрашивать о том, насколько хорошо им живется. Ближе к вечеру им повстречался поп, они его успокоили, что не грабители и назвались временнообязанными Подтянутой губернии, Уезда Терпигорева, Пустопорожней волости из разных деревень. Лука рассказывает святому отцу об их споре и спрашивает, действительно ли тому так хорошо живется на Руси. И он им рассказывает, что его доля совсем не так сладка, как думал Лука. Нет у попа ни покоя, ни почета, ни богатства. Работа тяжелая, в любое время года и дня могут позвать к умирающему, роженице, для крестин и т. д. И он безропотно отправляется туда, куда зовут. Душа часто разрывается смотреть на людские страдания и к этому невозможно привыкнуть. Нищие крестьяне сами ничего попу дать не могут, поэтому и богатствам взяться неоткуда, часто впроголодь живет поповство, да всякие мужики над ними насмехаются, называя породой жеребячьей. Товарищи накинулись на Луку с руганью, за то что он обману их. Не попу хорошо и вольготно живется.

Вторая глава поэмы носит название «Сельская ярмонка». Мужики решают сходить в село Кузьминское, чтобы посмотреть ярмонкуи и узнать, может там они встретят того, кому хорошо и легко живется на Руси. На площади много всяческого товара и тьма людей, пестро, пьяно, красочно и празднично. Глядят на торг, слушают народные байки, смеются. Странники идут в балаган посмотреть комедию с Петрушкой, козой и барабанщицей, с настоящей музыкой, а не шарманкой. Там же сразу появляется и много водки для крестьянского люду-зрителей. Люди пьют и веселятся. К вечеру наши мужики покидают это развеселое, праздничное село.

Третья глава называется «Пьяная ночь». На окраине села находится питейное заведение и вся широкая дорога за ним заполнена пьяными, спящими, шатающимися и падающими мужиками. Зрелище ужасное. Наши странники слышат знакомый голос Павла Веретенникова, с которым познакомились на

ярмарке. Он записывает в тетрадку песни и пословицы простого пьяного люда и говорит, что всем хорош русский мужик, плох только тем, что слишком много пьет. На это ему совсем пьяненький мужик Яким возражает, что жизнь крестьянская настолько тяжела и безрадостна, что иногда не грех как следует напиться. Рассказывает о бедствиях, неурожаях, болезнях и тяжком мужицом труде. Оказывается, что сам Яким когда-то жил в Питере, но потом его посадили в тюрьму за тяжбу с купцом. Домой он вернулся совершенно нищим и вот уже тридцать лет работает на земле. Его дом со всеми заработанными в течение жизни деньгами сгорел, потому что тот сначала спасал картиночки со стен, а не целковые. Но он отстроил новую хату и снова развесил картинки на стенах. Путники вспоминают свои дома и жен, им хочется скорее вернуться обратно, поэтому они подкрепились с помощью скатерти самобраной и пошли в толпу искать того, кому же на Руси хорошо и вольготно живется.

Четвертая глава поэмы называется «Счастливые». В толпе пьяных и трезвых мужиков наши странники попросили отозваться того, кому же по-настоящему хорошо и счастливо живется, а за это обещают щедро напоить. Поскольку даром выпить хочется многим, вскоре собирается целая толпа людей, объявляющих, что они и есть настоящие счастливчики. Но наши мужики их быстро отсеивают одного за другим и выпить не дают. Наливают солдату, который остался жив после многих сражений и битья палками за разные провинности. Поднесли чарку и каменотесу-олончанину за то, что тот много работает и иногда зарабатывает в день на пять серебром, они с женой и матушкой ни в чем не нуждаются и живут хорошо. Охотнику на медведей с поврежденной скулой, которую ему медведица проломила, тоже наливают. Постепенно, странники понимают, что зря раздали водку, по-настоящему счастливого человека они так и не встретили. Тут к ним подсаживается крестьянин Федосей и советует спросить Ермилу Гирина о счастье. Вкратце рассказывает о том, как у последнего была мельница, но по суду ее было велено продать и этот мужик нашел за полчаса на площади достаточно денег, чтобы заплатить задаток за мельницу – для него скинулись деньгами все крестьяне, вся площадь несла ему копеечку. А через неделю Ермило роздал всем обратно задолженные деньги и последний рубль, хозяина которого так и не нашлось, был отдан слепым. До этого его избрали бурмистром над всей княжеской вотчиной. Семь лет он правил там хорошо и справедливо, лишней копейки не брал. Только однажды выручил младшего брата Митрия от рекрутства. И вместо Митрия отправили в солдаты сына Власьевны. Но со временем, сам Ермил стал корить себя за это,

собирался повеситься, думали, что он сойдет с ума. Сын Власьевны был возвращен, а Митрий ушел служить. После этого, Ермил уволился со службы и начал заниматься мельницей. Народ его любил еще сильнее, чем раньше. И тут, один голос из толпы сообщает, что Ермил в остроге за бунт в вотчине помещика Обрубкова.

Пятая глава называется «Помещик». Вся компания видит тройку с колокольчиком, в которой сидит помещик Гаврила Афанасьевич Оболт-Оболдуев, шестидесяти лет. Крестьяне обступили его тройку, а семеро здоровых мужиков загородили ему путь. И рассказали о своем споре, попросили помещика честно сказать, хорошо ли ему жить на Руси. Тот им ответил, что раньше действительно была жизнь богатая, роскошная, ни в чем не знали нужды, часто устраивали великолепные псовые охоты, леса кишели дичью, реки – рыбой, а помещичий дом ломился от добра. Но те времена прошли бесследно и теперь разбойники разоряют барские леса, крестьяне разрушают помещичьи дома, вырубают вековые сады на дрова. Порядка никакого нет, дворянство измельчало и перевелось. Ничего почти не осталось от прежней жизни. Поняли путники, что и в помещичьей жизни счастья нет.

Вторая часть поэмы называется «Последыш». Путешественники приходят на Волгу. Видят там дружных косцов, работников-крестьян и знакомятся с главным из них – Власом. Наблюдают, как жирует князь Утятин и рассказывают Власу о своем споре и желании найти того, кому хорошо жить на Руси. Влас рассказывает о помещике, что тот самодур и всегда все делал как хотел, но когда времена изменились и крестьяне стали вольными, старик ни за что не хотел в это верить и не смог измениться, наоборот, стал еще злее и подозрительнее, его хватил удар и он слег. Все думали, что уже не встанет, приехали сыновья с женами и только собрались распоряжаться имуществом, как старик внезапно выздоровел и был очень сердит на детей. Тогда они решили соврать, что на самом деле ничего не изменилось, все по-прежнему.

Поверил в это Утятин и сразу повеселел, а наследники попросили крестьян подыграть им, кланяться барину, как прежде, вести себя, как до отмены крепостного права. И крестьяне согласились, а сами постоянно посмеивались над причудами полоумного старика, да ждали, когда же тот уже отдаст Богу душу, настолько он надоел всем. Все было хорошо, пока однажды крестьянин Агап Петров – грубый и несговорчивый мужик не открыл барину правду о том, что на самом деле последнему уже ничего не принадлежит. Разозлился князь и велел Агапа как

следует высечь. Тогда бургомистр напоил его до полумертвецкого состояния и заставил кричать на конюшне, как будто его бьют. И только когда последнего вынесли на руках, дескать побитого, смягчился помещик. Вскоре Агап неожиданно умирает.

Через совсем небольшой промежуток времени умирает и старый князь, а крестьяне вздыхают с облегчением. Но радость была недолгой, со смертью помещика, пропала и его ласка, и шутки простых мужиков, а наследники так и не отдали крестьянам тех угодий, что обещали, чтобы последние потешили старика.

Третья часть поэмы называется «Крестьянка». Странники решили поискать по-настоящему счастливого человека среди женщин и их направили спросить об этом у губернаторши. Автор описывает богатый урожай в селе, по которому проходят мужики, осеннюю пору, когда созревают все овощи и никто не голоден. А потом мужики заходят в другую деревню, из которой уехали помещики, видят голод, нищету и разоренный господский сад. Нет больше ни ягод, ни фруктов, ни рыбы в водоемах, само имение загажено и разворовано. Наконец, они встречают Матрену Тимофеевну – красивую статную женщину, лет тридцати восьми и объясняют ей, что ищут того, кому хорошо живется на Руси. За обещание, что они помогут ей сжать всю рожь, она соглашается рассказать странникам о своем счастье.

Первая глава называется «До замужества». Матрена рассказывает, что выросла в хорошей, не пьющей семье, где все заботились друг о друге. С семилетнего возраста она начала работать, была горазда в молодости и хорошо поработать, и хорошо поплясать. Со временем, нашелся и жених из Петербурга, печник – Филипп Корчагин. Родители не хотели отдавать дочь в чужую сторону, но постепенно смягчились, да и самой девушке приглянулся Филипп. Она вспоминает, что была счастлива только, когда он к ней сватался, а больше и никогда. Вскоре была сговорена и сама свадьба.

Вторая глава третьей части поэмы называется «Песни». Родственники жениха встретили молодую жену не ласково, всем были не довольны. Муж вскоре ушел в работу, а молодая осталась дома с его неприветливой родней. Зимой Матрена родила сына Демушку и была счастлива, ничего ее не расстраивало, пока к ней не начал приставать господский управляющий и только отец свекра ее по-настоящему жалел, поэтому к нему она и пошла за советом, как отвадить этого мужлана.

Третья глава называется «Савелий, богатырь святорусский». Родитель свекра Матрены был сильно заросшим и оттого страшноватым, но очень мудрым и добрым человеком. Он не

любил семейку, которая изводила молодую жену, в свой дом не пускал и ему отвечали такой же нелюбовью, даже сын.

В моменты, когда свекор особенно воевал, сердился и досаждал, Матрена с сыном убегали к дедушке, где находили приют и ласку, и тепло. Однажды, Савелий рассказывает, что его дразнят «каторжным», потому, что он действительно был каторжником. А начиналось все с того, что их село было настолько далеко и труднодоступно, окружено дремучими лесами и топкими болотами, что к ним никакой помещик за данью пробраться не мог. Поэтому люди могли не платить барщину годами. Единственные, кто тогда изводили сельчан – медведи, но с ними разговор был короткий и именно после одной такой встречи с медведицей у дедушки хрустнула спина и к старости совсем согнулась, что уже не разогнется.

Но помещик Шалашников повелел им самим к нему явиться, а они – ни в какую. Тогда, как назло, была сильная засуха и полиция смогла до них добраться. Сколько дани они ей не давали, да делать нечего, пришлось все же идти к помещику. Он начал с них требовать дань, а дать и нечего. Потом он стал их пороть. Мужики насобирали ему часть денег, что у них была. Помещику понравилось и он начал их звать каждый год, пороть и забирать деньги. Но хитрые крестьяне никогда не отдавали барину всех денег, что у них были с собой. Терпели побои, но денежку приносили обратно домой целой и невредимой, да смеялись над Шалашниковым.

Потом пришло уведомление, что помещика убили в сражении и его наследник подослал им немца для сбора подати. Он незаметно для мужиков заставил сделать широкую дорогу по которой привез жену и детей. И с этого момента для простого народа начались очень тяжелые времена. Этот немец порол их беспощадно и забирал вообще все деньги. Они терпели его восемнадцать лет. Однажды он заставил их копать колодец, мужики хорошо поработали, но тот был недоволен. Тогда они все, не сговариваясь скинули Христиана Христианыча в яму, которую вырыли и засыпали ее песком. За это дедушку отправили сначала в острог, а потом на каторгу. Двадцать лет строгой каторги и двадцать лет поселения. Но Савелий за это время скопил денег и по царскому манифесту вернулся домой. Построил домик, в котором и сейчас живет. Дети и внуки любили его только пока у того были деньги, а потом начали плевать в лицо, когда деньги закончились.

Четвертая глава третьей части поэмы называется «Дёмушка». Матрена оставила маленького сына у дедушки, пока сама работала в поле – так заставила сделать свекровь. А старик

Савелий не смог досмотреть мальчика и его убили свиньи. Начался суд над дедушкой и над самой Матреной, которую обвиняли в убийстве своего ребенка. Похоронить по-христиански его не дали и делали вскрытие. Смотреть на это она не могла, она рыдала и выла, ее сочли безумной и связали. Потом мать просто потеряла сознание. Очнулась, когда сыночек был уже в гробу в доме у дедушки и над покойником читали молитвы.

Пятая глава называется «Волчица». Матрена очень-очень долго не могла оправиться от смерти единственного ребенка. Она не работала, ничего не делала по дому, днями и ночами сидя у могилки сына. Дедушку она возненавидела. Стала скучать по родителям. Оказалось, что Савелий сначала ушел в леса с горя, а потом замаливать свои грехи в Песочный монастырь. Женщина с мужем съездила к родителям, и сама не заметила как прошло три года. Она родила еще троих детей и ей некогда было особо плакать о сынишке, нужно было работать.

На четвертый год умерли оба ее родителя и на могилке сына, она встречает Савелия, который вернулся из Песочного монастыря. Он умоляет ее о прощении и вскоре сам умирает. Его хоронят рядом с Демой.

Когда второму сыну Матрены исполнилось восемь лет, свекор отдал его в пастухи. И однажды, пока Федор пас стадо, огромная волчица подкралась и забрала овцу. Мальчик кинулся за ней и не догнал бы ее, если бы из ее сосцов не шла кровь. Она оставляла этот кровавый след повсюду. Потом, вдруг, села, заглянула в глаза пастушенку и жалобно завыла как заплакала. Овца все равно уже была мертвой и мальчишка отдал ее зверю. По глупости сам же об этом и рассказал и его собирались высечь за это. Но вовремя подоспела Матрена и уберегла сына от розог. Вместо этого, высекли ее саму.

Шестая глава третьей части поэмы называется «Трудный год». В тот год на небе видели необычную яркую звезду и многие видели в этом дурной знак. Действительно, не уродился хлеб и наступил страшный голод. Потом начался рекрутский набор и несмотря на то, что в солдаты уже ушел старший брат Филиппа, забрали и его. А родня мужа, по-прежнему, не любила золовку и ругала ее детей. Без мужа теперь ее и защитить было некому.

Седьмая глава называется «Губернаторша». Матрена вышла в морозную ночь помолиться, пробежалась по всей деревне, ветер обдул ее горячую голову и ей сразу стало легче. Она много думала тогда и решила отправиться в город к губернатору. Но ей довелось встретиться с губернаторшей – Еленой Александровной. Молодая женщина кинулась ей в ноги, а поскольку тогда была беременна, то от волнения у нее начались роды. Мальчика

назвали Лиодором. И губернаторша во всем помогла Матрене. Она помогла найти и вернуть Филиппа обратно. В губернаторском доме пара гостила до весны, а потом вернулась вместе с маленьким сыном домой.

Восьмая глава третьей части поэмы называется «Бабья притча». С тех пор на селе Матрену стали называть «губернаторшей» и считать счастливицей. Сама она сейчас правит домом, растит пятерых сыновей и говорит, что среди женщин действительно счастливую нечего искать. Рассказывает о тяжкой работе, о том, что хата несколько раз горела, о болезнях. Сравнивает женское счастье с волюшкой, ключи от которой навсегда утеряны и найти их нигде нельзя: ни в море, ни на небе. А странникам советует не спрашивать женщин об их счастье – такого нет.

Четвертая и заключительная часть поэмы «Кому на Руси жить хорошо» называется «Пир на весь мир» и посвящена Сергею Петровичу Боткину. В конце села растет ива – свидетельница всей жизни вахлаков – жителей села, в которое забрели наши странники. Тут же, на срубе избы расселись мужики, среди которых и путешественники, и Влас, и все остальные крестьяне. Сразу за селением была Волга, а за ней город, точнее, все, что от него осталось после пожара.

Влас с крестьянами рассуждают о том, как им быть с поемными лугами, которые им обещали сыновья старого князя Утятина и за которые теперь затеяли тяжбу с мужиками. Они решают отдать свои луга старосте в качестве оброка и податей, а раз подати уплачены, то крестьянин может жить как хочет: работать или гулять, по своему усмотрению. Решение остается за Власом, который повидал столько горя и обмана на своем веку, что и сейчас сомневается, ему не верится, что с выходом царского «Положенья», те тяжкие оковы, которыми он был скован всю жизнь, наконец, падут. Собравшиеся мужики рассказывают разные истории про помещиков и о том, как им жилось под их гнетом. Постепенно начали спорить о том, кто же всех грешнее на Руси. Немножко подрались. Но вскоре помирились и начали рассказывать разные истории, байки о простых людях, странниках, святых старушках, сплетнях, пели песни, пили водку и радовались, что отныне они – вольные люди. Гуляние затянулось до утра и когда рассвело, крестьяне позавтракали, а только после этого стали разбредаться по домам.

Эпилог поэмы называется «Гриша Добросклонов». У Власа был крестный сын – Гриша, которому дома жилось очень голодно, а от голодной смерти его спасли только вахлацкие мужики, несмотря на то, что те сами часто недоедали. Учась в семинарии,

Гриша часто вспоминал вахлачину и знал, что непременно хочет туда вернуться насовсем. Молодого человека одолевали мысли о народе, о его силе, о смелости, о широте души, но, вместе с тем, и о бессилии этого загадочного русского человека, неизведанной души. Он вспоминает песни, которые слышал ранее и заучивает новые, в которых рассказывается о человеческой судьбе, о величии Родины-матушки, о почитании родителей, о бурлаках и их тяжком труде. В конце концов, он приходит к выводу о том, что счастье русского человека заключается в нем самом, он сам творец его.

Мороз, красный нос

Начинается поэма со стихотворения-прощания, посвященного сестре автора – Анне Алексеевне. Он отвечает на ее упреки в том, что поэт давно ничего не создавал и «раздружился с музой», объясняет, что поприще поэта не прочно и не стабильно, нужно обладать немалым мужеством, чтобы не бояться клеветы и зависти. Писатель признается, что ему пора умирать и это его последняя песня, которую он посвящает именно любимой сестре. Благодарит ее за все хорошее, за молитвы о нем. Предупреждает, что эта его песнь будет гораздо печальнее всех предыдущих, поскольку на сердце тоска и тяжесть. Не случайно описание ужасной бури, разыгравшейся за окном, как предвестника чего-то страшного, не хорошего. Об этом же говорит и финальная фраза этого обращения к сестре: «…Милый друг, поняла ты давно Здесь одни только камни не плачут…».

Первая часть поэмы называется «Смерть крестьянина». В ней рассказано о тяжелой утрате для бедной деревенской семьи – смерти крестьянина Прокла. О том, как его жена, некогда сильная, здоровая и красивая девушка, а ныне иссушенная горем и страданием шьет мужу саван из кусков полотна. Она тихо плачет. Резвятся лишь несмышленые дети, не понимая, что произошло. А на дворе воет снежная вьюга, морозно.

В это время, в другой деревне за четыре версты около церкви, старик копает в промерзлой земле могилу для Прокла и сокрушается, что не должно было так все случиться, что рано тому еще было помирать. Этот старик – отец покойника, а его мать оказалась вынужденной покупать сыну гроб. И теперь они а старых дрожках едут в дом к жене Прокла, чтобы забрать тело.

Покойника обрядили в одежды и все это время избегали смотреть в глаза друг другу. Но когда все было закончено, то дали волю своему горю. Приходят соседи, оставляют свечи и уходят. В головах у усопшего всю ночь читает молитвы дьячок. Вдова – Дарья уходит проведать детей, которых отправили ночевать к соседке, старуха стонет на печи, а старик рядом возится с лаптем.

Автор рассказывает, что случилось с Проклом. Он торопился доставить в срок товар, половину суток простоял в глубоком сугробе, а потом еще три дня шел за подводой, несмотря на жар и озноб. Домой он вернулся уже очень больным. Не смогли его спасти никакие народные средства, ни знахарки, ни целебная икона, которую Дарья принесла из отдаленного монастыря, что за тридцать верст от дома. По иронии судьбы, больной увидел

любимую жену с иконой, простонал и умер.

Его погрузили в гроб и на коне Савраске отвезли к месту похорон. Там опустили в землю, засыпали, порыдали, прочли молитвы, да разбрелись по домам. Соседки только шептались, что Дарье теперь сильно прибавится работы, да незавидна участь детей покойника. Пожалеть их уже будет некому, как и помочь. В деревне смерть мужа и кормильца семьи была не редкостью и всегда означала очень тяжелые времена для его вдовы и детей, а иногда и вовсе голодную смерть.

После похорон мужа, Дарья возвращается домой и сразу занимается работой, ей некогда кручиниться. Нужно детей покормить, прибраться, избу прогреть. Она собирается топить печь, но видит, что дров не осталось, поэтому решает ехать за ними в лес на Савраске, отправляет детей к соседке и отправляется в путь.

Вторая часть поэмы называется «Мороз, красный нос». Оставшись одна в безлюдном далеком заснеженном лесу, Дарья дает волю слезам и своему горю. Наплакавшись, начинает рубить и колоть дрова. Она старается скорее заполнить весь воз, поэтому торопится и не чувствует, что ноги совсем озябли. Ей кажется, что она говорит с умершим мужем. Рассказывает как подружки летом будут снова на руках качать их красавицу-дочь Машу. Переживает, что одна не справится со всеми работами, мысленно косит летнюю траву, собирает сено в стог, просит супруга выйти посмотреть, хорошо и правильно ли она все сделала. Думает о том, как она будет одна жать рожь, а помочь ей будет некому. О том, что зимние ночи длинны, а без любимого тоскливо и она будет ткать полотно, чтобы как-то отвлечь себя. О том, как она будет сына женить, когда тот подрастет. Вспоминает, как они обсуждали с мужем его будущую невесту, когда мальчик еще только сам научился ходить и уже тогда собирали деньги на свадьбу. Просит мужа выйти встречать свадебный поезд. Понимает, что теперь некому защитить сына от рекрутского набора, о котором давно говорят в народе.

Вспоминает бедная Дарья как она ходила в далекий путь за чудотворной иконой, не боялась ничего, все старалась сделать для мужа, только боялась сказать как сильно его любит. И в дороге ей все попадались дурные знаки, но она гнала тяжкие мысли прочь. Однако, и икона не сумела ничем ей помочь. Так, задумавшись, она нарубила целый огромный воз дров.

Она уже собиралась ехать обратно с дровами, но о чем-то задумалась и подошла с топором к высокой сосне. В это время свои владения с дозором обходил воевода-Мороз. Он хвастается перед Дашей своей удалью, красотой и богатством, зовет ее пойти

с ним во дворец и быть там царицей, не знать нужды ни в чем. Опускается с высокой сосны все ниже, шепчет на ухо нежности, уговаривает согреться, превращается в Прокла, начинает ее целовать, обнимать. Вдова счастлива, она не замечает холода. Ей снится лето, семейная дружная работа, она беременна третьим ребенком, но не говорит пока об этом мужу, она счастлива, все хорошо, никакой беды и горя нет. На душе мир и покой. Так она замерзает насмерть.

Русские женщины

Первая часть поэмы называется «Княгиня Трубецкая». Старый граф-отец провожает свою княгиню-дочь в дальний путь и они не знают, встретятся ли когда-нибудь снова. Девушке тяжела эта разлука, но она не дает воли чувствам. Она прощается с Петербургом и мертвенно-бледная, во всем черном суровой зимой отправляется в одиночку очень далеко. Катерина вспоминает свое безоблачное детство, богатый дом, роскошь, балы, знатных гостей. Потом ей вспоминается юность, как она с молодым возлюбленным переезжает в Рим. Но их счастье длится недолго, хотя, она и запоминает его на всю жизнь, равно как и слезы пролитые об этом. На ее Родине творится безобразие, мужик сильно бедствует, а царь и помещик лютует. Это сильно печалит наивную молодую душу. Княгиня проезжает по стране и везде видит только горе, нищету, тяжкий труд и безысходность. В дурном сне ей снится любимый человек, который заключен в острог и она его приехала спасать.

Ехать еще очень далеко, а мороз ночью оказался особенно нестерпимым, кажется, что замерз и умер ямщик, девушка его поспешно окликает и радостно понимает, что тот просто спал. Ей холодно. Незаметно для себя, она сама засыпает и ей снится солнечный, приветливый юг и счастье с возлюбленным.

Минуло почти два месяца, а княгиня все еще в пути и он еще очень долог. В Иркутске ее встречает с почестями сам губернатор и пытается отговорить продолжать путь, рассказывает как страшен и жесток край каторжников, а мужу своему она все равно ничем помочь не сможет, только погибнет и сама. Уговаривает вернуться к отцу. Все бесполезно, она упряма и рвется к мужу, чтобы разделить свою судьбу с ним. Генерал говорит, что она должна подписать бумагу об отречении от всех прав, прежде, чем ехать дальше. Но девушка, не моргнув глазом, готова сделать и это. Губернатор пытается напугать ее этапным путем и ночевками в снегу, но она и на это готова. Тогда он в отчаянии, соглашается дать ей лошадей для продолжения путешествия. Он понимает, что решение княгини крепко и нерушимо.

Вторая часть поэмы называется «Княгиня М.Н. Волконская». Внуки прося свою мудрую бабушку что-нибудь им рассказать, но она отправляет их гулять, пока лето и говорит, что расскажет свои истории потом, когда они немного подрастут и будут понимать жизнь. Специально для них, она пишет записки, в которых рассказывает обо всех близких ей людях. Кроме этого, она оставит им в завещании альбом, цветы с могилы сестры,

коллекцию бабочек и железный браслет, который дед выковал в подарок жене из собственной цепи.

Бабушка начинает свой рассказ с описания детства. Она родилась в деревне под Киевом в богатой и знатной семье. Была любимой дочерью, а ее отец был талантливым полководцем, который своими подвигами возвеличил славу рода. Занятый делами военными, он не вмешивался в семейные, но любил жену и детей, а те его считали полубогом. Окончив ратные походы, он доживал свой век в усадьбе. Его дочь училась всему, что нужно знать знатной дворянке и часто пела в саду. Устраивали роскошные балы, где молодежь танцевала, а старики спорили. Девушка была очень хороша собой и отбоя от ухажеров не было.

Вскоре ей нашли жениха – Сергея Волконского, гораздо старше ее, но генерала. Через две недели сыграли свадьбу. Она почти не знала его ни в бытность женихом, ни в бытность супругом. Однажды, он приехал к ней в Одессу, где она поправляла здоровье, а под утро неожиданно попросил разжечь камин и поспешно сжег все свои документы и письма. После этого, отвез ее в усадьбу отца и уехал.

Она осталась опять без мужа и была уже беременна. Супруг так и не приехал и не написал письма даже после рождения первенца сына. Тогда молодая жена решила ехать сама в Петербург, вслед за мужем, отцом и братом, которые спешно туда ускакали. Девушка была уверена, что с любимым случилось что-то не хорошее. Но ни отец, ни брат ей правды не сказали, окружив ее стеной, сквозь которую не поступали никакие новости, даже газеты читать не давали.

Потом она узнала, что мужа обвинили в заговоре и подготовке мятежа против властей. В это не верилось и разговор с отцом ее успокоил, она простила благоверного. Здоровье девушки окрепло и она с сестрой поехала в тюрьму повидаться с мужем. Свидание прошло очень нежно, они оба сильно тосковали друг по другу. И несмотря на то, что у обоих были очень знатные и влиятельные семьи, спасти Сергея было никак нельзя. После еще одного свидания, его увезли в Сибирь. Вскоре туда же собралась и молодая жена. Ее семья была яростно против этого. Уговаривали не ехать и угрожали, но она настояла на своем. Ее место – рядом с супругом и в радости, и в горе. А сын оставался в ее родной семье и она знала, что его досмотрят, вырастят и будут лелеять. Со временем он поймет мать.

Девушка пишет письмо государю Николаю, в котором просит позволения ехать к мужу и получает разрешение. Собравшись за три дня, она оставляет сына, родных и уезжает. Тогда был морозный декабрь и за три дня она доезжает до Москвы, где

живет ее сестра Зинаида – молодая и талантливая княгиня. Последняя предлагает устроить бал в честь сестры, чтобы отвлечь ту от тяжких мыслей. Весть о визите первой быстро распространилась по всей Москве и на вечер прибыли не только поэты, в числе которых были Одоевский, Вяземский, Пушкин, но и многочисленное семейство. Они восхищались ее геройством и решительностью. Девушка вспоминает, как знала еще молодого Пушкина, ей даже казалось, что он был немножко в нее влюблен, они все вместе отдыхали в Юрзуфе. Сейчас, на этом вечере, великий поэт горячо поддержал ее желание быть рядом с супругом, нашел для нее правильные слова и на душе сразу стало легче, она поняла, что поступает правильно. Пушкин даже обещал при случае заехать к ним в Сибирь, но так и не заехал. С рассветом она отправилась в дальний путь.

Морозило, дорога была белой и снежной. Навстречу попадались бесконечные обозы, старушки богомолки, почта, купцы, солдаты, помещик со своим егерем. На станциях, как обычно, сутолока. В Казани княгиня делает первый привал, а в окно гостиницы видит бал и вспоминает, что час или два осталось до нового года. Она молода и ей тоже хочется веселья, но она понимает, что едет на муки. Немного отдохнув, девушка снова велит ямщику готовить лошадей, несмотря на то, что поднялась вьюга. Дорога становится все хуже и вскоре совсем пропадает. Ямщик идет ее искать, а княгиня остается в кибитке и понимает, что наступил новый год. Вьюга по-прежнему лютовала, но девица не боялась ее. Вернувшись, ямщик предлагает переночевать в зимовке, что неподалеку. Они разбудили каких-то убогих лесных сторожей, согрелись чаем и отправились спать, а метель становилась все ужаснее. На ночь дверь завалили двумя огромными камнями – одолели медведи.

Рано поутру лесник помог найти дорогу и их путешествие продолжилось, а морозы становились все крепче и скоро стали совсем невыносимыми. Княгиня закрылась в своей повозке и осталась там совсем одна, не видя даже своего ямщика. Она от скуки пела, мечтала и так ехала в течение трех недель.

Один раз она услышала шум, откинула свою циновку и увидела огромное село с крестьянами и крестьянками, они жгли костры и ожидали обоза с серебром. Ямщик сказал, что они тоже смогут на него посмотреть, он уже не далеко идет. Молодая жена была рада этой встрече, она надеялась что-то узнать о муже. Но офицер, который сопровождал обоз, был груб и надменен. Только солдатик рассказывает, что арестанты декабрьского дела живы-здоровы и живут в Благодатском руднике.

Путешествие продолжилось, а утром девушка услышала

колокольный звон и вошла в убогую церковь. Там она прослушала обедню, попросила попа отслужить молебен и, наконец, дала выход своим накопленным слезам. Ночью ямщик не смог удержать лошадей и она полетела вместе с кибиткой со слишком крутой горы на Алтае. То же самое случилось и в Иркутске. На Байкале во время переправы она рассталась со своей кибиткой – дороги для саней больше не было. Пересела в телегу, многого натерпелась в пути, часто голодала, попробовала вяленую на солнце говядину и кирпичный чай с салом, который готовили буряты. Только около Нерчинска торговый купец устроил ей настоящий праздник, накормил вкусными пельменями, растопил баню, но девушка почти весь вечер проспала на мягком диване, от усталости.

Утром она прибывает в Нерчинск и не верит своим глазам, видя Катерину Трубецкую. Они радостно обнимаются. И до мужа ехать осталось всего двенадцать верст. Девушки – Мария и Екатерина решают путешествовать дальше вместе, помогать и поддерживать друг друга. Ведь у них общая беда и теперь они почти сестры.

Снова появился снег, можно было ехать в санях и подруги быстро доехали до нужного рудника. Велели вести их к начальнику каторги. Он был очень толстым и глупым, требовал бумагу из Нерчинска, не знал французского и не верил, что перед ним настоящее царское позволенье. Маша хотела ехать за этой бумагой, но начальник вызвался сам поехать, а девушкам было бы неплохо отдохнуть с дороги. Они добрели до какой-то хаты со слюдяными окошками, очень низкими потолками и тесной, но рядом была Катя Трубецкая, а вместе им – все ни по чем.

Утром Мария проснулась первой и пошла бродить по деревне, ища место, где держат ее мужа. Вскоре она его находит, но каторжники ушли на работу – охрана ей говорит. Крестьянские дети знали, где работают арестанты и провели ее туда, а сами убежали. Княгиня сильно хотела встретиться с мужем. Вход в низенькую дверь охранял солдат с саблей наголо и он не хотел брать золото, которое ему предлагали. И тут следует благодарность простому русскому крестьянину за то, что помогали как могли и никто ни разу ничем не обидел, наоборот, старались поддержать и утешить. Часовой сжалился над ее рыданиями и пропустил внутрь.

Она долго спускалась все ниже и ниже, потом пошла глухим коридором, на стенах была плесень, стекала вода и собиралась в лужи, было душно, а стены иногда дрожали и с них сыпались комья земли. Внезапно послышался голос дежурного, который был зол и призывал даму вернуться, запрещая дальше идти. Но

она задула факел, которым освещала себе путь и наугад побежала вперед, с мольбой не сломать себе ничего и не свалиться ни в какую яму. Ей повезло и она прошла невредимой мимо огромных расселин и провалов. Вскоре впереди замаячил огонек маленькой звездочкой и Маша побежала еще быстрее навстречу. Становилось все светлее и она увидела какую-то площадь и тени на ней. Ее увидели и решили, что это ангел спустился к ним с небес. Раздался голос Трубецкого, узнавшего ее и ей спустили лесенку, по которой она стрелой поднялась наверх.

Там она встретила всех знакомых и многих друзей: Сергей Трубецкой, князь Оболенский, Борисовы и прочие. Только мужа среди них нет, но за ним уже послали. Они шутили и радостно приветствовали ее, но на них были оковы, о которых девушка не знала. Внизу горячился офицер и требовал спустить ему лесенку, но вся компания, наоборот, уходила вглубь и никто ее ему не спускал. Княгиня передает радостные письма из дома для других арестантов, говорит Трубецкому, что Катя тоже здесь и скоро они встретятся. По пути следования им встречались отважные работники в оковах, добывающие руду, часто они рисковали там жизнью, работа велась над бездной и на это страшно было даже смотреть. Наконец, Мария увидела мужа. Встреча оказалась эмоциональной, они очень обрадовались друг другу, но потом их обступили все остальные и повисла гробовая тишина, торжественное молчание, которое не прерывал ни звук молота или оков, ни возглас. Так они стояли крепко обнявшись, а окружающие, глядя на них, каждый думал о своем.

Но снизу снова послышался гневный голос офицера, а смотритель работ сказал, что нарочно скрылся, чтобы не мешать свиданию, но пора расходиться. Внизу Машу грубо обругал тот офицер, а муж ей сверху по-французски сказал, что они теперь встретятся в остроге.

Железная дорога

Ваня (в кучерском армячке).

Папаша! кто строил эту дорогу?

Папаша (в пальто на красной подкладке),

Граф Петр Андреевич Клейнмихель, душенька!

Разговор в вагоне

Славная осень! Здоровый, ядреный
Воздух усталые силы бодрит;
Лед неокрепший на речке студеной
Словно как тающий сахар лежит;
Около леса, как в мягкой постели,
Выспаться можно – покой и простор!
Листья поблекнуть еще не успели,
Желты и свежи лежат, как ковер.
Славная осень! Морозные ночи,
Ясные, тихие дни…
Нет безобразья в природе! И кочи,
И моховые болота, и пни –
Всё хорошо под сиянием лунным,
Всюду родимую Русь узнаю…
Быстро лечу я по рельсам чугунным,
Думаю думу свою…
Добрый папаша! К чему в обаянии
Умного Ваню держать?
Вы мне позвольте при лунном сиянии
Правду ему показать.
Труд этот, Ваня, был страшно громаден
Не по плечу одному!
В мире есть царь: этот царь беспощаден,
Голод названье ему.
Водит он армии; в море судами
Правит; в артели сгоняет людей,
Ходит за плугом, стоит за плечами
Каменотесцев, ткачей.
Он-то согнал сюда массы народные.

Многие – в страшной борьбе,
К жизни воззвав эти дебри бесплодные,
Гроб обрели здесь себе.
Прямо дороженька: насыпи узкие,
Столбики, рельсы, мосты.
А по бокам-то всё косточки русские…
Сколько их! Ванечка, знаешь ли ты?
Чу! восклицанья послышались грозные!
Топот и скрежет зубов;
Тень набежала на стекла морозные…
Что там? Толпа мертвецов!
То обгоняют дорогу чугунную,
То сторонами бегут.
Слышишь ты пение?.. «В ночь эту лунную
Любо нам видеть свой труд!
Мы надрывались под зноем, под холодом,
С вечно согнутой спиной,
Жили в землянках, боролися с голодом,
Мерзли и мокли, болели цингой.
Грабили нас грамотеи-десятники,
Секло начальство, давила нужда…
Всё претерпели мы, божии ратники,
Мирные дети труда!
Братья! Вы наши плоды пожинаете!
Нам же в земле истлевать суждено…
Всё ли нас, бедных, добром поминаете
Или забыли давно?..»
Не ужасайся их пения дикого!
С Волхова, с матушки Волги, с Оки,
С разных концов государства великого –
Это всё братья твои – мужики!
Стыдно робеть, закрываться перчаткою,
Ты уж не маленький!.. Волосом рус,
Видишь, стоит, изможден лихорадкою,
Высокорослый больной белорус:
Губы бескровные, веки упавшие,
Язвы на тощих руках,
Вечно в воде по колено стоявшие
Ноги опухли; колтун в волосах;
Ямою грудь, что на заступ старательно
Изо дня в день налегала весь век…
Ты приглядись к нему, Ваня, внимательно:
Трудно свой хлеб добывал человек!
Не разогнул свою спину горбатую

Он и теперь еще: тупо молчит
И механически ржавой лопатою
Мерзлую землю долбит!
Эту привычку к труду благородную
Нам бы не худо с тобой перенять…
Благослови же работу народную
И научись мужика уважать.
Да не робей за отчизну любезную…
Вынес достаточно русский народ,
Вынес и эту дорогу железную –
Вынесет всё, что господь ни пошлет!
Вынесет всё – и широкую, ясную
Грудью дорогу проложит себе.
Жаль только – жить в эту пору прекрасную
Уж не придется – ни мне, ни тебе.
В эту минуту свисток оглушительный
Взвизгнул – исчезла толпа мертвецов!
«Видел, папаша, я сон удивительный, –
Ваня сказал, – тысяч пять мужиков,
Русских племен и пород представители
Вдруг появились – и он мне сказал:
«Вот они – нашей дороги строители!..»
Захохотал генерал!
«Был я недавно в стенах Ватикана,
По Колизею две ночи бродил,
Видел я в Вене святого Стефана,
Что же… всё это народ сотворил?
Вы извините мне смех этот дерзкий,
Логика ваша немножко дика.
Или для вас Аполлон Бельведерский
Хуже печного горшка?
Вот ваш народ – эти термы и бани,
Чудо искусства – он всё растаскал!» –
«Я говорю не для вас, а для Вани…»
Но генерал возражать не давал:
«Ваш славянин, англо-сакс и германец
Не создавать – разрушать мастера,
Варвары! дикое скопище пьяниц!..
Впрочем, Ванюшей заняться пора;
Знаете, зрелищем смерти, печали
Детское сердце грешно возмущать.
Вы бы ребенку теперь показали
Светлую сторону…»
Рад показать!

Слушай, мой милый: труды роковые
Кончены – немец уж рельсы кладет.
Мертвые в землю зарыты; больные
Скрыты в землянках; рабочий народ
Тесной гурьбой у конторы собрался…
Крепко затылки чесали они:
Каждый подрядчику должен остался,
Стали в копейку прогульные дни!
Всё заносили десятники в книжку –
Брал ли на баню, лежал ли больной:
«Может, и есть тут теперича лишку,
Да вот, поди ты!..» Махнули рукой…
В синем кафтане – почтенный лабазник,
Толстый, присадистый, красный, как медь,
Едет подрядчик по линии в праздник,
Едет работы свои посмотреть.
Праздный народ расступается чинно…
Пот отирает купчина с лица
И говорит, подбоченясь картинно:
«Ладно… нешто… молодца!.. молодца!..
С богом, теперь по домам, – проздравляю!
(Шапки долой – коли я говорю!)
Бочку рабочим вина выставляю
И – недоимку дарю!..»
Кто-то «ура» закричал. Подхватили
Громче, дружнее, протяжнее… Глядь:
С песней десятники бочку катили…
Тут и ленивый не мог устоять!
Выпряг народ лошадей – и купчину
С криком «ура!» по дороге помчал…
Кажется, трудно отрадней картину
Нарисовать, генерал?..

Размышления у парадного подъезда

Вот парадный подъезд. По торжественным дням,
Одержимый холопским недугом,
Целый город с каким-то испугом
Подъезжает к заветным дверям;
Записав свое имя и званье,
Разъезжаются гости домой,
Так глубоко довольны собой,
Что подумаешь – в том их призванье!
А в обычные дни этот пышный подъезд
Осаждают убогие лица:
Прожектеры, искатели мест,
И преклонный старик, и вдовица.
От него и к нему то и знай по утрам
Всё курьеры с бумагами скачут.
Возвращаясь, иной напевает «трам-трам»,
А иные просители плачут.
Раз я видел, сюда мужики подошли,
Деревенские русские люди,
Помолились на церковь и стали вдали,
Свесив русые головы к груди;
Показался швейцар. «Допусти», – говорят
С выраженьем надежды и муки.
Он гостей оглядел: некрасивы на взгляд!
Загорелые лица и руки,
Армячишка худой на плечах,
По котомке на спинах согнутых,
Крест на шее и кровь на ногах,
В самодельные лапти обутых
(Знать, брели-то долгонько они
Из каких-нибудь дальних губерний).
Кто-то крикнул швейцару: «Гони!
Наш не любит оборванной черни!»
И захлопнулась дверь. Постояв,
Развязали кошли пилигримы,
Но швейцар не пустил, скудной лепты не взяв,
И пошли они, солнцем палимы,
Повторяя: «Суди его бог!»,
Разводя безнадежно руками,
И, покуда я видеть их мог,
С непокрытыми шли головами…
А владелец роскошных палат

Еще сном был глубоким объят…
Ты, считающий жизнью завидною
Упоение лестью бесстыдною,
Волокитство, обжорство, игру,
Пробудись! Есть еще наслаждение:
Вороти их! в тебе их спасение!
Но счастливые глухи к добру…
Не страшат тебя громы небесные,
А земные ты держишь в руках,
И несут эти люди безвестные
Неисходное горе в сердцах.
Что тебе эта скорбь вопиющая,
Что тебе этот бедный народ?
Вечным праздником быстро бегущая
Жизнь очнуться тебе не дает.
И к чему? Щелкоперов забавою
Ты народное благо зовешь;
Без него проживешь ты со славою
И со славой умрешь!
Безмятежней аркадской идиллии
Закатятся преклонные дни.
Под пленительным небом Сицилии,
В благовонной древесной тени,
Созерцая, как солнце пурпурное
Погружается в море лазурное,
Полосами его золотя, –
Убаюканный ласковым пением
Средиземной волны, – как дитя
Ты уснешь, окружен попечением
Дорогой и любимой семьи
(Ждущей смерти твоей с нетерпением);
Привезут к нам останки твои,
Чтоб почтить похоронною тризною,
И сойдешь ты в могилу… герой,
Втихомолку проклятый отчизною,
Возвеличенный громкой хвалой!..
Впрочем, что ж мы такую особу
Беспокоим для мелких людей?
Не на них ли нам выместить злобу? –
Безопасней… Еще веселей
В чем-нибудь приискать утешенье…
Не беда, что потерпит мужик:
Так ведущее нас провиденье
Указало… да он же привык!

За заставой, в харчевне убогой
Всё пропьют бедняки до рубля
И пойдут, побираясь дорогой,
И застонут… Родная земля!
Назови мне такую обитель,
Я такого угла не видал,
Где бы сеятель твой и хранитель,
Где бы русский мужик не стонал?
Стонет он по полям, по дорогам,
Стонет он по тюрьмам, по острогам,
В рудниках, на железной цепи;
Стонет он под овином, под стогом,
Под телегой, ночуя в степи;
Стонет в собственном бедном домишке,
Свету божьего солнца не рад;
Стонет в каждом глухом городишке,
У подъезда судов и палат.
Выдь на Волгу: чей стон раздается
Над великою русской рекой?
Этот стон у нас песней зовется –
То бурлаки идут бечевой!..
Волга! Волга!.. Весной многоводной
Ты не так заливаешь поля,
Как великою скорбью народной
Переполнилась наша земля, –
Где народ, там и стон… Эх, сердечный!
Что же значит твой стон бесконечный?
Ты проснешься ль, исполненный сил,
Иль, судеб повинуясь закону,
Всё, что мог, ты уже совершил, –
Создал песню, подобную стону,
И духовно навеки почил?..

В дороге

– Скучно? скучно!.. Ямщик удалой,
Разгони чем-нибудь мою скуку!
Песню, что ли, приятель, запой
Про рекрутский набор и разлуку;
Небылицей какой посмеши
Или, что ты видал, расскажи, –
Буду, братец, за все благодарен.
«Самому мне невесело, барин:
Сокрушила злодейка жена!..
Слышь ты, смолоду, сударь, она
В барском доме была учена
Вместе с барышней разным наукам,
Понимаешь-ста, шить и вязать,
На варгане играть и читать –
Всем дворянским манерам и штукам.
Одевалась не то, что у нас
На селе сарафанницы наши,
А, примерно представить, в атлас;
Ела вдоволь и меду и каши.
Вид вальяжный имела такой,
Хоть бы барыне, слышь ты, природной,
И не то что наш брат крепостной,
Тоись, сватался к ней благородный
(Слышь, учитель-ста врезамшись был,
Баит кучер, Иваныч Торопка), –
Да, знать, счастья ей бог не судил:
Не нужна-ста в дворянстве холопка!
Вышла замуж господская дочь,
Да и в Питер… А справивши свадьбу,
Сам-ат, слышь ты, вернулся в усадьбу,
Захворал и на Троицу в ночь
Отдал богу господскую душу,
Сиротинкой оставивши Грушу…
Через месяц приехал зятек –
Перебрал по ревизии души
И с запашки ссадил на оброк,
А потом добрался и до Груши.
Знать, она согрубила ему
В чем-нибудь али напросто тесно
Вместе жить показалось в дому,
Понимаешь-ста, нам неизвестно, –

Воротил он ее на село –
Знай-де место свое ты, мужичка!
Взвыла девка – крутенько пришло:
Белоручка, вишь ты, белоличка!
Как на грех, девятнадцатый год
Мне в ту пору случись… посадили
На тягло – да на ней и женили…
Тоись, сколько я нажил хлопот!
Вид такой, понимаешь, суровый…
Ни косить, ни ходить за коровой!..
Грех сказать, чтоб ленива была,
Да, вишь, дело в руках не спорилось!
Как дрова или воду несла,
Как на барщину шла – становилось
Инда жалко подчас… да куды! –
Не утешишь ее и обновкой:
То натерли ей ногу коты,
То, слышь, ей в сарафане неловко.
При чужих и туда и сюда,
А украдкой ревет, как шальная…
Погубили ее господа,
А была бы бабенка лихая!
На какой-то патрет все глядит
Да читает какую-то книжку…
Инда страх меня, слышь ты, щемит,
Что погубит она и сынишку:
Учит грамоте, моет, стрижет,
Словно барченка, каждый день чешет,
Бить не бьет – бить и мне не дает…
Да недолго пострела потешит!
Слышь, как щепка худа и бледна,
Ходит, тоись, совсем через силу,
В день двух ложек не съест толокна –
Чай, свалим через месяц в могилу…
А с чего?.. Видит бог, не томил
Я ее безустанной работой…
Одевал и кормил, без пути не бранил,
Уважал, тоись, вот как, с охотой…
А, слышь, бить – так почти не бивал,
Разве только под пьяную руку…»
– Ну, довольно, ямщик! Разогнал
Ты мою неотвязную скуку!..

Поэт и гражданин

Гражданин (входит)

Опять один, опять суров,
Лежит – и ничего не пишет.

Поэт

Прибавь: хандрит и еле дышит –
И будет мой портрет готов.

Гражданин

Хорош портрет! Ни благородства,
Ни красоты в нем нет, поверь,
А просто пошлое юродство.
Лежать умеет дикий зверь…

Поэт

Так что же?

Гражданин

Да глядеть обидно.

Поэт

Ну, так уйди.

Гражданин

Послушай: стыдно!
Пора вставать! Ты знаешь сам,
Какое время наступило;
В ком чувство долга не остыло,
Кто сердцем неподкупно прям,
В ком дарованье, сила, меткость,

Тому теперь не должно спать…

Поэт

Положим, я такая редкость,
Но нужно прежде дело дать.

Гражданин

Вот новость! Ты имеешь дело,
Ты только временно уснул,
Проснись: громи пороки смело…

Поэт

А! знаю: «Вишь, куда метнул!
Но я обстрелянная птица.
Жаль, нет охоты говорить.
(Берет книгу.)
Спаситель Пушкин! – Вот страница:
Прочти и перестань корить!

Гражданин (читает)

«Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.

Поэт (с восторгом)

Неподражаемые звуки!..
Когда бы с Музою моей
Я был немного поумней,
Клянусь, пера бы не взял в руки!

Гражданин

Да, звуки чудные… ура!
Так поразительна их сила,

Что даже сонная хандра
С души поэта соскочила.
Душевно радуюсь – пора!
И я восторг твой разделяю,
Но, признаюсь, твои стихи
Живее к сердцу принимаю.

Поэт

Не говори же чепухи!
Ты рьяный чтец, но критик дикий.
Так я, по-твоему, – великий,
Повыше Пушкина поэт?
Скажи пожалуйста?!.

Гражданин

Ну, нет!
Твои поэмы бестолковы,
Твои элегии не новы,
Сатиры чужды красоты,
Неблагородны и обидны,
Твой стих тягуч. Заметен ты,
Но так без солнца звезды видны.
В ночи, которую теперь
Мы доживаем боязливо,
Когда свободно рыщет зверь,
А человек бредет пугливо, –
Ты твердо светоч свой держал,
Но небу было неугодно,
Чтоб он под бурей запылал,
Путь освещая всенародно;
Дрожащей искрою впотьмах
Он чуть горел, мигал, метался.
Моли, чтоб солнца он дождался
И потонул в его лучах!
Нет, ты не Пушкин. Но покуда,
Не видно солнца ниоткуда,
С твоим талантом стыдно спать;
Еще стыдней в годину горя
Красу долин, небес и моря
И ласку милой воспевать…
Гроза молчит, с волной бездонной

В сияньи спорят небеса,
И ветер ласковый и сонный
Едва колеблет паруса, –
Корабль бежит красиво, стройно,
И сердце путников спокойно,
Как будто вместо корабля
Под ними твердая земля.
Но гром ударил; буря стонет,
И снасти рвет, и мачту клонит, –
Не время в шахматы играть,
Не время песни распевать!
Вот пес – и тот опасность знает
И бешено на ветер лает:
Ему другого дела нет…
А ты что делал бы, поэт?
Ужель в каюте отдаленной
Ты стал бы лирой вдохновленной
Ленивцев уши услаждать
И бури грохот заглушать?
Пускай ты верен назначенью,
Но легче ль родине твоей,
Где каждый предан поклоненью
Единой личности своей?
Наперечет сердца благие,
Которым родина свята.
Бог помочь им!.. а остальные?
Их цель мелка, их жизнь пуста.
Одни – стяжатели и воры,
Другие – сладкие певцы,
А третьи… третьи – мудрецы:
Их назначенье – разговоры.
Свою особу оградя,
Они бездействуют, твердя:
«Неисправимо наше племя,
Мы даром гибнуть не хотим,
Мы ждем: авось поможет время,
И горды тем, что не вредим!»
Хитро скрывает ум надменный
Себялюбивые мечты,
Но… брат мой! кто бы ни был ты,
Не верь сей логике презренной!
Страшись их участь разделить,
Богатых словом, делом бедных,
И не иди во стан безвредных,

Когда полезным можешь быть!
Не может сын глядеть спокойно
На горе матери родной,
Не будет гражданин достойный
К отчизне холоден душой,
Ему нет горше укоризны…
Иди в огонь за честь отчизны,
За убежденье, за любовь…
Иди, и гибни безупрёчно.
Умрешь не даром, дело прочно,
Когда под ним струится кровь…
А ты, поэт! избранник неба,
Глашатай истин вековых,
Не верь, что не имущий хлеба
Не стоит вещих струн твоих!
Не верь, чтоб вовсе пали люди;
Не умер бог в душе людей,
И вопль из верующей груди
Всегда доступен будет ей!
Будь гражданин! служа искусству,
Для блага ближнего живи,
Свой гений подчиняя чувству
Всеобнимающей Любви;
И если ты богат дарами,
Их выставлять не хлопочи:
В твоем труде заблещут сами
Их животворные лучи.
Взгляни: в осколки твердый камень
Убогий труженик дробит,
А из-под молота летит
И брызжет сам собою пламень!

Поэт

Ты кончил?.. чуть я не уснул.
Куда нам до таких воззрений!
Ты слишком далеко шагнул.
Учить других – потребен гений,
Потребна сильная душа,
А мы с своей душой ленивой,
Самолюбивой и пугливой,
Не стоим медного гроша.
Спеша известности добиться,
Боимся мы с дороги сбиться

И тропкой торною идем,
А если в сторону свернем –
Пропали, хоть беги со света!
Куда жалка ты, роль поэта!
Блажен безмолвный гражданин:
Он, Музам чуждый с колыбели,
Своих поступков господин,
Ведет их к благородной цели,
И труд его успешен, спор…

Гражданин

Не очень лестный приговор.
Но твой ли он? тобой ли сказан?
Ты мог бы правильней судить:
Поэтом можешь ты не быть,
Но гражданином быть обязан.
А что такое гражданин?
Отечества достойный сын.
Ах! будет с нас купцов, кадетов,
Мещан, чиновников, дворян,
Довольно даже нам поэтов,
Но нужно, нужно нам граждан!
Но где ж они? Кто не сенатор,
Не сочинитель, не герой,
Не предводитель,
Кто гражданин страны родной?
Где ты? откликнись? Нет ответа.
И даже чужд душе поэта
Его могучий идеал!
Но если есть он между нами,
Какими плачет он слезами!!.
Ему тяжелый жребий пал,
Но доли лучшей он не просит:
Он, как свои, на теле носит
Все язвы родины своей.
Гроза шумит и к бездне гонит
Свободы шаткую ладью,
Поэт клянет или хоть стонет,
А гражданин молчит и клонит
Под иго голову свою.
Когда же… Но молчу. Хоть мало,
И среди нас судьба являла
Достойных граждан… Знаешь ты

Их участь?.. Преклони колени!..
Лентяй! смешны твои мечты
И легкомысленные пени – жалобы.
В твоем сравненье смыслу нет.
Вот слово правды беспристрастной:
Блажен болтающий поэт,
И жалок гражданин безгласный!

Поэт

Не мудрено того добить,
Кого уж добивать не надо.
Ты прав: поэту легче жить –
В свободном слове есть отрада.
Но был ли я причастен ей?
Ах, в годы юности моей,
Печальной, бескорыстной, трудной,
Короче – очень безрассудной,
Куда ретив был мой Пегас!
Не розы – я вплетал крапиву
В его размашистую гриву
И гордо покидал Парнас.
Без отвращенья, без боязни
Я шел в тюрьму и к месту казни,
В суды, в больницы я входил.
Не повторю, что там я видел…
Клянусь, я честно ненавидел!
Клянусь, я искренно любил!
И что ж?.. мои послышав звуки,
Сочли их черной клеветой;
Пришлось сложить смиренно руки
Иль поплатиться головой…
Что было делать? Безрассудно
Винить людей, винить судьбу.
Когда б я видел хоть борьбу,
Бороться стал бы, как ни трудно,
Но… гибнуть, гибнуть… и когда?
Мне было двадцать лет тогда!
Лукаво жизнь вперед манила,
Как моря вольные струи,
И ласково любовь сулила
Мне блага лучшие свои –
Душа пугливо отступила…
Но сколько б не было причин,

Я горькой правды не скрываю
И робко голову склоняю
При слове «честный гражданин».
Тот роковой, напрасный пламень
Доныне сожигает грудь,
И рад я, если кто-нибудь
В меня с презреньем бросит камень.
Бедняк! и из чего попрал
Ты долг священный человека?
Какую подать с жизни взял
Ты – сын больной больного века?..
Когда бы знали жизнь мою,
Мою любовь, мои волненья…
Угрюм и полон озлобленья,
У двери гроба я стою…
Ах! песнею моей прощальной
Та песня первая была!
Склонила Муза лик печальный
И, тихо зарыдав, ушла.
С тех пор не часты были встречи:
Украдкой, бледная, придет
И шепчет пламенные речи,
И песни гордые поет.
Зовет то в города, то в степи,
Заветным умыслом полна,
Но загремят внезапно цепи –
И мигом скроется она.
Не вовсе я ее чуждался,
Но как боялся! как боялся!
Когда мой ближний утопал
В волнах существенного горя –
То гром небес, то ярость моря
Я добродушно воспевал.
Бичуя маленьких воришек
Для удовольствия больших,
Дивил я дерзостью мальчишек
И похвалой гордился их.
Под игом лет душа погнулась,
Остыла ко всему она,
И Муза вовсе отвернулась,
Презренья горького полна.
Теперь напрасно к ней взываю –
Увы! Сокрылась навсегда.
Как свет, я сам ее не знаю

И не узнаю никогда.
О Муза, гостьею случайной
Являлась ты моей душе?
Иль песен дар необычайный
Судьба предназначала ей?
Увы! кто знает? рок суровый
Всё скрыл в глубокой темноте.
Но шел один венок терновый
К твоей угрюмой красоте…

Кому на Руси жить хорошо

Часть первая

Пролог

В каком году – рассчитывай,
В какой земле – угадывай,
На столбовой дороженьке
Сошлись семь мужиков:
Семь временнообязанных,
Подтянутой губернии,
Уезда Терпигорева,
Пустопорожней волости,
Из смежных деревень:
Заплатова, Дыряева,
Разутова, Знобишина,
Горелова, Неелова –
Неурожайка тож,
Сошлися – и заспорили:
Кому живется весело,
Вольготно на Руси?
Роман сказал: помещику,
Демьян сказал: чиновнику,
Лука сказал: попу.
Купчине толстопузому! –
Сказали братья Губины,
Иван и Митродор.
Старик Пахом потужился
И молвил, в землю глядючи:
Вельможному боярину,
Министру государеву.
А Пров сказал: царю…
Мужик что бык: втемяшится
В башку какая блажь –
Колом ее оттудова
Не выбьешь: упираются,
Всяк на своем стоит!
Такой ли спор затеяли,
Что думают прохожие –
Знать, клад нашли ребятушки
И делят меж собой…
По делу всяк по своему
До полдня вышел из дому:

Тот путь держал до кузницы,
Тот шел в село Иваньково
Позвать отца Прокофия
Ребенка окрестить.
Пахом соты медовые
Нес на базар в Великое,
А два братана Губины
Так просто с недоуздочком
Ловить коня упрямого
В свое же стадо шли.
Давно пора бы каждому
Вернуть своей дорогою –
Они рядком идут!
Идут, как будто гонятся
За ними волки серые,
Что дале – то скорей.
Идут – перекоряются!
Кричат – не образумятся!
А времечко не ждет.
За спором не заметили,
Как село солнце красное,
Как вечер наступил.
Наверно б ночку целую
Так шли – куда не ведая,
Когда б им баба встречная,
Корявая Дурандиха,
Не крикнула: «Почтенные!
Куда вы на ночь глядючи
Надумали идти?..»
Спросила, засмеялася,
Хлестнула, ведьма, мерина
И укатила вскачь…
«Куда?..» – Переглянулися
Тут наши мужики,
Стоят, молчат, потупились…
Уж ночь давно сошла,
Зажглися звезды частые
В высоких небесах,
Всплыл месяц, тени черные,
Дорогу перерезали
Ретивым ходокам.
Ой тени, тени черные!
Кого вы не нагоните?
Кого не перегоните?

Вас только, тени черные,
Нельзя поймать – обнять!
На лес, на путь-дороженьку
Глядел, молчал Пахом,
Глядел – умом раскидывал
И молвил наконец:
«Ну! леший шутку славную
Над нами подшутил!
Никак ведь мы без малого
Верст тридцать отошли!
Домой теперь ворочаться –
Устали, не дойдем
Присядем, – делать нечего,
До солнца отдохнем!..»
Свалив беду на лешего,
Под лесом при дороженьке
Уселись мужики.
Зажгли костер, сложилися
За водкой двое сбегали,
А прочие покудова
Стаканчик изготовили
Бересты понадрав.
Приспела скоро водочка,
Приспела и закусочка –
Пируют мужички!
Косушки по три выпили,
Поели – и заспорили
Опять: кому жить весело,
Вольготно на Руси?
Роман кричит: помещику,
Демьян кричит: чиновнику,
Лука кричит: попу;
Купчине толстопузому, –
Кричат братаны Губины,
Иван и Митродор;
Пахом кричит: светлейшему
Вельможному боярину,
А Пров кричит: царю!

Забрало пуще прежнего
Задорных мужиков,
Ругательски ругаются,
Не мудрено, что вцепятся
Друг другу в волоса…

Гляди – уж и вцепилися!
Роман тузит Пахомушку,
Демьян тузит Луку.
А два братана Губины
Утюжат Прова дюжего, –
И всяк свое кричит!
Проснулось эхо гулкое,
Пошло гулять-погуливать,
Пошло кричать-покрикивать,
Как будто подзадоривать
Упрямых мужиков.
Царю! – направо слышится,
Налево отзывается:
Попу! Попу! Попу!
Весь лес переполошился,
С летающими птицами,
Зверями быстроногими
И гадами ползущими, –
И стон, и рев, и гул!
Всех прежде зайка серенький
Из кустика соседнего
Вдруг выскочил, как встрепанный,
И наутек пошел!
За ним галчата малые
Вверху березы подняли
Противный, резкий писк.
А тут еще у пеночки
С испугу птенчик крохотный
Из гнездышка упал;
Щебечет, плачет пеночка
Где птенчик? – не найдет!
Потом кукушка старая
Проснулась и надумала
Кому-то куковать;
Раз десять принималася,
Да всякий раз сбивалася
И начинала вновь…
Кукуй, кукуй, кукушечка!
Заколосится хлеб,
Подавишься ты колосом –
Не будешь куковать!
Слетелися семь филинов,
Любуются побоищем
С семи больших дерев,

Хохочут, полуночники!
А их глазищи желтые
Горят, как воску ярого
Четырнадцать свечей!
И ворон, птица умная
Приспел, сидит на дереве
У самого костра,
Сидит да черту молится,
Чтоб до смерти ухлопали
Которого-нибудь!
Корова с колокольчиком,
Что с вечера отбилася
От стада, чуть послышала
Людские голоса –
Пришла к костру, уставила
Глаза на мужиков,
Шальных речей послушала
И начала, сердечная,
Мычать, мычать, мычать!
Мычит корова глупая,
Пищат галчата малые,
Кричат ребята буйные,
А эхо вторит всем.
Ему одна заботушка –
Честных людей поддразнивать,
Пугать ребят и баб!
Никто его не видывал,
А слышать всякий слыхивал,
Без тела – а живет оно,
Без языка – кричит!
Сова – замоскворецкая
Княгиня – тут же мычется,
Летает над крестьянами,
Шарахаясь то о землю,
То о кусты крылом…
Сама лисица хитрая,
По любопытству бабьему,
Подкралась к мужикам,
Послушала, послушала
И прочь пошла, подумавши:
«И черт их не поймет!»
И вправду: сами спорщики
Едва ли знали, помнили –
О чем они шумят…

Намяв бока порядочно
Друг другу, образумились
Крестьяне наконец,
Из лужицы напилися,
Умылись, освежилися,
Сон начал их кренить…
Тем часом птенчик крохотный,
Помалу, по полсаженки,
Низком перелетаючи,
К костру подобрался.
Поймал его Пахомушка,
Поднес к огню, разглядывал
И молвил: «Пташка малая,
А ноготок востер!
Дыхну – с ладони скатишься,
Чихну – в огонь укатишься,
Щелкну – мертва покатишься,
А всё ж ты, пташка малая,
Сильнее мужика!
Окрепнут скоро крылышки,
Тю-тю! куда ни вздумаешь,
Туда и полетишь!
Ой ты, пичуга малая!
Отдай свои нам крылышки,
Всё царство облетим,
Посмотрим, поразведаем,
Попросим – и дознаемся:
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?»
«Не надо бы и крылышек,
Кабы нам только хлебушка
По полупуду в день, –
И так бы мы Русь-матушку
Ногами перемеряли!» –
Сказал угрюмый Пров.
«Да по ведру бы водочки», –
Прибавили охочие
До водки братья Губины,
Иван и Митродор.
«Да утром бы огурчиков
Соленых по десяточку», –
Шутили мужики.
«А в полдень бы по жбанчику
Холодного кваску».

«А вечером по чайничку
Горячего чайку…»
Пока они гуторили,
Вилась, кружилась пеночка
Над ними: всё прослушала
И села у костра.
Чивикнула, подпрыгнула
И человечьим голосом
Пахому говорит:
«Пусти на волю птенчика!
За птенчика за малого
Я выкуп дам большой».
«А что ты дашь?»
– «Дам хлебушка
По полупуду в день,
Дам водки по ведерочку,
Поутру дам огурчиков,
А в полдень квасу кислого,
А вечером чайку!»
«А где, пичуга малая, –
Спросили братья Губины, –
Найдешь вина и хлебушка
Ты на семь мужиков?»
«Найти – найдете сами вы,
А я, пичуга малая,
Скажу вам, как найти».
– «Скажи!»
– «Идите по лесу,
Против столба тридцатого
Прямехонько версту:
Придете на поляночку,
Стоят на той поляночке
Две старые сосны,
Под этими под соснами
Закопана коробочка.
Добудьте вы ее, –
Коробка та волшебная:
В ней скатерть самобранная,
Когда ни пожелаете,
Накормит, напоит!
Тихонько только молвите:
«Эй! скатерть самобранная!
Попотчуй мужиков!»
По вашему хотению,

По моему велению,
Всё явится тотчас.
Теперь – пустите птенчика!»
«Постой! мы люди бедные,
Идем в дорогу дальнюю, –
Ответил ей Пахом. –
Ты, вижу, птица умная,
Уважь – одежу старую
На нас заворожи!»
«Чтоб армяки мужицкие
Носились, не сносилися!» –
Потребовал Роман.
«Чтоб липовые лапотки
Служили, не разбилися», –
Потребовал Демьян
«Чтоб вошь, блоха паскудная
В рубахах не плодилася», –
Потребовал Лука.
«Не прели бы онученьки…» –
Потребовали Губины…
А птичка им в ответ:
«Всё скатерть самобранная
Чинить, стирать, просушивать
Вам будет…Ну, пусти…»
Раскрыв ладонь широкую,
Пахом птенца пустил.
Пустил – и птенчик крохотный,
Помалу, по полсаженьки,
Низком перелетаючи,
Направился к дуплу.
За ним взвилася пеночка
И на лету прибавила:
«Смотрите, чур, одно!
Съестного сколько вынесет
Утроба – то и спрашивай,
А водки можно требовать
В день ровно по ведру.
Коли вы больше спросите,
И раз и два – исполнится
По вашему желанию,
А в третий быть беде!»
И улетела пеночка
С своим родимым птенчиком,
А мужики гуськом

К дороге потянулися
Искать столба тридцатого.
Нашли! – Молчком идут
Прямехонько, вернехонько
По лесу по дремучему,
Считают каждый шаг.
И как версту отмеряли,
Увидели поляночку –
Стоят на той поляночке
Две старые сосны…
Крестьяне покопалися,
Достали ту коробочку,
Открыли – и нашли
Ту скатерть самобранную!
Нашли и разом вскрикнули:
«Эй, скатерть самобранная!
Попотчуй мужиков!»
Глядь – скатерть развернулася,
Откудова ни взялися
Две дюжие руки,
Ведро вина поставили,
Горой наклали хлебушка,
И спрятались опять.
– А что же нет огурчиков?
– Что нет чайку горячего?
– Что нет кваску холодного?
Всё появилось вдруг…
Крестьяне распоясались,
У скатерти уселися,
Пошел тут пир горой!
На радости целуются,
Друг дружке обещаются
Вперед не драться зря,
А с толком дело спорное
По разуму, по-божески,
На чести повести –
В домишки не ворочаться,
Не видеться ни с женами
Ни с малыми ребятами,
Ни с стариками старыми,
Покуда делу спорному
Решенья не найдут,
Покуда не доведают
Как ни на есть доподлинно:

Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?
Зарок такой поставивши,
Под утро как убитые
Заснули мужики…

Глава 1. Поп

Широкая дороженька,
Березками обставлена,
Далеко протянулася,
Песчана и глуха.
По сторонам дороженьки
Идут холмы пологие
С полями, с сенокосами,
А чаще с неудобною,
Заброшенной землей;
Стоят деревни старые,
Стоят деревни новые,
У речек, у прудов…
Леса, луга поемные,
Ручьи и реки русские
Весною хороши.
Но вы, поля весенние!
На ваши всходы бедные
Невесело глядеть!
«Недаром в зиму долгую
(Толкуют наши странники)
Снег каждый день валил.
Пришла весна – сказался снег!
Он смирен до поры:
Летит – молчит, лежит – молчит,
Когда умрет, тогда ревет.
Вода – куда ни глянь!
Поля совсем затоплены,
Навоз возить – дороги нет,
А время уж не раннее –
Подходит месяц май!»
Нелюбо и на старые,
Больней того на новые
Деревни им глядеть.
Ой избы, избы новые!

Нарядны вы, да строит вас
Не лишняя копеечка,
А кровная беда!..
С утра встречались странникам
Всё больше люди малые:
Свой брат крестьянин-лапотник,
Мастеровые, нищие,
Солдаты, ямщики.
У нищих, у солдатиков
Не спрашивали странники,
Как им – легко ли, трудно ли
Живется на Руси?
Солдаты шилом бреются,
Солдаты дымом греются, –
Какое счастье тут?..
Уж день клонился к вечеру,
Идут путем-дорогою,
Навстречу едет поп.
Крестьяне сняли шапочки,
Низенько поклонилися,
Повыстроились в ряд
И мерину саврасому
Загородили путь.
Священник поднял голову,
Глядел, глазами спрашивал:
Чего они хотят?
«Небось! мы не грабители!» –
Сказал попу Лука.
(Лука – мужик присадистый
С широкой бородищею,
Упрям, речист и глуп.
Лука похож на мельницу:
Одним не птица мельница,
Что, как ни машет крыльями,
Небось, не полетит).
«Мы мужики степенные,
Из временнообязанных,
Подтянутой губернии,
Уезда Терпигорева,
Пустопорожней волости,
Окольных деревень:
Заплатова, Дырявина,
Разутова, Знобишина,
Горелова; Неелова –

Неурожайка тож.
Идем по делу важному:
У нас забота есть,
Такая ли заботушка,
Что из домов повыжила,
С работой раздружила нас,
Отбила от еды.
Ты дай нам слово верное
На нашу речь мужицкую
Без смеху и без хитрости,
По совести, по разуму,
По правде отвечать,
Не то с своей заботушкой
К другому мы пойдем…»
«Даю вам слово верное:
Коли вы дело спросите,
Без смеху и без хитрости,
По правде и по разуму.
Как должно отвечать,
Аминь!..»
– «Спасибо. Слушай же!
Идя путем-дорогою,
Сошлись мы невзначай,
Сошлися и заспорили:
Кому живется весело,
Вольготно на Руси?
Роман сказал: помещику,
Демьян сказал: чиновнику,
А я сказал: попу.
Купчине толстопузому, –
Сказали братья Губины,
Иван и Митродор.
Пахом сказал; светлейшему
Вельможному боярину,
Министру государеву,
А Пров сказал: царю…
Мужик что бык: втемяшится
В башку какая блажь –
Колом ее оттудова
Не выбьешь: как ни спорили,
Не согласились мы!
Поспоривши – повздорили,
Повздоривши – подралися,
Подравшися – одумали:

Не расходиться врозь,
В домишки не ворочаться,
Не видеться ни с женами,
Ни с малыми ребятами,
Ни с стариками старыми,
Покуда спору нашему
Решенья не найдем,
Покуда не доведаем
Как ни на есть доподлинно:
Кому жить любо-весело,
Вольготно на Руси?
Скажи ж ты нам по-божески:
Сладка ли жизнь поповская?
Ты как – вольготно, счастливо
Живешь, честной отец?..»
Потупился, задумался,
В тележке сидя, поп
И молвил: «Православные!
Роптать на бога грех,
Несу мой крест с терпением,
Живу… а как? Послушайте!
Скажу вам правду-истину,
А вы крестьянским разумом
Смекайте!»
– «Начинай!»
«В чем счастие, по-вашему?
Покой, богатство, честь –
Не так ли, други милые?»
Они сказали: так…
«Теперь посмотрим, братия,
Каков попу покой?
Начать, признаться, надо бы
Почти с рожденья самого,
Как достается грамота
Поповскому сынку,
Какой ценой поповичем
Священство покупается,
Да лучше помолчим!
Дороги наши трудные,
Приход у нас большой.
Болящий, умирающий,
Рождающийся в мир
Не избирают времени:
В жнитво и в сенокос,

В глухую ночь осеннюю,
Зимой, в морозы лютые,
И в половодье вешнее –
Иди куда зовут!
Идешь безотговорочно.
И пусть бы только косточки
Ломалися одни, –
Нет! всякий раз намается,
Переболит душа.
Не верьте, православные,
Привычке есть предел:
Нет сердца, выносящего
Без некоего трепета
Предсмертное хрипение,
Надгробное рыдание,
Сиротскую печаль!
Аминь!..Теперь подумайте,
Каков попу покой?..»
Крестьяне мало думали,
Дав отдохнуть священнику,
Они с поклоном молвили:
«Что скажешь нам еще?»
«Теперь посмотрим, братия,
Каков попу почет?
Задача щекотливая,
Не прогневить бы вас?..
Скажите, православные,
Кого вы называете
Породой жеребячьею?
Чур! отвечать на спрос!»
Крестьяне позамялися,
Молчат – и поп молчит…
«С кем встречи вы боитеся,
Идя путем-дорогою?
Чур! отвечать на спрос!»
Крехтят, переминаются,
Молчат! «О ком слагаете
Вы сказки балагурные,
И песни непристойные,
И всякую хулу?..
Мать-попадью степенную,
Попову дочь безвинную,
Семинариста всякого –
Как чествуете вы?

Кому вдогон, как мерину,
Кричите: го-го-го?..»
Потупились ребятушки,
Молчат – и поп молчит…
Крестьяне думу думали,
А поп широкой шляпою
В лицо себе помахивал
Да на небо глядел.
Весной, что внуки малые,
С румяным солнцем-дедушкой
Играют облака:
Вот правая сторонушка
Одной сплошною тучею
Покрылась – затуманилась,
Стемнела и заплакала:
Рядами нити серые
Повисли до земли.
А ближе, над крестьянами,
Из небольших, разорванных,
Веселых облачков
Смеется солнце красное,
Как девка из снопов.
Но туча передвинулась,
Под шляпой накрывается,
Быть сильному дождю.
А правая сторонушка
Уже светла и радостна,
Там дождь перестает.
Не дождь, там чудо божие:
Там с золотыми нитками
Развешаны мотки…
«Не сами… по родителям
Мы так-то…» – братья Губины
Сказали наконец.
И прочие поддакнули:
«Не сами, по родителям!»
А поп сказал: «Аминь!
Простите, православные!
Не в осужденье ближнего,
А по желанью вашему
Я правду вам сказал.
Таков почет священнику
В крестьянстве. А помещики…»
«Ты мимо их, помещиков!

Известны нам они!»
«Теперь посмотрим, братия,
Откудова богачество
Поповское идет?..
Во время недалекое
Империя российская
Дворянскими усадьбами
Была полным-полна.
И жили там помещики,
Владельцы именитые,
Каких теперь уж нет!
Плодилися и множились
И нам давали жить.
Что свадеб там игралося,
Что деток нарождалося
На даровых хлебах!
Хоть часто крутонравные,
Однако доброхотные
То были господа,
Прихода не чуждалися:
У нас они венчалися,
У нас крестили детушек,
К нам приходили каяться,
Мы отпевали их.
А если и случалося,
Что жил помещик в городе,
Так умирать наверное
В деревню приезжал.
Коли умрет нечаянно,
И тут накажет накрепко
В приходе схоронить.
Глядишь, ко храму сельскому
На колеснице траурной
В шесть лошадей наследники
Покойника везут –
Попу поправка добрая,
Мирянам праздник праздником…
А ныне уж не то!
Как племя иудейское,
Рассеялись помещики
По дальней чужеземщине
И по Руси родной.
Теперь уж не до гордости
Лежать в родном владении

Рядком с отцами, с дедами,
Да и владенья многие
Барышникам пошли.
Ой холеные косточки
Российские, дворянские!
Где вы не позакопаны?
В какой земле вас нет?
Потом, статья… раскольники…
Не грешен, не живился я
С раскольников ничем.
По счастью, нужды не было:
В моем приходе числится
Живущих в православии
Две трети прихожан.
А есть такие волости,
Где сплошь почти раскольники,
Так тут как быть попу?
Всё в мире переменчиво,
Прейдет и самый мир…
Законы прежде строгие
К раскольникам, смягчилися,
А с ними и поповскому
Доходу мат пришел.
Перевелись помещики,
В усадьбах не живут они
И умирать на старости
Уже не едут к нам.
Богатые помещицы,
Старушки богомольные,
Которые повымерли,
Которые пристроились
Вблизи монастырей.
Никто теперь подрясника
Попу не подарит!
Никто не вышьет воздухов…
Живи с одних крестьян.,
Сбирай мирские гривенки;
Да пироги по праздникам,
Да яйца о святой.
Крестьянин сам нуждается,
И рад бы дал, да нечего…
А то еще не всякому
И мил крестьянский грош.
Угоды наши скудные,

Пески, болота, мхи,
Скотинка ходит впроголодь,
Родится хлеб сам-друг,
А если и раздобрится
Сыра земля-кормилица,
Так новая беда:
Деваться с хлебом некуда!
Припрет нужда, продашь его
За сущую безделицу,
А там – неурожай!
Тогда плати втридорога,
Скотинку продавай.
Молитесь, православные!
Грозит беда великая
И в нынешнем году:
Зима стояла лютая,
Весна стоит дождливая,
Давно бы сеять надобно,
А на полях – вода!
Умилосердись, господи!
Пошли крутую радугу
На наши небеса!
(Сняв шляпу, пастырь крестится,
И слушатели тож.)
Деревни наши бедные,
А в них крестьяне хворые
Да женщины печальницы,
Кормилицы, поилицы,
Рабыни, богомолицы
И труженицы вечные,
Господь прибавь им сил!
С таких трудов копейками
Живиться тяжело!
Случается, к недужному
Придешь: не умирающий,
Страшна семья крестьянская
В тот час, как ей приходится
Кормильца потерять!
Напутствуешь усопшего
И поддержать в оставшихся
По мере сил стараешься
Дух бодр! А тут к тебе
Старуха, мать покойника,
Глядь, тянется с костлявою,

Мозолистой рукой.
Душа переворотится,
Как звякнут в этой рученьке
Два медных пятака!
Конечно, дело чистое –
За требу воздаяние,
Не брать – так нечем жить,
Да слово утешения
Замрет на языке,
И словно как обиженный
Уйдешь домой… Аминь…»
Покончил речь – и мерина
Хлестнул легонько поп.
Крестьяне расступилися,
Низенько поклонилися,
Конь медленно побрел.
А шестеро товарищей,
Как будто сговорилися,
Накинулись с упреками,
С отборной крупной руганью
На бедного Луку.
«Что взял? башка упрямая!
Дубина деревенская!
Туда же лезет в спор!
Дворяне колокольные –
Попы живут по-княжески.
Идут под небо самое
Поповы терема,
Гудит попова вотчина –
Колокола горластые –
На целый божий мир.
Три года я, робятушки,
Жил у попа в работниках,
Малина – не житье!
Попова каша – с маслицем,
Попов пирог – с начинкою,
Поповы щи – с снетком!
Жена попова толстая,
Попова дочка белая,
Попова лошадь жирная,
Пчела попова сытая,
Как колокол гудет!
Ну, вот тебе хваленое
Поповское житье!

Чего орал, куражился?
На драку лез, анафема?
Не тем ли думал взять,
Что борода лопатою?
Так с бородой козел
Гулял по свету ранее,
Чем праотец Адам,
А дураком считается
И посейчас козел!..»
Лука стоял, помалчивал,
Боялся, не наклали бы
Товарищи в бока.
Оно быть так и сталося,
Да к счастию крестьянина
Дорога позагнулася –
Лицо попово строгое
Явилось на бугре…

Глава 2. Сельская ярмонка

Недаром наши странники
Поругивали мокрую,
Холодную весну.
Весна нужна крестьянину
И ранняя и дружная,
А тут – хоть волком вой!
Не греет землю солнышко,
И облака дождливые,
Как дойные коровушки,
Идут по небесам.
Согнало снег, а зелени
Ни травки, ни листа!
Вода не убирается,
Земля не одевается
Зеленым ярким бархатом
И, как мертвец без савана,
Лежит под небом пасмурным
Печальна и нага.
Жаль бедного крестьянина,
А пуще жаль скотинушку;
Скормив запасы скудные,
Хозяин хворостиною

Прогнал ее в луга,
А что там взять? Чернехонько!
Лишь на Николу вешнего
Погода поуставилась,
Зеленой свежей травушкой
Полакомился скот.
День жаркий. Под березками
Крестьяне пробираются,
Гуторят меж собой:
«Идем одной деревнею,
Идем другой – пустехонько!
А день сегодня праздничный,
Куда пропал народ?..»
Идут селом – на улице
Одни ребята малые,
В домах – старухи старые,
А то и вовсе заперты
Калитки на замок.
Замок – собачка верная:
Не лает, не кусается,
А не пускает в дом!
Прошли село, увидели
В зеленой раме зеркало:
С краями полный пруд.
Над прудом реют ласточки;
Какие-то комарики,
Проворные и тощие,
Вприпрыжку, словно посуху,
Гуляют по воде.
По берегам, в ракитнике,
Коростели скрыпят.
На длинном, шатком плотике
С вальком поповна толстая
Стоит, как стог подщипанный,
Подтыкавши подол.
На этом же на плотике
Спит уточка с утятами…
Чу! лошадиный храп!
Крестьяне разом глянули
И над водой увидели
Две головы: мужицкую,
Курчавую и смуглую,
С серьгой (мигало солнышко
На белой той серьге),

Другую – лошадиную
С веревкой сажен в пять.
Мужик берет веревку в рот,
Мужик плывет – и конь плывет,
Мужик заржал – и конь заржал.
Плывут, орут! Под бабою,
Под малыми утятами
Плот ходит ходенем.
Догнал коня – за холку хвать!
Вскочил и на луг выехал
Детина: тело белое,
А шея как смола;
Вода ручьями катится
С коня и с седока.
«А что у вас в селении
Ни старого ни малого,
Как вымер весь народ?»
– «Ушли в село Кузьминское,
Сегодня там и ярмонка
И праздник храмовой».
– «А далеко Кузьминское?»
«Да будет версты три».
«Пойдем в село Кузьминское,
Посмотрим праздник-ярмонку!» –
Решили мужики,
А про себя подумали:
«Не там ли он скрывается,
Кто счастливо живет?..»
Кузьминское богатое,
А пуще того – грязное
Торговое село.
По косогору тянется,
Потом в овраг спускается,
А там опять на горочку
Как грязи тут не быть?
Две церкви в нем старинные,
Одна старообрядская,
Другая православная,
Дом с надписью: училище,
Пустой, забитый наглухо,
Изба в одно окошечко,
С изображеньем фельдшера,
Пускающего кровь.
Есть грязная гостиница,

Украшенная вывеской
(С большим носатым чайником
Поднос в руках подносчика,
И маленькими чашками,
Как гусыня гусятами,
Тот чайник окружен),
Есть лавки постоянные
Вподобие уездного
Гостиного двора…
Пришли на площадь странники:
Товару много всякого
И видимо-невидимо
Народу! Не потеха ли?
Кажись, нет ходу крестного,
А, словно пред иконами,
Без шапок мужики.
Такая уж сторонушка!
Гляди, куда деваются
Крестьянские шлыки:
Помимо складу винного,
Харчевни, ресторации,
Десятка штофных лавочек,
Трех постоялых двориков,
Да «ренскового погреба»,
Да пары кабаков,
Одиннадцать кабачников:
Для праздника поставили
Палатки на селе.
При каждой пять подносчиков;
Подносчики – молодчики,
Наметанные, дошлые,
А всё им не поспеть,
Со сдачей не управиться!
Гляди, что протянулося
Крестьянских рук, со шляпами,
С платками, с рукавицами.
Ой жажда православная,
Куда ты велика!
Лишь окатить бы душеньку,
А там добудут шапочки,
Как отойдет базар.
По пьяным по головушкам
Играет солнце вешнее…
Хмельно, горласто, празднично,

Пестро, красно кругом!
Штаны на парнях плисовы,
Жилетки полосатые,
Рубахи всех цветов;
На бабах платья красные,
У девок косы с лентами,
Лебедками плывут!
А есть еще затейницы,
Одеты по-столичному –
И ширится, и дуется
Подол на обручах!
Заступишь – расфуфырятся!
Вольно же, новомодницы,
Вам снасти рыболовные
Под юбками носить!
На баб нарядных глядючи,
Старообрядка злющая
Товарке говорит:
«Быть голоду! быть голоду!
Дивись, как всходы вымокли,
Что половодье вешнее
Стоит до Петрова!
С тех пор как бабы начали
Рядиться в ситцы красные, –
Леса не подымаются,
А хлеба хоть не сей!»
«Да чем же ситцы красные
Тут провинились, матушка?
Ума не приложу!»
«А ситцы те французские –
Собачьей кровью крашены!
Ну… поняла теперь?..»
По конной потолкалися,
По взгорью, где навалены
Косули, грабли, бороны,
Багры, станки тележные,
Ободья, топоры.
Там шла торговля бойкая,
С божбою, с прибаутками,
С здоровым, громким хохотом,
И как не хохотать?
Мужик какой-то крохотный
Ходил, ободья пробовал:
Погнул один – не нравится,

Погнул другой, потужился,
А обод как распрямится –
Щелк по лбу мужика!
Мужик ревет под ободом
«Вязовою дубиною»
Ругает драчуна.
Другой приехал с разною
Поделкой деревянною –
И вывалил весь воз!
Пьяненек! Ось сломалася,
А стал ее уделывать –
Топор сломал! Раздумался
Мужик над топором,
Бранит его, корит его,
Как будто дело делает:
«Подлец ты, не топор!
Пустую службу, плевую
И ту не сослужил.
Всю жизнь свою ты кланялся,
А ласков не бывал!»
Пошли по лавкам странники:
Любуются платочками,
Ивановскими ситцами,
Шлеями, новой обувью,
Изделием кимряков.
У той сапожной лавочки
Опять смеются странники:
Тут башмачки козловые
Дед внучке торговал,
Пять раз про цену спрашивал,
Вертел в руках, оглядывал:
Товар первейший сорт!
«Ну, дядя! два двугривенных
Плати, не то проваливай!» –
Сказал ему купец.
«А ты постой!» Любуется
Старик ботинкой крохотной,
Такую держит речь:
Мне зять – плевать, и дочь смолчит,
Жена – плевать, пускай ворчит!
А внучку жаль! Повесилась
На шею, егоза:
Купи гостинчик, дедушка,
Купи! – Головкой шелковой

Лицо щекочет, ластится,
Целует старика.
Постой, ползунья босая
Постой, юла! Козловые
Ботиночки куплю…
Расхвастался Вавилушка,
И старому и малому
Подарков насулил,
А пропился до грошика!
Как я глаза бесстыжие
Домашним покажу?….
Мне зять – плевать, и дочь смолчит,
Жена – плевать, пускай ворчит!
А внучку жаль!..» – Пошел опять
Про внучку! Убивается!..
Народ собрался, слушает,
Не смеючись, жалеючи;
Случись, работой, хлебушком,
Ему бы помогли,
А вынуть два двугривенных –
Так сам ни с чем останешься.
Да был тут человек,
Павлуша Веретенников
(Какого роду, звания,
Не знали мужики,
Однако звали «барином».
Горазд он был балясничать,
Носил рубаху красную,
Поддевочку суконную,
Смазные сапоги;
Пел складно песни русские
И слушать их любил.
Его видали многие
На постоялых двориках,
В харчевнях, в кабаках),
Так он Вавилу выручил –
Купил ему ботиночки.
Вавило их схватил
И был таков! – На радости
Спасибо даже барину
Забыл сказать старик,
Зато крестьяне прочие
Так были разутешены,
Так рады, словно каждого

Он подарил рублем!
Была тут также лавочка
С картинами и книгами,
Офени запасалися
Своим товаром в ней.
«А генералов надобно?» –
Спросил их купчик-выжига.
«И генералов дай!
Да только ты по совести,
Чтоб были настоящие –
Потолще, погрозней».
«Чудные! как вы смотрите! –
Сказал купец с усмешкою, –
Тут дело не в комплекции…»
«А в чем же? шутишь, друг!
Дрянь, что ли, сбыть желательно?
А мы куда с ней денемся?
Шалишь! Перед крестьянином
Все генералы равные,
Как шишки на ели:
Чтобы продать плюгавого,
Попасть на доку надобно,
А толстого да грозного
Я всякому всучу….
Давай больших, осанистых,
Грудь с гору, глаз навыкате,
Да – чтобы больше звезд!»
«А статских не желаете?»
– «Ну, вот еще со статскими!»
(Однако взяли – дешево! –
Какого-то сановника
За брюхо с бочку винную
И за семнадцать звезд.)
Купец – со всем почтением,
Что любо, тем и потчует
(С Лубянки – первый вор!) –
Спустил по сотне Блюхера,
Архимандрита Фотия,
Разбойника Сипко,
Сбыл книги: «Шут Балакирев»
И «Английский милорд»…
Легли в коробку книжечки,
Пошли гулять портретики
По царству всероссийскому,

Покамест не пристроятся
В крестьянской летней горенке,
На невысокой стеночке…
Черт знает для чего!
Эх! эх! Придет ли времечко,
Когда (приди, желанное!..)
Дадут понять крестьянину,
Что розь портрет портретику,
Что книга книге розь?
Когда мужик не Блюхера
И не милорда глупого –
Белинского и Гоголя
С базара понесет?
Ой люди, люди русские!
Крестьяне православные!
Слыхали ли когда-нибудь
Вы эти имена?
То имена великие,
Носили их, прославили
Заступники народные!
Вот вам бы их портретики
Повесить в ваших горенках,
Их книги прочитать…
«И рад бы в рай, да дверь-то где?» –
Такая речь врывается
В лавчонку неожиданно.
«Тебе какую дверь?»
– «Да в балаган. Чу! музыка!..»
– «Пойдем, я укажу!»
Про балаган прослышавши,
Пошли и наши странники
Послушать, поглазеть.
Комедию с Петрушкою,
С козою с барабанщицей
И не с простой шарманкою,
А с настоящей музыкой
Смотрели тут они.
Комедия не мудрая,
Однако и не глупая,
Хожалому, квартальному
Не в бровь, а прямо в глаз!
Шалаш полным-полнехонек,
Народ орешки щелкает,
А то два-три крестьянина

Словечком перекинутся –
Гляди, явилась водочка:
Посмотрят да попьют!
Хохочут, утешаются
И часто в речь Петрушкину
Вставляют слово меткое,
Какого не придумаешь,
Хоть проглоти перо!
Такие есть любители –
Как кончится комедия,
За ширмочки пойдут,
Целуются, братаются,
Гуторят с музыкантами:
«Откуда, молодцы?»
– «А были мы господские,
Играли на помещика,
Теперь мы люди вольные,
Кто поднесет-попотчует,
Тот нам и господин!»
«И дело, други милые,
Довольно бар вы тешили,
Потешьте мужиков!
Эй! малый! сладкой водочки!
Наливки! чаю! полпива!
Цимлянского – живей!..»
И море разливанное
Пойдет, щедрее барского
Ребяток угостят.
Не ветры веют буйные,
Не мать-земля колышется –
Шумит, поет, ругается,
Качается, валяется,
Дерется и целуется
У праздника народ!
Крестьянам показалося,
Как вышли на пригорочек,
Что всё село шатается,
Что даже церковь старую
С высокой колокольнею
Шатнуло раз-другой! –
Тут трезвому, что голому,
Неловко… Наши странники
Прошлись еще по площади
И к вечеру покинули

Бурливое село…

Глава 3. Пьяная ночь

Не ригой, не амбарами,
Не кабаком, не мельницей,
Как часто на Руси,
Село кончалось низеньким
Бревенчатым строением
С железными решетками
В окошках небольших.
За тем этапным зданием
Широкая дороженька,
Березками обставлена,
Открылась тут как тут.
По будням малолюдная,
Печальная и тихая,
Не та она теперь!
По всей по той дороженьке
И по окольным тропочкам,
Докуда глаз хватал,
Ползли, лежали, ехали,
Барахталися пьяные
И стоном стон стоял!
Скрыпят телеги грузные,
И, как телячьи головы,
Качаются, мотаются
Победные головушки
Уснувших мужиков!
Народ идет – и падает,
Как будто из-за валиков
Картечью неприятели
Палят по мужикам!
Ночь тихая спускается,
Уж вышла в небо темное
Луна, уж пишет грамоту
Господь червонным золотом
По синему по бархату,
Ту грамоту мудреную,
Которой ни разумникам,
Ни глупым не прочесть.
Дорога стоголосая

Гудит! Что море синее,
Смолкает, подымается
Народная молва.
«А мы полтинник писарю:
Прошенье изготовили
К начальнику губернии…»
«Эй! С возу куль упал!»
«Куда же ты, Оленушка?
Постой! Еще дам пряничка,
Ты, как блоха проворная,
Наелась – и упрыгнула,
Погладить не далась!»
«Добра ты, царска грамота,
Да не при нас ты писана…»
«Посторонись, народ!»
(Акцизные чиновники
С бубенчиками, с бляхами
С базара пронеслись.)
«А я к тому теперича:
И веник дрянь, Иван Ильич,
А погуляет по полу,
Куда как напылит!»
«Избави бог, Парашенька,
Ты в Питер не ходи!
Такие есть чиновники,
Ты день у них кухаркою,
А ночь у них сударкою –
Так это наплевать!»
«Куда ты скачешь, Саввушка?»
(Кричит священник сотскому
Верхом, с казенной бляхою.)
– «В Кузьминское скачу
За становым. Оказия:
Там впереди крестьянина
Убили…»-«Эх!..Грехи!..»
«Худа ты стала, Дарьюшка!»
– «Не веретенце, друг!
Вот то, что больше вертится,
Пузатее становится,
А я как день-деньской…»
«Эй, парень, парень глупенький,
Оборванный, паршивенький,
Эй! Полюби меня!
Меня, простоволосую,

Хмельную бабу, старую,
Зааа-паааа-чканную!..»
Крестьяне наши трезвые,
Подглядывая, слушая,
Идут своим путем.
Средь самой средь дороженьки
Какой-то парень тихонький
Большую яму выкопал.
«Что делаешь ты тут?»
– «А хороню я матушку!»
– «Дурак! Какая матушка!
Гляди: поддевку новую
Ты в землю закопал!
Иди скорей да хрюкалом
В канаву ляг, воды испей!
Авось, соскочит дурь!»
«А ну, давай потянемся!»
Садятся два крестьянина,
Ногами упираются,
И жилятся, и тужатся,
Крехтят – на скалке тянутся,
Суставчики трещат!
На скалке не понравилось:
«Давай теперь попробуем
Тянуться бородой!»
Когда порядком бороды
Друг дружке поубавили,
Вцепились за скулы!
Пыхтят, краснеют, корчатся,
Мычат, визжат, а тянутся!
«Да будет вам, проклятые!
Не разольешь водой!»
В канаве бабы ссорятся,
Одна кричит: «Домой идти
Тошнее, чем на каторгу!»
Другая: «Врешь, в моем дому
Похуже твоего!
Мне старший зять ребро сломал,
Середний зять клубок украл,
Клубок – плевок, да дело в том –
Полтинник был замотан в нем,
А младший зять всё нож берет,
Того гляди убьет, убьет!..»
«Ну, полно, полно, миленький!

Ну, не сердись! – за валиком
Неподалеку слышится. –
Я ничего…Пойдем!»
Такая ночь бедовая!
Направо ли, налево ли
С дороги поглядишь:
Идут дружненько парочки,
Не к той ли роще правятся?
Та роща манит всякого,
В той роще голосистые
Соловушки поют…
Дорога многолюдная
Что позже – безобразнее:
Всё чаще попадаются
Избитые, ползущие,
Лежащие пластом.
Без ругани, как водится,
Словечко не промолвится,
Шальная, непотребная,
Слышней всего она!
У кабаков смятение,
Подводы перепутались,
Испуганные лошади
Без седоков бегут;
Тут плачут дети малые,
Тоскуют жены, матери:
Легко ли из питейного
Дозваться мужиков?..
У столбика дорожного
Знакомый голос слышится,
Подходят наши странники
И видят: Веретенников
(Что башмачки козловые
Вавиле подарил)
Беседует с крестьянами.
Крестьяне открываются
Миляге по душе:
Похвалит Павел песенку –
Пять раз споют, записывай!
Понравится пословица –
Пословицу пиши!
Позаписав достаточно,
Сказал им Веретенников:
«Умны крестьяне русские,

Одно нехорошо,
Что пьют до одурения,
Во рвы, в канавы валятся –
Обидно поглядеть!»
Крестьяне речь ту слушали,
Поддакивали барину.
Павлуша что-то в книжечку
Хотел уже писать.
Да выискался пьяненький
Мужик, – он против барина
На животе лежал,
В глаза ему поглядывал,
Помалчивал – да вдруг
Как вскочит! Прямо к барину –
Хвать карандаш из рук!
«Постой, башка порожняя!
Шальных вестей, бессовестных
Про нас не разноси!
Чему ты позавидовал!
Что веселится бедная
Крестьянская душа?
Пьем много мы по времени,
А больше мы работаем,
Нас пьяных много видится,
А больше трезвых нас.
По деревням ты хаживал?
Возьмем ведерко с водкою,
Пойдем-ка по избам:
В одной, в другой навалятся,
А в третьей не притронутся –
У нас на семью пьющую
Непьющая семья!
Не пьют, а также маются,
Уж лучше б пили, глупые,
Да совесть такова…
Чудно смотреть, как ввалится
В такую избу трезвую
Мужицкая беда, –
И не глядел бы!.. Видывал
В страду деревни русские?
В питейном, что ль, народ?
У нас поля обширные,
А не гораздо щедрые,
Скажи-ка, чьей рукой

С весны они оденутся,
А осенью разденутся?
Встречал ты мужика
После работы вечером?
На пожне гору добрую
Поставил, съел с горошину:
– Эй! богатырь! соломинкой
Сшибу, посторонись!
Сладка еда крестьянская,
Весь век пила железная
Жует, а есть не ест!
Да брюхо-то не зеркало,
Мы на еду не плачемся…
Работаешь один,
А чуть работа кончена,
Гляди, стоят три дольщика:
Бог, царь и господин!
А есть еще губитель-тать
Четвертый, злей татарина,
Так тот и не поделится,
Всё слопает один!
У нас пристал третьеводни
Такой же барин плохонький,
Как ты, из-под Москвы.
Записывает песенки,
Скажи ему пословицу,
Загадку загани.
А был другой – допытывал,
На сколько в день сработаешь,
По малу ли, по многу ли
Кусков пихаешь в рот?
Иной угодья меряет,
Иной в селеньи жителей
По пальцам перечтет,
А вот не сосчитали же,
По скольку в лето каждое
Пожар пускает на ветер
Крестьянского труда?..
Нет меры хмелю русскому.
А горе наше меряли?
Работе мера есть?
Вино валит крестьянина,
А горе не валит его?
Работа не валит?

Мужик беды не меряет,
Со всякою справляется,
Какая не приди.
Мужик, трудясь, не думает,
Что силы надорвет,
Так неужли над чаркою
Задуматься, что с лишнего
В канаву угодишь?
А что глядеть зазорно вам,
Как пьяные валяются,
Так погляди поди,
Как из болота волоком
Крестьяне сено мокрое,
Скосивши, волокут:
Где не пробраться лошади,
Где и без ноши пешему
Опасно перейти,
Там рать-орда крестьянская.
По кочам, по зажоринам
Ползком ползет с плетюхами, –
Трещит крестьянский пуп!
Под солнышком без шапочек,
В поту, в грязи по макушку
Осокою изрезаны,
Болотным гадом-мошкою
Изъеденные в кровь, –
Небось мы тут красивее?
Жалеть – жалей умеючи,
На мерочку господскую
Крестьянина не мерь!
Не белоручки нежные,
А люди мы великие
В работе и в гульбе!..
У каждого крестьянина
Душа что туча черная –
Гневна, грозна, – и надо бы
Громам греметь оттудова,
Кровавым лить дождям,
А всё вином кончается.
Пошла по жилам чарочка –
И рассмеялась добрая
Крестьянская душа!
Не горевать тут надобно,
Гляди кругом – возрадуйся!

Ай парни, ай молодушки,
Умеют погулять!
Повымахали косточки,
Повымотали душеньку,
А удаль молодецкую
Про случай сберегли!..»
Мужик стоял на валике,
Притопывал лаптишками
И, помолчав минуточку,
Прибавил громким голосом,
Любуясь на веселую,
Ревущую толпу:
«Эй! царство ты мужицкое,
Бесшапочное, пьяное, –
Шуми – вольней шуми!..»
«Как звать тебя, старинушка?»
«А что? запишешь в книжечку?
Пожалуй, нужды нет!
Пиши: В деревне Босове
Яким Нагой живет,
Он до смерти работает,
До полусмерти пьет!..»
Крестьяне рассмеялися
И рассказали барину,
Каков мужик Яким.
Яким, старик убогонький,
Живал когда-то в Питере,
Да угодил в тюрьму:
С купцом тягаться вздумалось!
Как липочка ободранный,
Вернулся он на родину
И за соху взялся.
С тех пор лет тридцать жарится
На полосе под солнышком,
Под бороной спасается
От частого дождя,
Живет – с сохою возится,
А смерть придет Якимушке –
Как ком земли отвалится,
Что на сохе присох…
С ним случай был: картиночек
Он сыну накупил,
Развешал их по стеночкам
И сам не меньше мальчика

На них любил глядеть.
Пришла немилость божия,
Деревня загорелася –
А было у Якимушки
За целый век накоплено
Целковых тридцать пять.
Скорей бы взять целковые,
А он сперва картиночки
Стал со стены срывать;
Жена его тем временем
С иконами возилася,
А тут изба и рухнула –
Так оплошал Яким!
Слились в комок целковики,
За тот комок дают ему
Одиннадцать рублей…
«Ой брат Яким! недешево
Картинки обошлись!
Зато и в избу новую
Повесил их, небось?»
«Повесил – есть и новые», –
Сказал Яким – и смолк.
Вгляделся барин в пахаря:
Грудь впалая; как вдавленный
Живот; у глаз, у рта
Излучины, как трещины
На высохшей земле;
И сам на землю-матушку
Похож он: шея бурая,
Как пласт, сохой отрезанный,
Кирпичное лицо,
Рука – кора древесная,
А волосы – песок.
Крестьяне, как заметили,
Что не обидны барину
Якимовы слова,
И сами согласилися
С Якимом: «Слово верное:
Нам подобает пить!
Пьем – значит, силу чувствуем!
Придет печаль великая,
Как перестанем пить!..
Работа не свалила бы,
Беда не одолела бы,

Нас хмель не одолит!
Не так ли?»
– «Да, бог милостив!»
«Ну, выпей с нами чарочку!»
Достали водки, выпили.
Якиму Веретенников
Два шкалика поднес.
«Ай барин! не прогневался,
Разумная головушка!
(Сказал ему Яким.)
Разумной-то головушке
Как не понять крестьянина?
А свиньи ходят по земи –
Не видят неба век!..»
Вдруг песня хором грянула
Удалая, согласная:
Десятка три молодчиков,
Хмельненьки, а не валятся,
Идут рядком, поют,
Поют про Волгу-матушку,
Про удаль молодецкую,
Про девичью красу.
Притихла вся дороженька,
Одна та песня складная
Широко, вольно катится,
Как рожь под ветром стелется,
По сердцу по крестьянскому
Идет огнем-тоской!..
Под песню ту удалую
Раздумалась, расплакалась
Молодушка одна:
«Мой век – что день без солнышка,
Мой век – что ночь без месяца,
А я, млада-младешенька,
Что борзый конь на привязи,
Что ласточка без крыл!
Мой старый муж, ревнивый муж,
Напился пьян, храпом храпит,
Меня, младу-младешеньку,
И сонный сторожит!»
Так плакалась молодушка
Да с возу вдруг и спрыгнула!
«Куда?» – кричит ревнивый муж,
Привстал – и бабу за косу,

Как редьку за вихор!
Ой! ночка, ночка пьяная!
Не светлая, а звездная,
Не жаркая, а с ласковым
Весенним ветерком!
И нашим добрым молодцам
Ты даром не пошла!
Сгрустнулось им по женушкам,
Оно и правда: с женушкой
Теперь бы веселей!
Иван кричит: «Я спать хочу»,
А Марьюшка: «И я с тобой!»
Иван кричит: «Постель узка»,
А Марьюшка: «Уляжемся!»
Иван кричит: «Ой, холодно»,
А Марьюшка: «Угреемся!»
Как вспомнили ту песенку,
Без слова – согласилися
Ларец свой попытать.
Одна, зачем бог ведает,
Меж полем и дорогою
Густая липа выросла.
Под ней присели странники
И осторожно молвили:
«Эй! скатерть самобранная,
Попотчуй мужиков!»
И скатерть развернулася,
Откудова ни взялися
Две дюжие руки:
Ведро вина поставили,
Горой наклали хлебушка
И спрятались опять.
Крестьяне подкрепилися,
Роман за караульного
Остался у ведра,
А прочие вмешалися
В толпу – искать счастливого:
Им крепко захотелося
Скорей попасть домой…

Глава 4. Счастливые

В толпе горластой, праздничной
Похаживали странники,
Прокликивали клич:
«Эй! нет ли где счастливого?
Явись! Коли окажется,
Что счастливо живешь,
У нас ведро готовое:
Пей даром сколько вздумаешь –
На славу угостим!..»
Таким речам неслыханным
Смеялись люди трезвые,
А пьяные да умные
Чуть не плевали в бороду
Ретивым крикунам.
Однако и охотников
Хлебнуть вина бесплатного
Достаточно нашлось.
Когда вернулись странники
Под липу, клич прокликавши,
Их обступил народ.
Пришел дьячок уволенный,
Тощой, как спичка серная,
И лясы распустил,
Что счастие не в пажитях,
Не в соболях, не в золоте,
Не в дорогих камнях.
«А в чем же?»
– «В благодушестве!
Пределы есть владениям
Господ, вельмож, царей земных,
А мудрого владение –
Весь вертоград Христов!
Коль обогреет солнышко
Да пропущу косушечку,
Так вот и счастлив я!»
– «А где возьмешь косушечку?»
– «Да вы же дать сулилися…»
«Проваливай! шалишь!..»
Пришла старуха старая,
Рябая, одноглазая
И объявила, кланяясь,
Что счастлива она:
Что у нее по осени
Родилось реп до тысячи

На небольшой гряде.
«Такая репа крупная,
Такая репа вкусная,
А вся гряда – сажени три,
А впоперечь – аршин!»
Над бабой посмеялися,
А водки капли не дали:
«Ты дома выпей, старая,
Той репой закуси!»
Пришел солдат с медалями,
Чуть жив, а выпить хочется:
«Я счастлив!» – говорит.
«Ну, открывай, старинушка,
В чем счастие солдатское?
Да не таись, смотри!»
– «А в том, во-первых, счастие,
Что в двадцати сражениях
Я был, а не убит!
А во-вторых, важней того,
Я и во время мирное
Ходил ни сыт ни голоден,
А смерти не дался!
А в-третьих – за провинности,
Великие и малые,
Нещадно бит я палками,
А хоть пощупай – жив!»
«На! выпивай, служивенький!
С тобой и спорить нечего:
Ты счастлив – слова нет!»
Пришел с тяжелым молотом
Каменотес-олончанин,
Плечистый, молодой:
«И я живу – не жалуюсь, –
Сказал он, – с женкой, с матушкой
Не знаем мы нужды!»
«Да в чем же ваше счастие?»
«А вот гляди (и молотом,
Как перышком, махнул):
Коли проснусь до солнышка
Да разогнусь о полночи,
Так гору сокрушу!
Случалось не похвастаю,
Щебенки наколачивать
В день на пять серебром!»

Пахом приподнял «счастие»
И, крякнувши порядочно,
Работничку поднес:
«Ну, веско! а не будет ли
Носиться с этим счастием
Под старость тяжело?..»
«Смотри, не хвастай силою, –
Сказал мужик с одышкою,
Расслабленный, худой
(Нос вострый, как у мертвого,
Как грабли руки тощие,
Как спицы ноги длинные,
Не человек – комар). –
Я был – не хуже каменщик
Да тоже хвастал силою,
Вот бог и наказал!
Смекнул подрядчик, бестия,
Что простоват детинушка,
Учал меня хвалить,
А я-то сдуру радуюсь,
За четверых работаю!
Однажды ношу добрую
Наклал я кирпичей,
А тут его, проклятого,
И нанеси нелегкая:
«Что это? – говорит. –
Не узнаю я Трифона!
Идти с такою ношею
Не стыдно молодцу?»
– «А коли мало кажется,
Прибавь рукой хозяйскою!» –
Сказал я, осердясь.
Ну, с полчаса, я думаю,
Я ждал, а он подкладывал,
И подложил, подлец!
Сам слышу – тяга страшная,
Да не хотелось пятиться.
И внес ту ношу чертову
Я во второй этаж!
Глядит подрядчик, дивится,
Кричит, подлец, оттудова:
«Ай, молодец, Трофим!
Не знаешь сам, что сделал ты:
Ты снес один по крайности

Четырнадцать пудов!»
Ой, знаю! сердце молотом
Стучит в груди, кровавые
В глазах круги стоят,
Спина как будто треснула…
Дрожат, ослабли ноженьки.
Зачах я с той поры!..
Налей, брат, полстаканчика!»
«Налить? Да где ж тут счастие?
Мы потчуем счастливого,
А ты что рассказал!»
«Дослушай! будет счастие!»
«Да в чем же, говори!»
«А вот в чем. Мне на родине,
Как всякому крестьянину,
Хотелось умереть.
Из Питера, расслабленный,
Шальной, почти без памяти,
Я на машину сел.
В вагоне – лихорадочных,
Горячечных работничков
Нас много набралось,
Всем одного желалося,
Как мне: попасть на родину,
Чтоб дома помереть.
Однако нужно счастие
И тут: мы летом ехали,
В жарище, в духоте
У многих помутилися
Вконец больные головы,
В вагоне ад пошел:
Тот стонет, тот катается,
Как оглашенный, по полу,
Тот бредит женкой, матушкой.
Ну, на ближайшей станции
Такого и долой!
Глядел я на товарищей,
Сам весь горел, подумывал –
Несдобровать и мне
В глазах кружки багровые,
И всё мне, братец, чудится,
Что режу пеунов
(Мы тоже пеунятники,
Случалось в год откармливать

До тысячи зобов).
Где вспомнились, проклятые!
Уж я молиться пробовал,
Нет! всё с ума нейдут!
Поверишь ли? вся партия
Передо мной трепещется!
Гортани перерезаны,
Кровь хлещет, а поют!
А я с ножом: «Да полно вам!»
Уж как господь помиловал,
Что я не закричал?
Сижу, креплюсь… по счастию,
День кончился, а к вечеру
Похолодало, – сжалился
Над сиротами бог!
Ну, так мы и доехали,
И я добрел на родину,
А здесь, по божьей милости,
И легче стало мне…»
«Чего вы тут расхвастались
Своим мужицким счастием? –
Кричит, разбитый на ноги,
Дворовый человек. –
А вы меня попотчуйте:
Я счастлив, видит бог!
У первого боярина,
У князя Переметьева,
Я был любимый раб.
Жена – раба любимая,
А дочка вместе с барышней
Училась и французскому
И всяким языкам,
Садиться позволялось ей
В присутствии княжны…
Ой! как кольнуло!.. батюшки!..»
(И начал ногу правую
Ладонями тереть.)
Крестьяне рассмеялися.
«Чего смеетесь, глупые, –
Озлившись неожиданно
Дворовый закричал. –
Я болен, а сказать ли вам,
О чем молюсь я господу,
Вставая и ложась?

Молюсь: «Оставь мне, господи,
Болезнь мою почетную,
По ней я дворянин!»
Не вашей подлой хворостью,
Не хрипотой, не грыжею –
Болезнью благородною
Какая только водится
У первых лиц в империи,
Я болен, мужичье!
По-да-грой именуется!
Чтоб получить ее –
Шампанское, бургонское,
Токайское, венгерское
Лет тридцать надо пить…
За стулом у светлейшего
У князя Переметьева
Я сорок лет стоял,
С французским лучшим трюфелем
Тарелки я лизал,
Напитки иностранные
Из рюмок допивал…
Ну, наливай!»
– «Проливай!
У нас вино мужицкое,
Простое, не заморское –
Не по твоим губам!»
Желтоволосый, сгорбленный,
Подкрался робко к странникам
Крестьянин-белорус,
Туда же к водке тянется:
«Налей и мне маненичко,
Я счастлив!» – говорит.
«А ты не лезь с ручищами!
Докладывай, доказывай
Сперва, чем счастлив ты?»
«А счастье наше – в хлебушке:
Я дома в Белоруссии
С мякиною, с кострикою
Ячменный хлеб жевал;
Бывало, вопишь голосом,
Как роженица корчишься,
Как схватит животы.
А ныне, милость божия! –
Досыта у Губонина

Дают ржаного хлебушка,
Жую – не нажуюсь!»
Пришел какой-то пасмурный
Мужик с скулой свороченной,
Направо всё глядит:
«Хожу я за медведями,
И счастье мне великое:
Троих моих товарищей
Сломали мишуки,
А я живу, бог милостив!»
«А ну-ка влево глянь?»
Не глянул, как ни пробовал,
Какие рожи страшные
Ни корчил мужичок:
«Свернула мне медведица
Маненичко скулу!»
– «А ты с другой померяйся,
Подставь ей щеку правую –
Поправит….» – Посмеялися,
Однако поднесли.
Оборванные нищие,
Послышав запах пенного,
И те пришли доказывать,
Как счастливы они:
«Нас у порога лавочник
Встречает подаянием,
А в дом войдем, так из дому
Проводят до ворот…
Чуть запоем мы песенку,
Бежит к окну хозяюшка
С краюхою, с ножом,
А мы-то заливаемся:
«Давай, давай – весь каравай,
Не мнется и не крошится,
Тебе скорей, а нам спорей….»
Смекнули наши странники,
Что даром водку тратили,
Да кстати и ведерочку
Конец. «Ну, будет с вас!
Эй, счастие мужицкое!
Дырявое, с заплатами,
Горбатое с мозолями,
Проваливай домой!»
«А вам бы, други милые,

Спросить Ермилу Гирина, –
Сказал, подсевши к странникам,
Деревни Дымоглотова
Крестьянин Федосей. –
Коли Ермил не выручит,
Счастливцем не объявится,
Так и шататься нечего…»
«А кто такой Ермил?
Князь, что ли, граф сиятельный?»
«Не князь, не граф сиятельный,
А просто он – мужик!»
«Ты говори толковее,
Садись, а мы послушаем,
Какой такой Ермил?»
«А вот какой: сиротскую
Держал Ермило мельницу
На Унже. По суду
Продать решили мельницу:
Пришел Ермило с прочими
В палату на торги.
Пустые покупатели
Скоренько отвалилися,
Один купец Алтынников
С Ермилом в бой вступил,
Не отстает, торгуется,
Наносит по копеечке.
Ермило как рассердится –
Хвать сразу пять рублей!
Купец опять копеечку,
Пошло у них сражение:
Купец его копейкою,
А тот его рублем!
Не устоял Алтынников!
Да вышла тут оказия:
Тотчас же стали требовать
Задатков третью часть,
А третья часть – до тысячи.
С Ермилом денег не было,
Уж сам ли он сплошал,
Схитрили ли подьячие,
А дело вышло дрянь!
Повеселел Алтынников:
«Моя, выходит, мельница!»
«Нет! – говорит Ермил,

Подходит к председателю. –
Нельзя ли вашей милости
Помешкать полчаса?»
«Что в полчаса ты сделаешь?»
«Я деньги принесу!»
«А где найдешь? В уме ли ты?
Верст тридцать пять до мельницы,
А через час присутствию
Конец, любезный мой!»
«Так полчаса позволите?»
«Пожалуй, час промешкаем!»
Пошел Ермил; подьячие
С купцом переглянулися,
Смеются, подлецы!
На площадь на торговую
Пришел Ермило (в городе
Тот день базарный был),
Стал на воз, видим: крестится,
На все четыре стороны
Поклон, – и громким голосом
Кричит: «Эй, люди добрые!
Притихнете, послушайте,
Я слово вам скажу!»
Притихла площадь людная,
И тут Ермил про мельницу
Народу рассказал:
«Давно купец Алтынников
Присватывался к мельнице,
Да не плошал и я,
Раз пять справлялся в городе,
Сказали: с переторжкою
Назначены торги.
Без дела, сами знаете,
Возить казну крестьянину
Проселком не рука:
Приехал я без грошика,
Ан глядь – они спроворили
Без переторжки торг!
Схитрили души подлые,
Да и смеются нехристи:
«Что часом ты поделаешь?
Где денег ты найдешь?»
Авось найду, бог милостив!
Хитры, сильны подьячие,

А мир их посильней,
Богат купец Алтынников,
А всё не устоять ему
Против мирской казны –
Ее, как рыбу из моря,
Века ловить – не выловить.
Ну, братцы! видит бог,
Разделаюсь в ту пятницу!
Не дорога мне мельница,
Обида велика!
Коли Ермила знаете,
Коли Ермилу верите,
Так выручайте, что ль!..»
И чудо сотворилося:
На всей базарной площади
У каждого крестьянина,
Как ветром, полу левую
Заворотило вдруг!
Крестьянство раскошелилось,
Несут Ермилу денежки,
Дают, кто чем богат.
Ермило парень грамотный,
Да некогда записывать,
Успей пересчитать!
Наклали шляпу полную
Целковиков, лобанчиков,
Прожженной, битой, трепаной
Крестьянской ассигнации.
Ермило брал – не брезговал
И медным пятаком.
Еще бы стал он брезговать,
Когда тут попадалася
Иная гривна медная
Дороже ста рублей!
Уж сумма вся исполнилась,
А щедрота народная
Росла: «Бери, Ермил Ильич,
Отдашь, не пропадет!»
Ермил народу кланялся
На все четыре стороны,
В палату шел со шляпою,
Зажавши в ней казну.
Сдивилися подьячие,
Позеленел Алтынников,

Как он сполна всю тысячу
Им выложил на стол!..
Не волчий зуб, так лисий хвост, –
Пошли юлить подьячие,
Да не таков Ермил Ильич,
Не молвил слова лишнего,
Копейки не дал им!
Глядеть весь город съехался,
Как в день базарный, пятницу,
Через неделю времени
Ермил на той же площади
Рассчитывал народ.
Упомнить где же всякого?
В ту пору дело делалось
В горячке, второпях!
Однако споров не было,
И выдать гроша лишнего
Ермилу не пришлось.
Еще, он сам рассказывал,
Рубль лишний – чей бог ведает! –
Остался у него.
Весь день с мошной раскрытою
Ходил Ермил, допытывал:
Чей рубль? да не нашел.
Уж солнце закатилося,
Когда с базарной площади
Ермил последний тронулся,
Отдав тот рубль слепым…
Так вот каков Ермил Ильич».
«Чуден! – сказали странники. –
Однако знать желательно –
Каким же колдовством
Мужик над всей округою
Такую силу взял?»
«Не колдовством, а правдою.
Слыхали про Адовщину,
Юрлова-князя вотчину?»
«Слыхали, ну так что ж?»
«В ней главный управляющий
Был корпуса жандармского
Полковник со звездой,
При нем пять-шесть помощников,
А наш Ермило писарем
В конторе состоял.

Лет двадцать было малому,
Какая воля писарю?
Однако для крестьянина
И писарь человек.
К нему подходишь к первому,
А он и посоветует
И справку наведет;
Где хватит силы – выручит,
Не спросит благодарности,
И дашь, так не возьмет!
Худую совесть надобно –
Крестьянину с крестьянина
Копейку вымогать.
Таким путем вся вотчина
В пять лет Ермилу Гирина
Узнала хорошо,
А тут его и выгнали…
Жалели крепко Гирина,
Трудненько было к новому,
Хапуге, привыкать,
Однако делать нечего,
По времени приладились
И к новому писцу.
Тот ни строки без трешника,
Ни слова без семишника,
Прожженный, из кутейников –
Ему и бог велел!
Однако, волей божией,
Недолго он процарствовал, –
Скончался старый князь,
Приехал князь молоденький,
Прогнал того полковника,
Прогнал его помощника,
Контору всю прогнал,
А нам велел из вотчины
Бурмистра изобрать.
Ну, мы не долго думали,
Шесть тысяч душ, всей вотчиной
Кричим: «Ермилу Гирина!» –
Как человек един!
Зовут Ермилу к барину.
Поговорив с крестьянином,
С балкона князь кричит:
«Ну, братцы! будь по-вашему.

Моей печатью княжеской
Ваш выбор утвержден:
Мужик проворный, грамотный,
Одно скажу: не молод ли?..»
А мы: «Нужды нет, батюшка,
И молод, да умен!»
Пошел Ермило царствовать
Над всей княжою вотчиной,
И царствовал же он!
В семь лет мирской копеечки
Под ноготь не зажал,
В семь лет не тронул правого,
Не попустил виновному,
Душой не покривил…»
«Стой!» – крикнул укорительно
Какой-то попик седенький
Рассказчику. – Грешишь!
Шла борона прямехонько,
Да вдруг махнула в сторону –
На камень зуб попал!
Коли взялся рассказывать,
Так слова не выкидывай
Из песни: или странникам
Ты сказку говоришь?..
Я знал Ермилу Гирина…»
«А я небось не знал?
Одной мы были вотчины,
Одной и той же волости,
Да нас перевели…»
«А коли знал ты Гирина,
Так знал и брата Митрия,
Подумай-ка, дружок».
Рассказчик призадумался
И, помолчав, сказал:
«Соврал я: слово лишнее
Сорвалось на маху!
Был случай, и Ермил-мужик
Свихнулся: из рекрутчины
Меньшого брата Митрия
Повыгородил он.
Молчим: тут спорить нечего,
Сам барин брата старосты
Забрить бы не велел,
Одна Ненила Власьева

По сыне горько плачется,
Кричит: не наш черед!
Известно, покричала бы
Да с тем бы и отъехала.
Так что же? Сам Ермил,
Покончивши с рекрутчиной,
Стал тосковать, печалиться,
Не пьет, не ест: тем кончилось,
Что в деннике с веревкою
Застал его отец.
Тут сын отцу покаялся:
«С тех пор, как сына Власьевны
Поставил я не в очередь,
Постыл мне белый свет!»
А сам к веревке тянется.
Пытали уговаривать
Отец его и брат,
Он всё одно: «Преступник я!
Злодей! вяжите руки мне,
Ведите в суд меня!»
Чтоб хуже не случилося,
Отец связал сердечного,
Приставил караул.
Сошелся мир, шумит, галдит,
Такого дела чудного
Вовек не приходилося
Ни видеть, ни решать.
Ермиловы семейные
Уж не о том старалися,
Чтоб мы им помирволили,
А строже рассуди –
Верни парнишку Власьевне,
Не то Ермил повесится,
За ним не углядишь!
Пришел и сам Ермил Ильич,
Босой, худой, с колодками,
С веревкой на руках,
Пришел, сказал: «Была пора,
Судил я вас по совести,
Теперь я сам грешнее вас:
Судите вы меня!»
И в ноги поклонился нам.
Ни дать ни взять юродивый,
Стоит, вздыхает, крестится,

Жаль было нам глядеть,
Как он перед старухою,
Перед Ненилой Власьевой,
Вдруг на колени пал!
Ну, дело всё обладилось,
У господина сильного
Везде рука: сын Власьевны
Вернулся, сдали Митрия,
Да, говорят, и Митрию
Нетяжело служить,
Сам князь о нем заботится.
А за провинность с Гирина
Мы положили штраф:
Штрафные деньги рекруту,
Часть небольшая Власьевне,
Часть миру на вино…
Однако после этого
Ермил не скоро справился,
С год как шальной ходил.
Как ни просила вотчина,
От должности уволился,
В аренду снял ту мельницу
И стал он пуще прежнего
Всему народу люб:
Брал за помол по совести,
Народу не задерживал,
Приказчик, управляющий,
Богатые помещики
И мужики беднейшие –
Все очереди слушались,
Порядок строгий вел!
Я сам уж в той губернии
Давненько не бывал,
А про Ермилу слыхивал,
Народ им не нахвалится,
Сходите вы к нему».
«Напрасно вы проходите, –
Сказал уж раз заспоривший
Седоволосый поп. –
Я знал Ермилу Гирина,
Попал я в ту губернию
Назад тому лет пять
(Я в жизни много странствовал,
Преосвященный наш

Переводить священников
Любил)… С Ермилой Гириным
Соседи были мы.
Да! был мужик единственный!
Имел он всё, что надобно
Для счастья: и спокойствие,
И деньги, и почет,
Почет завидный, истинный,
Не купленный ни деньгами,
Ни страхом: строгой правдою,
Умом и добротой!
Да только, повторяю вам,
Напрасно вы проходите,
В остроге он сидит…»
«Как так?»
– «А воля божия!
Слыхал ли кто из вас,
Как бунтовалась вотчина
Помещика Обрубкова,
Испуганной губернии,
Уезда Недыханьева,
Деревня Столбняки?..
Как о пожарах пишется
В газетах (я их читывал):
«Осталась неизвестною
Причина» – так и тут:
До сей поры неведомо
Ни земскому исправнику,
Ни высшему правительству,
Ни столбнякам самим,
С чего стряслась оказия,
А вышло дело дрянь.
Потребовалось воинство,
Сам государев посланный
К народу речь держал,
То руганью попробует
И плечи с эполетами
Подымет высоко,
То лаской попробует
И грудь с крестами царскими
Во все четыре стороны
Повертывать начнет.
Да брань была тут лишняя,
А ласка непонятная:

«Крестьянство православное!
Русь-матушка! царь-батюшка!»
И больше ничего!
Побившись так достаточно,
Хотели уж солдатикам
Скомандовать: пали!
Да волостному писарю
Пришла тут мысль счастливая,
Он про Ермилу Гирина
Начальнику сказал:
«Народ поверит Гирину,
Народ его послушает….»
– «Позвать его живей!»
Вдруг крик: «Ай, ай! помилуйте!»,
Раздавшись неожиданно,
Нарушил речь священника,
Все бросились глядеть:
У валика дорожного
Секут лакея пьяного –
Попался в воровстве!
Где пойман, тут и суд ему:
Судей сошлось десятка три,
Решили дать по лозочке,
И каждый дал лозу!
Лакей вскочил и, шлепая
Худыми сапожнишками,
Без слова тягу дал.
«Вишь, побежал, как встрепанный! –
Шутили наши странники,
Узнавши в нем балясника,
Что хвастался какою-то
Особенной болезнию
От иностранных вин. –
Откуда прыть явилася!
Болезнь ту благородную
Вдруг сняло, как рукой!»
«Эй, эй! куда ж ты, батюшка!
Ты доскажи историю,
Как бунтовалась вотчина
Помещика Обрубкова,
Деревня Столбняки?»
«Пора домой, родимые.
Бог даст, опять мы встретимся,
Тогда и доскажу!»

Под утро все поразъехались,
Поразбрелась толпа.
Крестьяне спать надумали,
Вдруг тройка с колокольчиком
Откуда ни взялась,
Летит! а в ней качается
Какой-то барин кругленький,
Усатенький, пузатенький,
С сигарочкой во рту.
Крестьяне разом бросились
К дороге, сняли шапочки,
Низенько поклонилися,
Повыстроились в ряд
И тройке с колокольчиком
Загородили путь….

Глава 5. Помещик

Соседнего помещика
Гаврилу Афанасьича
Оболта-Оболдуева
Та троечка везла.
Помещик был румяненький,
Осанистый, присадистый,
Шестидесяти лет;
Усы седые, длинные,
Ухватки молодецкие,
Венгерка с бранденбурами,
Широкие штаны.
Гаврило Афанасьефич,
Должно быть, перетрусился,
Увидев перед тройкою
Семь рослых мужиков.
Он пистолетик выхватил,
Как сам, такой же толстенький,
И дуло шестиствольное
На странников навел:
«Ни с места! Если тронетесь,
Разбойники! грабители!
На месте уложу!..»
Крестьяне рассмеялися:
«Какие мы разбойники,

Гляди – у нас ни ножика,
Ни топоров, ни вил!»
– «Кто ж вы? чего вам надобно?»
«У нас забота есть,
Такая ли заботушка,
Что из домов повыжила,
С работой раздружила нас,
Отбила от еды.
Ты дай нам слово крепкое
На нашу речь мужицкую
Без смеха и без хитрости,
По правде и по разуму,
Как должно отвечать,
Тогда свою заботушку
Поведаем тебе…»
«Извольте: слово честное,
Дворянское даю!»
– «Нет, ты нам не дворянское,
Дай дай слово христианское!
Дворянское с побранкою,
С толчком да с зуботычиной,
То непригодно нам!»
Эге! какие новости!
А впрочем, будь по вашему!
Ну, в чем же ваша речь?..»
– «Спрячь пистолетик! выслушай!
Вот так! мы не грабители,
Мы мужики смиренные,
Из временнообязанных,
Подтянутой губернии,
Уезда Терпигорева,
Пустопорожней волости,
Из разных деревень:
Заплатова, Дырявина,
Разутова, Знобишина,
Горелова, Неелова –
Неурожайка тож.
Идя путем-дорогою,
Сошлись мы невзначай,
Сошлись – и заспорили:
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?
Роман сказал: помещику,
Демьян сказал: чиновнику,

Лука сказал: попу.
Купчине толстопузому, –
Сказали братья Губины,
Иван и Митродор.
Пахом сказал: светлейшему,
Вельможному боярину,
Министру государеву,
А Пров сказал: царю…
Мужик что бык: втемяшится
В башку какая блажь –
Колом ее оттудова
Не выбьешь! Как ни спорили,
Не согласились мы!
Поспоривши – повздорили,
Повздоривши – подралися,
Подравшися – удумали
Не расходиться врозь,
В домишки не ворочаться,
Не видеться ни с женами,
Ни с малыми ребятами,
Ни с стариками старыми,
Покуда спору нашему
Решенья не найдем,
Покуда не доведаем
Как ни на есть доподлинно:
Кому жить любо-весело,
Вольготно на Руси?
Скажи ж ты нам по-божески,
Сладка ли жизнь помещичья?
Ты как – вольготно, счастливо,
Помещичек, живешь?»
Гаврило Афанасьевич
Из тарантаса выпрыгнул,
К крестьянам подошел:
Как лекарь, руку каждому
Пощупал, в лица глянул им,
Схватился за бока
И покатился со смеху…
«Ха-ха! ха-ха! ха-ха! ха-ха!»
Здоровый смех помещичий
По утреннему воздуху
Раскатываться стал…
Нахохотавшись досыта,
Помещик не без горечи

Сказал: «Наденьте шапочки,
Садитесь, господа!»
«Мы господа не важные,
Перед твоею милостью
И постоим…»
– «Нет! нет!
Прошу садиться, граждане!»
Крестьяне поупрямились,
Однако делать нечего,
Уселись на валу.
«И мне присесть позволите?
Эй, Прошка! рюмку хересу,
Подушку и ковер!»
Расположась на коврике
И выпив рюмку хересу,
Помещик начал так:
«Я дал вам слово честное
Ответ держать по совести,
А нелегко оно!
Хоть люди вы почтенные,
Однако не ученые,
Как с вами говорить?
Сперва понять вам надо бы,
Что значит слово самое:
Помещик, дворянин.
Скажите, вы, любезные,
О родословном дереве
Слыхали что-нибудь?»
– Леса нам не заказаны –
Видали древо всякое!» –
Сказали мужики.
«Попали пальцем в небо вы!..
Скажу вам вразумительней:
Я роду именитого,
Мой предок Оболдуй
Впервые поминается
В старинных русских грамотах
Два века с половиною
Назад тому. Гласит
Та грамота: «Татарину
Оболту Оболдуеву
Дано суконце доброе,
Ценою два рубля:
Волками и лисицами

Он тешил государыню,
В день царских именин,
Спускал медведя дикого
С своим, и Оболдуева
Медведь тот ободрал…»
Ну, поняли, любезные?»
– «Как не понять! С медведями
Немало их шатается,
Прохвостов, и теперь».
«Вы всё свое, любезные!
Молчать! уж лучше слушайте,
К чему я речь веду:
Тот Оболдуй, потешивший
Зверями государыню,
Был корень роду нашему,
А было то, как сказано,
С залишком двести лет.
Прапрадед мой по матери
Был и того древней:
«Князь Щепин с Васькой Гусевым
(Гласит другая грамота)
Пытал поджечь Москву,
Казну пограбить думали,
Да их казнили смертию»,
А было то, любезные,
Без мала триста лет.
Так вот оно откудова
То дерево дворянское
Идет, друзья мои!»
«А ты, примерно, яблочко
С того выходишь дерева?» –
Сказали мужики.
«Ну, яблочко, так яблочко!
Согласен! Благо, поняли
Вы дело наконец.
Теперь – вы сами знаете –
Чем дерево дворянское
Древней, тем именитее,
Почетней дворянин.
Не так ли, благодетели?»
«Так! – отвечали странники. –
Кость белая, кость черная,
И поглядеть, так разные, –
Им разный и почет!»

«Ну, вижу, вижу: поняли!
Так вот, друзья – и жили мы,
Как у Христа за пазухой,
И знали мы почет.
Не только люди русские,
Сама природа русская
Покорствовала нам.
Бывало, ты в окружности
Один, как солнце на небе,
Твои деревни скромные,
Твои леса дремучие,
Твои поля кругом!
Пойдешь ли деревенькою –
Крестьяне в ноги валятся,
Пойдешь лесными дачами –
Столетними деревьями
Преклонятся леса!
Пойдешь ли пашней, нивою –
Вся нива спелым колосом
К ногам господским стелется,
Ласкает слух и взор!
Там рыба в речке плещется:
«Жирей-жирей до времени!»
Там заяц лугом крадется:
«Гуляй-гуляй до осени!»
Всё веселило барина,
Любовно травка каждая
Шептала: «Я твоя!»
Краса и гордость русская,
Белели церкви божии
По горкам, по холмам,
И с ними в славе спорили
Дворянские дома.
Дома с оранжереями,
С китайскими беседками
И с английскими парками;
На каждом флаг играл,
Играл-манил приветливо,
Гостеприимство русское
И ласку обещал.
Французу не предвидится
Во сне, какие праздники,
Не день, не два – по месяцу
Мы задавали тут.

Свои индейки жирные,
Свои наливки сочные,
Свои актеры, музыка,
Прислуги – целый полк!
Пять поваров да пекаря,
Двух кузнецов, обойщика,
Семнадцать музыкантиков
И двадцать два охотника
Держал я… Боже мой!..»
Помещик закручинился,
Упал лицом в подушечку,
Потом привстал, поправился:
«Эй, Прошка!» – закричал.
Лакей, по слову барскому,
Принес кувшинчик с водкою.
Гаврило Афанасьевич,
Откушав, продолжал:
«Бывало, в осень позднюю
Леса твои, Русь-матушка,
Одушевляли громкие
Охотничьи рога.
Унылые, поблекшие
Леса полураздетые
Жить начинали вновь,
Стояли по опушечкам
Борзовщики-разбойники,
Стоял помещик сам,
А там, в лесу, выжлятники
Ревели, сорвиголовы,
Варили варом гончие.
Чу! подзывает рог!..
Чу! стая воет! сгрудилась
Никак, по зверю красному
Погнали?.. улю-лю!
Лисица чернобурая,
Пушистая, матерая
Летит, хвостом метет!
Присели, притаилися,
Дрожа всем телом, рьяные,
Догадливые псы:
Пожалуй, гостья жданная!
Поближе к нам, молодчикам,
Подальше от кустов!
Пора! Ну, ну! не выдай, конь!

Не выдайте, собаченьки!
Эй! улю-лю! родимые!
Эй! – улю-лю!.. а-ту!..»
Гаврило Афанасьевич,
Вскочив с ковра персидского,
Махал рукой, подпрыгивал,
Кричал! Ему мерещилось,
Что травит он лису…
Крестьяне молча слушали,
Глядели, любовалися,
Посмеивались в ус…
«Ой ты, охота псовая!
Забудут всё помещики,
Но ты, исконно-русская
Потеха! не забудешься
Ни во веки веков!
Не о себе печалимся,
Нам жаль, что ты, Русь-матушка,
С охотою утратила
Свой рыцарский, воинственный,
Величественный вид!
Бывало, нас по осени
До полусотни съедется
В отъезжие поля;
У каждого помещика
Сто гончих в напуску,
У каждого по дюжине
Борзовщиков верхом,
При каждом с кашеварами,
С провизией обоз.
Как с песнями да с музыкой
Мы двинемся вперед,
На что кавалерийская
Дивизия твоя!
Летело время соколом,
Дышала грудь помещичья
Свободно и легко.
Во времена боярские,
В порядки древнерусские
Переносился дух!
Ни в ком противоречия,
Кого хочу – помилую,
Кого хочу – казню.
Закон – мое желание!

Кулак – моя полиция!
Удар искросыпительный,
Удар зубодробительный,
Удар скуловорррот!..»
Вдруг, как струна порвалася,
Осеклась речь помещичья.
Потупился, нахмурился,
«Эй, Прошка!» – закричал.
Глонул – и мягким голосом
Сказал: «Вы сами знаете,
Нельзя же и без строгости?
Но я карал – любя.
Порвалась цепь великая –
Теперь не бьем крестьянина,
Зато уж и отечески
Не милуем его.
Да, был я строг по времени,
А впрочем, больше ласкою
Я привлекал сердца.
Я в воскресенье светлое
Со всей своею вотчиной
Христосовался сам!
Бывало, накрывается
В гостиной стол огромнейший,
На нем и яйца красные,
И пасха, и кулич!
Моя супруга, бабушка,
Сынишки, даже барышни
Не брезгуют, целуются
С последним мужиком.
«Христос воскрес!» – «Воистину!»
Крестьяне разговляются,
Пьют брагу и вино…
Пред каждым почитаемым
Двунадесятым праздником
В моих парадных горницах
Поп всенощну служил.
И к той домашней всенощной
Крестьяне допускалися,
Молись – хоть лоб разбей!
Страдало обоняние,
Сбивали после с вотчины
Баб отмывать полы!
Да чистота духовная

Тем самым сберегалася,
Духовное родство!
Не так ли, благодетели?»
«Так!» – отвечали странники,
А про себя подумали:
«Колом сбивал их, что ли, ты
Молиться в барский дом?..»
«Зато, скажу не хвастая,
Любил меня мужик!
В моей сурминской вотчине
Крестьяне всё подрядчики,
Бывало, дома скучно им,
Все на чужую сторону
Отпросятся с весны…
Ждешь – не дождешься осени,
Жена, детишки малые
И те гадают, ссорятся:
«Какого им гостинчику
Крестьяне принесут!»
И точно: поверх барщины,
Холста, яиц и живности –
Всего, что на помещика
Сбиралось искони, –
Гостинцы добровольные
Крестьяне нам несли!
Из Киева – с вареньями,
Из Астрахани – с рыбою,
А тот, кто подостаточней,
И с шелковой материей:
Глядь, чмокнул руку барыне
И сверток подает!
Детям игрушки, лакомства,
А мне, седому бражнику,
Из Питера вина!
Толк вызнали, разбойники,
Небось не к Кривоногову,
К французу забежит.
Тут с ними разгуляешься,
По-братски побеседуешь,
Жена рукою собственной
По чарке им нальет.
А детки тут же малые
Посасывают прянички
Да слушают досужие

Рассказы мужиков –
Про трудные их промыслы,
Про чужедальны стороны,
Про Петербург, про Астрахань,
Про Киев, про Казань…
Так вот как, благодетели,
Я жил с моею вотчиной,
Не правда ль, хорошо?..»
– «Да, было вам, помещикам,
Житье куда завидное,
Не надо умирать!»
«И всё прошло! всё минуло!..
Чу! похоронный звон!..»
Прислушалися странники,
И точно: из Кузьминского
По утреннему воздуху
Те звуки, грудь щемящие,
Неслись: «Покой крестьянину
И царствие небесное!» –
Проговорили странники
И покрестились все…
Гаврило Афанасьевич
Снял шапочку – и набожно
Перекрестился тож:
«Звонят не по крестьянину!
По жизни по помещичьей
Звонят!.. Ой жизнь широкая!
Прости-прощай навек!
Прощай и Русь помещичья!
Теперь не та уж Русь!
Эй, Прошка!» (выпил водочки
И посвистал)…
«Невесело
Глядеть, как изменилося
Лицо твое, несчастная
Родная сторона!
Сословье благородное
Как будто всё попряталось,
Повымерло! Куда
Ни едешь, попадаются
Одни крестьяне пьяные,
Акцизные чиновники,
Поляки пересыльные
Да глупые посредники,

Да иногда пройдет
Команда. Догадаешься:
Должно быть, взбунтовалося
В избытке благодарности
Селенье где-нибудь!
А прежде что тут мчалося
Колясок, бричек троечных,
Дормезов шестерней!
Катит семья помещичья –
Тут маменьки солидные,
Тут дочки миловидные
И резвые сынки!
Поющих колокольчиков,
Воркующих бубенчиков
Наслушаешься всласть.
А нынче чем рассеешься?
Картиной возмутительной
Что шаг – ты поражен:
Кладбищем вдруг повеяло,
Ну, значит, приближаемся
К усадьбе… Боже мой!
Разобран по кирпичику
Красивый дом помещичий,
И аккуратно сложены
В колонны кирпичи!
Обширный сад помещичий,
Столетьями взлелеянный,
Под топором крестьянина
Весь лег, – мужик любуется,
Как много вышло дров!
Черства душа крестьянина,
Подумает ли он,
Что дуб, сейчас им сваленный,
Мой дед рукою собственной
Когда-то насадил?
Что вон под той рябиною
Резвились наши детушки,
И Ганичка и Верочка,
Аукались со мной?
Что тут, под этой липою,
Жена моя призналась мне,
Что тяжела она
Гаврюшей, нашим первенцем,
И спрятала на грудь мою

Как вишня покрасневшее
Прелестное лицо?..
Ему была бы выгода –
Радехонек помещичьи
Усадьбы изводить!
Деревней ехать совестно:
Мужик сидит – не двинется,
Не гордость благородную –
Желчь чувствуешь в груди.
В лесу не рог охотничий,
Звучит – топор разбойничий,
Шалят!.. а что поделаешь?
Кем лес убережешь?..
Поля – недоработаны,
Посевы – недосеяны,
Порядку нет следа!
О матушка! о родина!
Не о себе печалимся,
Тебя, родная, жаль.
Ты, как вдова печальная,
Стоишь с косой распущенной,
С неубранным лицом!..
Усадьбы переводятся,
Взамен их распложаются
Питейные дома!..
Поят народ распущенный,
Зовут на службы земские,
Сажают, учат грамоте, –
Нужна ему она!
На всей тебе, Русь-матушка,
Как клейма на преступнике,
Как на коне тавро,
Два слова нацарапаны:
«Навынос и распивочно».
Чтоб их читать, крестьянина
Мудреной русской грамоте
Не стоит обучать!..
А нам земля осталася…
Ой ты, земля помещичья!
Ты нам не мать, а мачеха
Теперь… «А кто велел? –
Кричат писаки праздные, –
Так вымогать, насиловать
Кормилицу свою!»

А я скажу: «А кто же ждал?»
Ох! эти проповедники!
Кричат: «Довольно барствовать!
Проснись, помещик заспанный!
Вставай! – учись! трудись!..»
Трудись! Кому вы вздумали
Читать такую проповедь!
Я не крестьянин-лапотник –
Я божиею милостью
Российский дворянин!
Россия – не неметчина,
Нам чувства деликатные,
Нам гордость внушена!
Сословья благородные
У нас труду не учатся.
У нас чиновник плохонький
И тот полов не выметет,
Не станет печь топить…
Скажу я вам, не хвастая,
Живу почти безвыездно
В деревне сорок лет,
А от ржаного колоса
Не отличу ячменного,
А мне поют: «Трудись!»
А если и действительно
Свой долг мы ложно поняли
И наше назначение
Не в том, чтоб имя древнее,
Достоинство дворянское
Поддерживать охотою,
Пирами, всякой роскошью
И жить чужим трудом,
Так надо было ранее
Сказать… Чему учился я?
Что видел я вокруг?..
Коптил я небо божие,
Носил ливрею царскую,
Сорил казну народную
И думал век так жить…
И вдруг… Владыко праведный!..»
Помещик зарыдал…
Крестьяне добродушные
Чуть тоже не заплакали,
Подумав про себя:

«Порвалась цепь великая,
Порвалась – расскочилася:
Одним концом по барину,
Другим по мужику!..»

Последыш (из второй части)

1

Петровки. Время жаркое.
В разгаре сенокос.
Минув деревню бедную,
Безграмотной губернии,
Старо-Вахлацкой волости,
Большие Вахлаки,
Пришли на Волгу странники…
Над Волгой чайки носятся;
Гуляют кулики
По отмели. А по лугу,
Что гол, как у подьячего
Щека, вчера побритая,
Стоят «князья Волконские»
И детки их, что ранее
Родятся, чем отцы.
«Прокосы широчайшие! –
Сказал Пахом Онисимыч. –
Здесь богатырь народ!»
Смеются братья Губины:
Давно они заметили
Высокого крестьянина
Со жбаном – на стогу;
Он пил, а баба с вилами,
Задравши кверху голову,
Глядела на него.
Со стогом поравнялися –
Всё пьет мужик! Отмерили
Еще шагов полста,
Все разом оглянулися:
По-прежнему, закинувшись,
Стоит мужик; посудина
Дном кверху поднята…
Под берегом раскинуты
Шатры; старухи, лошади
С порожними телегами
Да дети видны тут.
А дальше, где кончается

Отава подкошенная,
Народу тьма! Там белые
Рубахи баб, да пестрые
Рубахи мужиков,
Да голоса, да звяканье
Проворных кос. «Бог на помочь!»
– «Спасибо, молодцы!»
Остановились странники…
Размахи сенокосные
Идут чредою правильной:
Все разом занесенные,
Сверкнули косы, звякнули,
Трава мгновенно дрогнула
И пала, пошумев!
По низменному берегу
На Волге травы рослые,
Веселая косьба.
Не выдержали странники:
«Давно мы не работали,
Давайте – покосим!»
Семь баб им косы отдали.
Проснулась, разгорелося
Привычка позабытая
К труду! Как зубы с голоду,
Работает у каждого
Проворная рука.
Валят траву высокую,
Под песню, незнакомую
Вахлацкой стороне;
Под песню, что навеяна
Метелями и вьюгами
Родимых деревень:
Заплатова, Дырявина,
Разутова, Знобишина,
Горелова, Неелова –
Неурожайка тож…
Натешившись, усталые,
Присели к стогу завтракать…
«Откуда, молодцы? –
Спросил у наших странников
Седой мужик (которого
Бабенки звали Власушкой). –
Куда вас бог несет?»
«А мы…» – сказали странники

И замолчали вдруг:
Послышалась им музыка!
«Помещик наш катается, –
Промолвил Влас и бросился
К рабочим: – Не зевать!
Коси дружней! А главное:
Не огорчить помещика.
Рассердится – поклон ему!
Похвалит вас – «ура» кричи…
Эй, бабы! не галдеть!»
Другой мужик, присадистый,
С широкой бородищею,
Почти что то же самое
Народу приказал,
Надел кафтан – и барина
Бежит встречать. «Что за люди? –
Оторопелым странникам
Кричит он на бегу. –
Снимите шапки!»
К берегу
Причалили три лодочки.
В одной прислуга, музыка,
В другой – кормилка дюжая
С ребенком, няня старая
И приживалка тихая,
А в третьей – господа:
Две барыни красивые
(Потоньше – белокурая,
Потолще – чернобровая),
Усатые два барина,
Три барченка-погодочки
Да старый старичок:
Худой! Как зайцы зимние,
Весь бел, и шапка белая,
Высокая, с околышем
Из красного сукна.
Нос клювом, как у ястреба,
Усы седые, длинные,
И – разные глаза:
Один здоровый – светится,
А левый – мутный, пасмурный,
Как оловянный грош!
При них собачки белые,
Мохнатые, с султанчиком,

На крохотных ногах…
Старик, поднявшись на берег,
На красном мягком коврике
Долгонько отдыхал,
Потом покос осматривал:
Его водили под руки
То господа усатые,
То молодые барыни, –
И так, со всею свитою,
С детьми и приживалками,
С кормилкою и нянькою,
И с белыми собачками,
Всё поле сенокосное
Помещик обошел.
Крестьяне низко кланялись,
Бурмистр (смекнули странники,
Что тот мужик присадистый
Бурмистр) перед помещиком,
Как бес перед заутреней,
Юлил: «Так точно! Слушаю-с!» –
И кланялся помещику
Чуть-чуть не до земли.
В один стожище матерый,
Сегодня только сметанный,
Помещик пальцем ткнул,
Нашел, что сено мокрое,
Вспылил: «Добро господское
Гноить? Я вас, мошенников,
Самих сгною на барщине!
Пересушить сейчас!..»
Засуетился староста:
«Не досмотрел маненичко!
Сыренько: виноват!»
Созвал народ – и вилами
Богатыря кряжистого,
В присутствии помещика,
По клочьям разнесли.
Помещик успокоился.
(Попробовали странники:
Сухохонько сенцо!)
Бежит лакей с салфеткою,
Хромает: «Кушать подано!»
Со всей своею свитою,
С кормилкою и нянькою,

И с белыми собачками,
Пошел помещик завтракать,
Работы осмотрев.
С реки из лодки грянула
Навстречу барам музыка,
Накрытый стол белеется
На самом берегу…
Дивятся наши странники.
Пристали к Власу: «Дедушка!
Что за порядки чудные?
Что за чудной старик?»
«Помещик наш: Утятин-князь!»
«Чего же он куражится?
Теперь порядки новые,
А он дурит по-старому:
Сенцо сухим-сухохонько –
Велел пересушить!»
«А то еще диковинней,
Что и сенцо-то самое
И пожня – не его!»
«А чья же?»
– «Нашей вотчины».
«Чего же он тут суется?
Ин вы у бога нелюди?»
«Нет, мы, по божьей милости,
Теперь крестьяне вольные,
У нас, как у людей,
Порядки тоже новые,
Да тут статья особая…»
«Какая же статья?»
Под стогом сена лег старинушка
И – больше ни словца!
К тому же стогу странники
Присели; тихо молвили:
«Эй! скатерть самобранная,
Попотчуй мужиков!»
И скатерть развернулася,
Откудова ни взялися
Две дюжие руки:
Ведро вина поставили,
Горой наклали хлебушка
И спрятались опять…
Налив стаканчик дедушке,
Опять пристали странники:

«Уважь! скажи нам, Власушка,
Какая тут статья?»
«Да пустяки! Тут нечего
Рассказывать… А сами вы
Что за люди? Откуда вы?
Куда вас бог несет?»
«Мы люди чужестранные,
Давно, по делу важному,
Домишки мы покинули,
У нас забота есть…
Такая ли заботушка,
Что из домов повыжила,
С работой раздружила нас,
Отбила от еды…»
Остановились странники…
«О чем же вы хлопочите?»
«Да помолчим! Поели мы,
Так отдохнуть желательно».
И улеглись. Молчат!
«Вы так-то! а по-нашему,
Коль начал, так досказывай!»
«А сам, небось, молчишь!
Мы не в тебя, старинушка!
Изволь, мы скажем: видишь ли,
Мы ищем, дядя Влас,
Непоротой губернии,
Непотрошенной волости,
Избыткова села!..»
И рассказали странники,
Как встретились нечаянно,
Как подрались, заспоривши,
Как дали свой зарок
И как потом шатались,
Искали по губерниям
Подтянутой, Подстреленной,
Кому живется весело,
Вольготно на Руси?
Влас слушал – и рассказчиков
Глазами мерял: «Вижу я,
Вы тоже люди странные! –
Сказал он наконец. –
Чудим и мы достаточно,
А вы – и нас чудней!»
«Да что ж у вас-то деется?

Еще стаканчик, дедушка!»
Как выпил два стаканчика,
Разговорился Влас:

2

«Помещик наш особенный:
Богатство непомерное,
Чин важный, род вельможеский,
Весь век чудил, дурил,
Да вдруг гроза и грянула…
Не верит: врут, разбойники!
Посредника, исправника
Прогнал! дурит по-старому.
Стал крепко подозрителен,
Не поклонись – дерет!
Сам губернатор к барину
Приехал: долго спорили,
Сердитый голос барина
В застольной дворня слышала;
Озлился так, что к вечеру
Хватил его удар!
Всю половину левую
Отбило: словно мертвая
И, как земля, черна…
Пропал ни за копеечку!
Известно, не корысть,
А спесь его подрезала,
Соринку он терял».
«Что значит, други милые,
Привычка-то помещичья!» –
Заметил Митродор.
«Не только над помещиком,
Привычка над крестьянином
Сильна, – сказал Пахом. –
Я раз по подозрению
В острог попавши, чудного
Там видел мужика.
За конокрадство, кажется,
Судился, звали Сидором,
Так из острога барину
Он посылал оброк!

(Доходы арестантские
Известны: подаяние,
Да что-нибудь сработает,
Да стащит что-нибудь.)
Ему смеялись прочие:
«А ну, на поселение
Сошлют – пропали денежки!»
«Всё лучше», – говорит…»
«Ну, дальше, дальше, дедушка!»
«Соринка – дело плевое,
Да только не в глазу:
Пал дуб на море тихое,
И море всё заплакало –
Лежит старик без памяти
(Не встанет, так и думали!),
Приехали сыны,
Гвардейцы черноусые
(Вы их на пожне видели,
А барыни красивые –
То жены молодцов).
У старшего доверенность
Была: по ней с посредником
Установили грамоту…
Ан вдруг и встал старик!
Чуть заикнулись… Господи!
Как зверь метнулся раненый
И загремел, как гром!
Дела-то всё недавние,
Я был в то время старостой,
Случился тут – так слышал сам,
Как он честил помещиков,
До слова помню всё:
«Корят жидов, что предали
Христа… а вы что сделали?
Права свои дворянские,
Веками освященные,
Вы предали!..» Сынам
Сказал: «Вы трусы подлые!
Не дети вы мои!
Пускай бы люди мелкие,
Что вышли из поповичей
Да, понажившись взятками,
Купили мужиков,
Пускай бы… им простительно!

А вы… князья Утятины?
Какие вы У-тя-ти-ны!
Идите вон!.. подкидыши,
Не дети вы мои!»
Оробели наследники:
А ну как перед смертию
Лишит наследства? Мало ли
Лесов, земель у батюшки?
Что денег понакоплено,
Куда пойдет добро?
Гадай! У князя в Питере
Три дочери побочные
За генералов выданы,
Не отказал бы им!
А князь опять больнехонек…
Чтоб только время выиграть,
Придумать, как тут быть,
Которая-то барыня
(Должно быть, белокурая:
Она ему, сердечному,
Слыхал я, терла щеткою
В то время левый бок)
Возьми и брякни барину,
Что мужиков помещикам
Велели воротить!
Поверил! Проще малого
Ребенка стал старинушка,
Как паралич расшиб!
Заплакал! пред иконами
Со всей семьею молится,
Велит служить молебствие,
Звонить в колокола!
И силы словно прибыло,
Опять: охота, музыка,
Дворовых дует палкою,
Велит созвать крестьян.
С дворовыми наследники
Стакнулись, разумеется,
А есть один (он давеча
С салфеткой прибегал),
Того и уговаривать
Не надо было: барина
Столь много любит он!
Ипатом прозывается.

Как воля нам готовилась,
Так он не верил ей:
«Шалишь! Князья Утятины
Останутся без вотчины?
Нет, руки коротки!»
Явилось «Положение», –
Ипат сказал: «Балуйтесь вы!
А я князей Утятиных
Холоп – и весь тут сказ!»
Не может барских милостей
Забыть Ипат! Потешные
О детстве и о младости,
Да и о самой старости
Рассказы у него
(Придешь, бывало, к барину,
Ждешь, ждешь…Неволей слушаешь,
Сто раз я слышал их):
«Как был я мал, наш князюшка
Меня рукою собственной
В тележку запрягал;
Достиг я резвой младости:
Приехал в отпуск князюшка
И, подгулявши, выкупал
Меня, раба последнего,
Зимою в проруби!
Да как чудно! Две проруби!
В одну опустит в неводе,
В другую мигом вытянет –
И водки поднесет.
Клониться стал я к старости.
Зимой дороги узкие,
Так часто с князем ездили
Мы гусем в пять коней.
Однажды князь – затейник же! –
И посадил фалетуром
Меня, раба последнего,
Со скрипкой – впереди.
Любил он крепко музыку.
«Играй, Ипат!» А кучеру
Кричит: пошел быстрей!
Метель была изрядная,
Играл я: руки заняты,
А лошадь спотыкливая –
Свалился я с нее!

Ну, сани, разумеется,
Через меня проехали,
Попридавили грудь.
Не то беда: а холодно,
Замерзнешь – нет спасения,
Кругом пустыня, снег…
Гляжу на звезды частые
Да каюсь во грехах.
Так что же, друг ты истинный?
Послышал я бубенчики,
Чу, ближе! чу, звончей!
Вернулся князь (закапали
Тут слезы у дворового,
И сколько ни рассказывал,
Всегда тут плакал он!)
Одел меня, согрел меня
И рядом, недостойного,
С своей особой княжеской
В санях привез домой!»
Похохотали странники…
Глотнув вина (в четвертый раз),
Влас продолжал: «Наследники
Ударили и вотчине
Челом: «Нам жаль родителя,
Порядков новых, нонешных
Ему не перенесть.
Поберегите батюшку!
Помалчивайте, кланяйтесь,
Да не перечьте хворому,
Мы вас вознаградим:
За лишний труд, за барщину,
За слово даже бранное –
За всё заплатим вам.
Недолго жить сердечному,
Навряд ли два-три месяца,
Сам дохтур объявил!
Уважьте нас, послушайтесь,
Мы вам луга поемные
По Волге подарим;
Сейчас пошлем посреднику
Бумагу, дело верное!»
Собрался мир, галдит!
Луга-то (эти самые),
Да водка, да с три короба

Посулов то и сделали,
Что мир решил помалчивать
До смерти старика.
Поехали к посреднику:
Смеется! «Дело доброе,
Да и луга хорошие,
Дурачьтесь, бог простит!
Нет на Руси, вы знаете,
Помалчивать да кланяться
Запрета никому!»
Однако я противился:
«Вам, мужикам, сполагоря,
А мне-то каково?
Что ни случится – к барину
Бурмистра! что ни вздумает,
За мной пошлет! Как буду я
На спросы бестолковые
Ответствовать? дурацкие
Приказы исполнять?»
«Ты стой пред ним без шапочки,
Помалчивай да кланяйся,
Уйдешь – и дело кончено.
Старик больной, расслабленный,
Не помнит ничего!»
Оно и правда: можно бы!
Морочить полоумного
Нехитрая статья.
Да быть шутом гороховым,
Признаться, не хотелося.
И так я на веку,
У притолоки стоючи,
Помялся перед барином
Досыта! «Коли мир
(Сказал я, миру кланяясь)
Дозволит покуражиться
Уволенному барину
В останные часы,
Молчу и я – покорствую,
А только что от должности
Увольте вы меня!»
Чуть дело не разладилось.
Да Климка Лавин выручил:
«А вы бурмистром сделайте
Меня! Я удовольствую

И старика, и вас.
Бог приберет Последыша
Скоренько, а у вотчины
Останутся луга.
Так будем мы начальствовать,
Такие мы строжайшие
Порядки заведем,
Что надорвет животики
Вся вотчина… Увидите!»
Долгонько думал мир.
Что ни на есть отчаянный
Был Клим мужик: и пьяница,
И на руку нечист.
Работать не работает,
С цыганами возжается,
Бродяга, коновал!
Смеется над трудящимся:
С работы, как ни мучайся,
Не будешь ты богат,
А будешь ты горбат!
А впрочем, парень грамотный,
Бывал в Москве и Питере,
В Сибирь езжал с купечеством,
Жаль, не остался там!
Умен, а грош не держится,
Хитер, а попадается
Впросак! Бахвал мужик!
Каких-то слов особенных
Наслушался: Атечество,
Москва первопрестольная,
Душа великорусская.
«Я – русский мужичок!»
Горланил диким голосом
И, кокнув в лоб посудою,
Пил залпом полуштоф!
Как рукомойник кланяться
Готов за водку всякому,
А есть казна – поделится,
Со встречным всё пропьет!
Горазд орать, балясничать,
Гнилой товар показывать
С хазового конца.
Нахвастает с три короба,
А уличишь – отшутится

Бесстыжей поговоркою,
Что «за погудку правую
Смычком по роже бьют!»
Подумавши, оставили
Меня бурмистром: правлю я
Делами и теперь.
А перед старым барином
Бурмистром Климку назвали,
Пускай его! По барину
Бурмистр! перед Последышем
Последний человек!
У Клима совесть глиняна,
А бородища Минина,
Посмотришь, так подумаешь,
Что не найти крестьянина
Степенней и трезвей.
Наследники построили
Кафтан ему: одел его –
И сделался Клим Яковлич
Из Климки бесшабашного
Бурмистр первейший сорт.
Пошли порядки старые!
Последышу-то нашему,
Как на беду, приказаны
Прогулки. Что ни день,
Через деревню катится
Рессорная колясочка:
Вставай! картуз долой!
Бог весть с чего накинется,
Бранит, корит; с угрозою
Подступит – ты молчи!
Увидит в поле пахаря
И за его же полосу
Облает: и лентяи-то,
И лежебоки мы!
А полоса сработана,
Как никогда на барина
Не работал мужик,
Да невдомек Последышу,
Что уж давно не барская,
А наша полоса!
Сойдемся – смех! У каждого
Свой сказ про юродивого
Помещика: икается,

Я думаю, ему!
А тут еще Клим Яковлич.
Придет, глядит начальником
(Горда свинья: чесалася
О барское крыльцо!),
Кричит: «Приказ по вотчине!»
Ну, слушаем приказ:
«Докладывал я барину,
Что у вдовы Терентьевны
Избенка развалилася,
Что баба побирается
Христовым подаянием,
Так барин приказал:
На той вдове Терентьевой
Женить Гаврилу Жохова,
Избу поправить заново,
Чтоб жили в ней, плодилися
И правили тягло!»
А той вдове – под семьдесят,
А жениху – шесть лет!
Ну, хохот, разумеется!..
Другой приказ: «Коровушки
Вчера гнались до солнышка
Близ барского двора
И так мычали, глупые,
Что разбудили барина, –
Так пастухам приказано
Впредь унимать коров!»
Опять смеется вотчина.
«А что смеетесь? Всякие
Бывают приказания:
Сидел на губернаторстве
В Якутске генерал.
Так на кол тот коровушек
Сажал! Долгонько слушались:
Весь город разукрасили,
Как Питер монументами,
Казненными коровами,
Пока не догадалися,
Что спятил он с ума!»
Еще приказ: «У сторожа,
У ундера Софронова,
Собака непочтительна:
Залаяла на барина,

Так ундера прогнать,
А сторожем к помещичьей
Усадьбе назначается
Еремка!.. «Покатилися
Опять крестьяне со смеху:
Еремка тот с рождения
Глухонемой дурак!
Доволен Клим. Нашел-таки
По нраву должность! Бегает,
Чудит, во всё мешается,
Пить даже меньше стал!
Бабенка есть тут бойкая,
Орефьевна, кума ему,
Так с ней Климаха барина
Дурачит заодно!
Лафа бабенкам! бегают
На барский двор с полотнами,
С грибами, с земляникою:
Всё покупают барыни,
И кормят, и поят!
Шутили мы, дурачились,
Да вдруг и дошутилися
До сущей до беды:
Был грубый, непокладистый
У нас мужик Агап Петров,
Он много нас корил:
«Ай, мужики! Царь сжалился,
Так вы в хомут с охотою…
Бог с ними, с сенокосами!
Знать не хочу господ!..»
Тем только успокоили,
Что штоф вина поставили
(Винцо-то он любил).
Да черт его со временем
Нанес-таки на барина:
Везет Агап бревно
(Вишь, мало ночи глупому,
Так воровать отправился
Лес – среди бела дня!),
Навстречу та колясочка
И барин в ней: «Откудова
Бревно такое славное
Везешь ты, мужичок?..»
А сам смекнул откудова.

Агап молчит: бревешко-то
Из лесу, из господского,
Так что тут говорить!
Да больно уж окрысился
Старик: пилил, пилил его,
Права свои дворянские
Высчитывал ему!
Крестьянское терпение
Выносливо, а временем
Есть и ему конец.
Агап раненько выехал,
Без завтрака: крестьянина
Тошнило уж и так,
А тут еще речь барская,
Как муха неотвязная,
Жужжит под ухо самое…
Захохотал Агап!
«Ах шут ты, шут гороховый!
Никшни!» – да и пошел!
Досталось тут Последышу
За дедов и за прадедов,
Не только за себя.
Известно, гневу нашему
Дай волю! Брань господская
Что жало комариное,
Мужицкая – обух!
Опешил барин! Легче бы
Стоять ему под пулями,
Под каменным дождем!
Опешили и сродники,
Бабенки было бросились
К Агапу с уговорами,
Так он вскричал: «Убью!..
Что брага, раскуражились
Подонки из поганого
Корыта… Цыц! Никшни!
Крестьянских душ владение
Покончено. Последыш ты!
Последыш ты! По милости
Мужицкой нашей глупости
Сегодня ты начальствуешь,
А завтра мы Последышу
Пинка – и кончен бал!
Иди домой, похаживай,

Поджавши хвост, по горницам,
А нас оставь! Никшни!..»
«Ты – бунтовщик!» – с хрипотою
Сказал старик; затрясся весь
И полумертвый пал!
«Теперь конец!» – подумали
Гвардейцы черноусые
И барыни красивые;
Ан вышло – не конец!
Приказ: пред всею вотчиной,
В присутствии помещика,
За дерзость беспримерную
Агапа наказать.
Забегали наследники
И жены их – к Агапушке,
И к Климу, и ко мне!
«Спасите нас, голубчики!
Спасите!» Ходят бледные:
«Коли обман откроется,
Пропали мы совсем!»
Пошел бурмистр орудовать!
С Агапом пил до вечера,
Обнявшись, до полуночи
Деревней с ним гулял,
Потом опять с полуночи
Поил его – и пьяного
Привел на барский двор.
Всё обошлось любехонько:
Не мог с крылечка сдвинуться
Последыш – так расстроился…
Ну, Климке и лафа!
В конюшню плут преступника
Привел, перед крестьянином
Поставил штоф вина:
«Пей да кричи: помилуйте!
Ой, батюшки! ой, матушки!»
Послушался Агап,
Чу, вопит! Словно музыку,
Последыш стоны слушает;
Чуть мы не рассмеялися,
Как стал он приговаривать:
«Ка-тай его, раз-бой-ника,
Бун-тов-щи-ка… Ка-тай!»
Ни дать ни взять под розгами

Кричал Агап, дурачился,
Пока не допил штоф:
Как из конюшни вынесли
Его мертвецки пьяного
Четыре мужика,
Так барин даже сжалился:
«Сам виноват, Агапушка!» –
Он ласково сказал…»
«Вишь, тоже добрый! сжалился», –
Заметил Пров, а Влас ему:
«Не зол… да есть пословица:
Хвали траву в стогу,
А барина – в гробу!
Всё лучше, кабы бог его
Прибрал… Уж нет Агапушки…»
«Как! умер?»
– «Да, почтенные:
Почти что в тот же день!
Он к вечеру разохался,
К полуночи попа просил,
К белу свету преставился.
Зарыли и поставили
Животворящий крест…
С чего? Один бог ведает!
Конечно, мы не тронули
Его не только розгами –
И пальцем. Ну а всё ж
Нет-нет – да и подумаешь:
Не будь такой оказии,
Не умер бы Агап!
Мужик сырой, особенный,
Головка непоклончива,
А тут: иди, ложись!
Положим, ладно кончилось,
А всё Агап надумался:
Упрешься – мир осердится,
А мир дурак – доймет!
Всё разом так подстроилось:
Чуть молодые барыни
Не целовали старого,
Полсотни, чай, подсунули,
А пуще: Клим бессовестный,
Сгубил его, анафема,
Винищем!..

Вон от барина
Посол идет: откушали!
Зовет, должно быть, старосту,
Пойду взгляну камедь!»

3

Пошли за Власом странники;
Бабенок тоже несколько
И парней с ними тронулось;
Был полдень, время отдыха,
Так набралось порядочно
Народу – поглазеть.
Все стали в ряд почтительно
Поодаль от господ…
За длинным белым столиком,
Уставленным бутылками
И кушаньями разными,
Сидели господа:
На первом месте – старый князь,
Седой, одетый в белое,
Лицо перекошенное
И – разные глаза.
В петлице крестик беленький
(Влас говорит: Георгия
Победоносца крест).
За стулом в белом галстуке
Ипат, дворовый преданный,
Обмахивает мух.
По сторонам помещика
Две молодые барыни:
Одна черноволосая,
Как свекла губы красные,
По яблоку – глаза!
Другая белокурая,
С распущенной косой,
Ах, косонька! как золото
На солнышке горит!
На трех высоких стульчиках
Три мальчика нарядные,
Салфеточки подвязаны
Под горло у детей.

При них старуха нянюшка,
А дальше – челядь разная:
Учительницы, бедные
Дворянки. Против барина –
Гвардейцы черноусые,
Последыша сыны.
За каждым стулом девочка,
А то и баба с веткою –
Обмахивает мух.
А под столом мохнатые
Собачки белошерстые.
Барчонки дразнят их…
Без шапки перед барином
Стоял бурмистр:
«А скоро ли, –
Спросил помещик, кушая, –
Окончим сенокос?»
«Да как теперь прикажете:
У нас по положению
Три дня в неделю барские,
С тягла: работник с лошадью,
Подросток или женщина,
Да полстарухи в день.
Господский срок кончается…»
«Тсс! тсс! – сказал Утятин-князь,
Как человек, заметивший,
Что на тончайшей хитрости
Другого изловил. –
Какой такой господский срок?
Откудова ты взял его?»
И на бурмистра верного
Навел пытливо глаз.
Бурмистр потупил голову.
«Как приказать изволите!
Два-три денька хорошие,
И сено вашей милости
Всё уберем, бог даст!
Не правда ли, ребятушки?..»
(Бурмистр воротит к барщине
Широкое лицо.)
За барщину ответила
Проворная Орефьевна,
Бурмистрова кума:
«Вестимо так, Клим Яковлич,

Покуда вёдро держится,
Убрать бы сено барское,
А наше – подождет!»
«Бабенка, а умней тебя!»
Помещик вдруг осклабился
И начал хохотать.
«Ха-ха! дурак!.. Ха-ха-ха-ха!
Дурак! дурак! дурак!
Придумали: господский срок!
Ха-ха… дурак! ха-ха-ха-ха!
Господский срок – вся жизнь раба!
Забыли, что ли, вы:
Я божиею милостью,
И древней царской грамотой,
И родом и заслугами
Над вами господин!..»
Влас наземь опускается.
«Что так?» – спросили странники.
«Да отдохну пока!
Теперь не скоро князюшка
Сойдет с коня любимого!
С тех пор, как слух прошел,
Что воля нам готовится,
У князя речь одна:
Что мужику у барина
До светопреставления
Зажату быть в горсти!..»
И точно: час без малого
Последыш говорил!
Язык его не слушался:
Старик слюною брызгался,
Шипел! И так расстроился,
Что правый глаз задергало,
А левый вдруг расширился
И – круглый, как у филина –
Вертелся колесом,
Права свои дворянские,
Веками освященные,
Заслуги, имя древнее
Помещик поминал,
Царевым гневом, божиим
Грозил крестьянам, ежели
Взбунтуются они,
И накрепко приказывал,

Чтоб пустяков не думала,
Не баловалась вотчина,
А слушалась господ!
«Отцы! – сказал Клим Яковлич,
С каким-то визгом в голосе,
Как будто вся утроба в нем,
При мысли о помещиках,
Заликовала вдруг. –
Кого же нам и слушаться?
Кого любить? надеяться
Крестьянству на кого?
Бедами упиваемся,
Куда нам бунтовать?
Всё ваше, всё господское –
Домишки наши ветхие,
И животишки хворые,
И сами – ваши мы!
Зерно, что в землю брошено,
И овощь огородная,
И волос на нечесаной
Мужицкой голове –
Всё ваше, всё господское!
В могилках наши прадеды,
На печках деды старые
И в зыбках дети малые –
Всё ваше, всё господское!
А мы, как рыбы в неводе,
Хозяева в дому!»
Бурмистра речь покорная
Понравилась помещику:
Здоровый глаз на старосту
Глядел с благоволением,
А левый успокоился:
Как месяц в небе стал!
Налив рукою собственной
Стакан вина заморского,
«Пей!» – барин говорит.
Вино на солнце искрится,
Густое, маслянистое.
Клим выпил, не поморщился
И вновь сказал: «Отцы!
Живем за вашей милостью,
Как у Христа за пазухой:
Попробуй-ка без барина

Крестьянин так пожить!
(И снова, плут естественный,
Глонул вина заморского.)
Куда нам без господ?
Бояре – кипарисовы,
Стоят, не гнут головушки!
Над ними – царь один!
А мужики вязовые –
И гнутся-то, и тянутся,
Скрипят! Где мат крестьянину,
Там барину сполагоря:
Под мужиком лед ломится,
Под барином трещит!
Отцы! руководители!
Не будь у нас помещиков,
Не наготовим хлебушка,
Не запасем травы!
Хранители! радетели!
И мир давно бы рушился
Без разума господского,
Без нашей простоты!
Вам на роду написано
Блюсти крестьянство глупое,
А нам работать, слушаться,
Молиться за господ!»
Дворовый, что у барина
Стоял за стулом с веткою,
Вдруг всхлипнул! Слезы катятся
По старому лицу.
«Помолимся же господу
За долголетье барина!» –
Сказал холуй чувствительный
И стал креститься дряхлою,
Дрожащею рукой.
Гвардейцы черноусые
Кисленько как-то глянули
На верного слугу;
Однако – делать нечего! –
Фуражки сняли, крестятся.
Перекрестились барыни,
Перекрестилась нянюшка,
Перекрестился Клим…
Да и мигнул Орефьевне:
И бабы, что протискались

Поближе к господам,
Креститься тоже начали,
Одна так даже всхлипнула
Вподобие дворового.
(«Урчи! вдова Терентьевна!
Старуха полоумная!» –
Сказал сердито Влас.)
Из тучи солнце красное
Вдруг выглянуло; музыка
Протяжная и тихая
Послышалась с реки…
Помещик так растрогался,
Что правый глаз заплаканный
Ему платочком вытерла
Сноха с косой распущенной
И чмокнула старинушку
В здоровый этот глаз.
«Вот! – молвил он торжественно
Сынам своим наследникам
И молодым снохам. –
Желал бы я, чтоб видели
Шуты, врали столичные,
Что обзывают дикими
Крепостниками нас,
Чтоб видели, чтоб слышали…»
Тут случай неожиданный
Нарушил речь господскую:
Один мужик не выдержал –
Как захохочет вдруг!
Задергало Последыша.
Вскочил, лицом уставился
Вперед! Как рысь, высматривал
Добычу. Левый глаз
Заколесил…» Сы-скать его!
Сы-скать бун-тов-щи-ка!»
Бурмистр в толпу отправился;
Не ищет виноватого,
А думает: как быть?
Пришел в ряды последние,
Где были наши странники,
И ласково сказал:
«Вы люди чужестранные,
Что с вами он поделает?
Подите кто-нибудь!»

Замялись наши странники,
Желательно бы выручить
Несчастных вахлаков,
Да барин глуп: судись потом,
Как влепит сотню добрую
При всем честном миру!
«Иди-ка ты, Романушка! –
Сказали братья Губины. –
Иди! ты любишь бар!»
«Нет, сами вы попробуйте!»
И стали наши странники
Друг дружку посылать.
Клим плюнул. «Ну-ка, Власушка,
Придумай, что тут сделаем?
А я устал; мне мочи нет!»
«Ну, да и врал же ты!»
«Эх, Влас Ильич! где враки-то? –
Сказал бурмистр с досадою. –
Не в их руках мы, что ль?..
Придет пора последняя:
Заедем все в ухаб,
Не выедем никак,
В кромешный ад провалимся,
Так ждет и там крестьянина
Работа на господ!»
«Что ж там-то будет, Климушка?»
«А будет что назначено:
Они в котле кипеть,
А мы дрова подкладывать!»
(Смеются мужики.)
Пришли сыны Последыша:
«Эх! Клим-чудак! до смеху ли?
Старик прислал нас; сердится,
Что долго нет виновного…
Да кто у вас сплошал?»
«А кто сплошал, и надо бы
Того тащить к помещику,
Да всё испортит он!
Мужик богатый… Питерщик…
Вишь, принесла нелегкая
Домой его на грех!
Порядки наши чудные
Ему пока в диковину,
Так смех и разобрал!

А мы теперь расхлебывай!»
«Ну… вы его не трогайте,
А лучше киньте жеребий.
Заплатим мы: вот пять рублей…»
«Нет! разбегутся все…»
«Ну, так скажите барину,
Что виноватый спрятался».
«А завтра как? Забыли вы
Агапа неповинного?»
«Что ж делать?.. Вот беда!»
«Давай сюда бумажку ту!
Постойте! я вас выручу!» –
Вдруг объявила бойкая
Бурмистрова кума
И побежала к барину,
Бух в ноги: «Красно солнышко!
Прости, не погуби!
Сыночек мой единственный,
Сыночек надурил!
Господь его без разуму
Пустил на свет! Глупешенек:
Идет из бани – чешется!
Лаптишком, вместо ковшика,
Напиться норовит!
Работать не работает,
Знай скалит зубы белые,
Смешлив… так бог родил!
В дому-то мало радости:
Избенка развалилася,
Случается, есть нечего –
Смеется дурачок!
Подаст ли кто копеечку,
Ударит ли по темени –
Смеется дурачок!
Смешлив… что с ним поделаешь?
Из дурака, родименький,
И горе смехом прет!»
Такая баба ловкая!
Орет, как на девишнике,
Целует ноги барину.
«Ну, бог с тобой! Иди! –
Сказал Последыш ласково.
Я не сержусь на глупого,
Я сам над ним смеюсь!»

– «Какой ты добрый!» – молвила
Сноха черноволосая
И старика погладила
По белой голове.
Гвардейцы черноусые
Словечко тоже вставили:
Где ж дурню деревенскому
Понять слова господские,
Особенно Последыша
Столь умные слова?
А Клим полой суконною
Отер глаза бесстыжие
И пробурчал: «Отцы!
Отцы! сыны атечества!
Умеют наказать,
Умеют и помиловать!»
Повеселел старик!
Спросил вина шипучего.
Высоко пробки прянули,
Попадали на баб.
С испугу бабы визгнули,
Шарахнулись. Старинушка
Захохотал! За ним
Захохотали барыни,
За ними – их мужья,
Потом дворецкий преданный,
Потом кормилки, нянюшки,
А там – и весь народ!
Пошло веселье! Барыни,
По приказанью барина,
Крестьянам поднесли,
Подросткам дали пряников,
Девицам сладкой водочки,
А бабы тоже выпили
По рюмке простяку…
Последыш пил да чокался,
Красивых снох пощипывал.
(«Вот так-то! чем бы старому
Лекарство пить, – заметил Влас, –
Он пьет вино стаканами.
Давно уж меру всякую
Как в гневе, так и в радости
Последыш потерял».)
Гремит на Волге музыка,

Поют и пляшут девицы –
Ну, словом, пир горой!
К девицам присоседиться
Хотел старик, встал на ноги
И чуть не полетел!
Сын поддержал родителя.
Старик стоял: притопывал,
Присвистывал, прищелкивал,
А глаз свое выделывал –
Вертелся колесом!
«А вы что ж не танцуете? –
Сказал Последыш барыням
И молодым сынам. –
Танцуйте!» Делать нечего!
Прошлись они под музыку.
Старик их осмеял!
Качаясь, как на палубе
В погоду непокойную,
Представил он, как тешились
В его-то времена!
«Спой, Люба!» Не хотелося
Петь белокурой барыне,
Да старый так пристал!
Чудесно спела барыня!
Ласкала слух та песенка,
Негромкая и нежная,
Как ветер летним вечером,
Легонько пробегающий
По бархатной муравушке,
Как шум дождя весеннего
По листьям молодым!
Под песню ту прекрасную
Уснул Последыш. Бережно
Снесли его в ладью
И уложили сонного.
Над ним с зеленым зонтиком
Стоял дворовый преданный,
Другой рукой отмахивал
Слепней и комаров.
Сидели молча бравые
Гребцы; играла музыка
Чуть слышно… лодка тронулась
И мерно поплыла…
У белокурой барыни

Коса, как флаг распущенный,
Играла на ветру…
«Уважил я Последыша! –
Сказал бурмистр. – Господь с тобой!
Куражься, колоброд!
Не знай про волю новую,
Умри, как жил, помещиком,
Под песни наши рабские,
Под музыку холопскую –
Да только поскорей!
Дай отдохнуть крестьянину!
Ну, братцы! поклонитесь мне,
Скажи спасибо, Влас Ильич:
Я миру порадел!
Стоять перед Последышем
Напасть… язык примелется,
А пуще смех долит.
Глаз этот… как завертится,
Беда! Глядишь да думаешь:
«Куда ты, друг единственный?
По надобности собственной
Аль по чужим делам?
Должно быть, раздобылся ты
Курьерской подорожною!..»
Чуть раз не прыснул я.
Мужик я пьяный, ветреный,
В амбаре крысы с голоду
Подохли, дом пустехонек,
А не взял бы, свидетель бог,
Я за такую каторгу
И тысячи рублей,
Когда б не знал доподлинно,
Что я перед последышем
Стою… что он куражится
По воле по моей…»
Влас отвечал задумчиво:
«Бахвалься! А давно ли мы,
Не мы одни – вся вотчина…
(Да… всё крестьянство русское!)
Не в шутку, не за денежки,
Не три-четыре месяца,
А целый век… да что уж тут!
Куда уж нам бахвалиться,
Недаром вахлаки!»

Однако Клима Лавина
Крестьяне полупьяные
Уважили: «Качать его!»
И ну качать…» ура!»
Потом вдову Терентьевну
С Гаврилкой, малолеточком,
Клим посадил рядком
И жениха с невестою
Поздравил! Подурачились
Досыта мужики.
Приели всё, всё припили,
Что господа оставили,
И только поздним вечером
В деревню прибрели.
Домашние их встретили
Известьем неожиданным:
Скончался старый князь!
«Как так?» – «Из лодки вынесли
Его уж бездыханного –
Хватил второй удар!»
Крестьяне пораженные
Переглянулись, крестятся…
Вздохнули… Никогда
Такого вздоха дружного,
Глубокого-глубокого
Не испускала бедная
Безграмотной губернии
Деревня Вахлаки…
Но радость их вахлацкая
Была непродолжительна.
Со смертию Последыша
Пропала ласка барская:
Опохмелиться не дали
Гвардейцы вахлакам!
А за луга поемные
Наследники с крестьянами
Тягаются доднесь.
Влас за крестьян ходатаем,
Живет в Москве… был в Питере…
А толку что-то нет!

Крестьянка (из третьей части)

Пролог

«Не всё между мужчинами
Отыскивать счастливого,
Пощупаем-ка баб!» –
Решили наши странники
И стали баб опрашивать.
В селе Наготине
Сказали, как отрезали:
«У нас такой не водится,
А есть в селе Клину:
Корова холмогорская,
Не баба! доброумнее
И глаже – бабы нет.
Спросите вы Корчагину
Матрену Тимофеевну,
Она же: губернаторша…»
Подумали – пошли.
Уж налились колосики.
Стоят столбы точеные,
Головки золоченые,
Задумчиво и ласково
Шумят. Пора чудесная!
Нет веселей, наряднее,
Богаче нет поры!
«Ой, поле многохлебное!
Теперь и не подумаешь,
Как много люди божии
Побились над тобой,
Покамест ты оделося
Тяжелым, ровным колосом
И стало перед пахарем,
Как войско пред царем!
Не столько росы теплые,
Как пот с лица крестьянского
Увлажили тебя!..»
Довольны наши странники,
То рожью, то пшеницею,
То ячменем идут.
Пшеница их не радует:

Ты тем перед крестьянином,
Пшеница, провинилася,
Что кормишь ты по выбору,
Зато не налюбуются
На рожь, что кормит всех.
«Льны тоже нонче знатные…
Ай! бедненький! застрял!»
Тут жаворонка малого,
Застрявшего во льну,
Роман распутал бережно,
Поцеловал: «Лети!»
И птичка ввысь помчалася,
За нею умиленные
Следили мужики…
Поспел горох! Накинулись,
Как саранча на полосу:
Горох, что девку красную,
Кто ни пройдет – щипнет!
Теперь горох у всякого –
У старого, у малого,
Рассыпался горох
На семьдесят дорог!
Вся овощь огородная
Поспела; дети носятся
Кто с репой, кто с морковкою,
Подсолнечник лущат,
А бабы свеклу дергают,
Такая свекла добрая!
Точь-в-точь сапожки красные,
Лежит на полосе.
Шли долго ли, коротко ли,
Шли близко ли, далеко ли,
Вот наконец и Клин.
Селенье незавидное:
Что ни изба – с подпоркою,
Как нищий с костылем;
А с крыш солома скормлена
Скоту. Стоят, как остовы,
Убогие дома.
Ненастной, поздней осенью
Так смотрят гнезда галочьи,
Когда галчата вылетят
И ветер придорожные
Березы обнажит…

Народ в полях – работает.
Заметив за селением
Усадьбу на пригорочке,
Пошли пока – глядеть.
Огромный дом, широкий двор,
Пруд, ивами обсаженный,
Посереди двора.
Над домом башня высится,
Балконом окруженная,
Над башней шпиль торчит.
В воротах с ними встретился
Лакей, какой-то буркою
Прикрытый: «Вам кого?
Помещик за границею,
А управитель при смерти!..» –
И спину показал.
Крестьяне наши прыснули:
По всей спине дворового
Был нарисован лев.
«Ну, штука!» Долго спорили,
Что за наряд диковинный,
Пока Пахом догадливый,
Загадки не решил:
«Холуй хитер: стащит ковер,
В ковре дыру проделает,
В дыру просунет голову
Да и гуляет так!..»
Как прусаки слоняются
По нетопленой горнице,
Когда их вымораживать
Надумает мужик,
В усадьбе той слонялися
Голодные дворовые,
Покинутые барином
На произвол судьбы.
Все старые, все хворые
И как в цыганском таборе
Одеты. По пруду
Тащили бредень пятеро.
«Бог на помочь! Как ловится?..»
«Всего один карась!
А было их до пропасти,
Да крепко навалились мы,
Теперь – свищи в кулак!»

«Хоть бы пяточек вынули!» –
Проговорила бледная
Беременная женщина,
Усердно раздувавшая
Костер на берегу.
«Точеные-то столбики
С балкону, что-ли, умница?» –
Спросили мужики.
«С балкону!»
«То-то высохли!
А ты не дуй! сгорят они
Скорее, чем карасиков
Изловят на уху!»
«Жду – не дождусь. Измаялся
На черством хлебе Митенька,
Эх, горе – не житье!»
И тут она погладила
Полунагого мальчика
(Сидел в тазу заржавленном
Курносый мальчуган).
«А что? ему, чай, холодно, –
Сказал сурово Провушка, –
В железном-то тазу?» –
И в руки взять ребеночка
Хотел. Дитя заплакало,
А мать кричит: «Не тронь его!
Не видишь? Он катается!
Ну, ну! пошел! Колясочка
Ведь это у него!..»
Что шаг, то натыкалися
Крестьяне на диковину:
Особая и странная
Работа всюду шла.
Один дворовый мучился
У двери: ручки медные
Отвинчивал; другой
Нес изразцы какие-то.
«Наковырял, Егорушка?» –
Окликнули с пруда.
В саду ребята яблоню
Качали. «Мало, дяденька!
Теперь они остались
Уж только наверху,
А было их до пропасти!»

«Да что в них проку? зелены!»
«Мы рады и таким!»
Бродили долго по саду:
«Затей-то! горы, пропасти!
И пруд опять… Чай, лебеди
Гуляли по пруду?..
Беседка… стойте! с надписью!..»
Демьян, крестьянин грамотный,
Читает по складам.
«Эй, врешь!» Хохочут странники…
Опять – и то же самое
Читает им Демьян.
(Насилу догадалися,
Что надпись переправлена:
Затерты две-три литеры,
Из слова благородного
Такая вышла дрянь!)
Заметив любознательность
Крестьян, дворовый седенький
К ним с книгой подошел:
«Купите!» Как ни тужился,
Мудреного заглавия
Не одолел Демьян:
«Садись-ка ты помещиком
Под лирой на скамеечку
Да сам ее читай!»
«А тоже грамотеями
Считаетесь!.. – с досадою
Дворовый прошипел. –
На что вам книги умные?
Вам вывески питейные
Да слово «воспрещается»,
Что на столбах встречается,
Достаточно читать!»
«Дорожки так загажены,
Что срам! У девок каменных
Отшибены носы!
Пропали фрукты-ягоды,
Пропали гуси-лебеди
У холуя в зобу!
Что церкви без священника,
Угодам без крестьянина,
То саду без помещика! –
Решили мужики. –

Помещик прочно строился,
Такую даль загадывал,
А вот…» (Смеются шестеро,
Седьмой повесил нос.)
Вдруг с вышины откуда-то
Как грянет песня! Головы
Задрали мужики:
Вкруг башни по балкончику
Похаживал в подряснике
Какой-то человек
И пел… В вечернем воздухе,
Как колокол серебряный,
Гудел громовый бас…
Гудел – и прямо за сердце
Хватал он наших странников:
Не русские слова,
А горе в них такое же,
Как в русской песне, слышалось,
Без берегу, без дна.
Такие звуки плавные,
Рыдающие… «Умница,
Какой мужчина там?» –
Спросил Роман у женщины,
Уже кормившей Митеньку
Горяченькой ухой.
«Певец Ново-Архангельский,
Его из Малороссии
Сманили господа.
Свезти его в Италию
Сулились, да уехали…
А он бы рад-радехонек –
Какая уж Италия! –
Обратно в Конотоп.
Ему здесь делать нечего…
Собаки дом покинули
(Озлилась круто женщина),
Кому здесь дело есть?
Да у него ни спереди,
Ни сзади… кроме голосу…»
«Зато уж голосок!»
«Не то еще услышите,
Как до утра пробудете:
Отсюда версты три
Есть дьякон… тоже с голосом…

Так вот она затеяли
По-своему здороваться
На утренней заре.
На башню как подымется
Да рявкнет наш: «Здо-ро-во ли
Жи-вешь, о-тец И-пат?»
Так стекла затрещат!
А тот ему оттуда-то:
«Здо-ро-во, наш со-ло-ву-шко!
Жду вод-ку пить!» – «И-ду!..»
«Иду» – то это в воздухе
Час целый откликается…
Такие жеребцы!..»
Домой скотина гонится,
Дорога запылилася,
Запахло молоком.
Вздохнула мать Митюхина:
«Хоть бы одна коровушка
На барский двор вошла!»
– «Чу! песня за деревнею,
Прощай, горюшка бедная!
Идем встречать народ».
Легко вздохнули странники:
Им после дворни ноющей
Красива показалася
Здоровая, поющая
Толпа жнецов и жниц, –
Всё дело девки красили
(Толпа без красных девушек
Что рожь без васильков).
«Путь добрый! А которая
Матрена Тимофеевна?»
«Что нужно, молодцы?»
Матрена Тимофеевна
Осанистая женщина,
Широкая и плотная,
Лет тридцати осьми.
Красива; волос с проседью,
Глаза большие, строгие,
Ресницы богатейшие,
Сурова и смугла.
На ней рубаха белая,
Да сарафан коротенький,
Да серп через плечо.

«Что нужно вам, молодчики?»
Помалчивали странники,
Покамест бабы прочие
Не поушли вперед,
Потом поклон отвесили:
«Мы люди чужестранные,
У нас забота есть,
Такая ли заботушка,
Что из домов повыжила,
С работой раздружила нас,
Отбила от еды.
Мы мужики степенные,
Из временнообязанных,
Подтянутой губернии,
Уезда Терпигорева,
Пустопорожней волости,
Из смежных деревень:
Заплатова, Дырявина,
Разутова, Знобишина,
Горелова, Неелова –
Неурожайка тож.
Идя путем-дорогою,
Сошлись мы невзначай,
Сошлись мы – и заспорили:
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?
Роман сказал: помещику,
Демьян сказал: чиновнику,
Лука сказал: попу,
Купчине толстопузому, –
Сказали братья Губины,
Иван и Митродор.
Пахом сказал: светлейшему,
Вельможному боярину,
Министру государеву,
А Пров сказал: царю…
Мужик что бык: втемяшится
В башку какая блажь –
Колом ее оттудова
Не выбьешь! Как ни спорили,
Не согласились мы!
Поспоривши, повздорили,
Повздоривши, подралися,
Подравшися, удумали

Не расходиться врозь,
В домишки не ворочаться,
Не видеться ни с женами,
Ни с малыми ребятами,
Ни с стариками старыми,
Покуда спору нашему
Решенья не найдем,
Покуда не доведаем
Как ни на есть доподлинно:
Кому жить любо-весело,
Вольготно на Руси?..
Попа уж мы доведали,
Доведали помещика,
Да прямо мы к тебе!
Чем нам искать чиновника,
Купца, министра царского,
Царя (еще допустит ли
Нас, мужичонков, царь?) –
Освободи нас, выручи!
Молва идет всесветная,
Что ты вольготно, счастливо
Живешь… Скажи по-божески:
В чем счастие твое?»
Не то чтоб удивилася
Матрена Тимофеевна,
А как-то закручинилась,
Задумалась она…
«Не дело вы затеяли!
Теперь пора рабочая,
Досуг ли толковать?..»
«Полцарства мы промеряли,
Никто нам не отказывал!» –
Просили мужики.
«У нас уж колос сыпется,
Рук не хватает, милые».
«А мы на что, кума?
Давай серпы! Все семеро
Как станем завтра – к вечеру
Всю рожь твою сожнем!»
Смекнула Тимофеевна,
Что дело подходящее.
«Согласна, – говорит, –
Такие-то вы бравые,
Нажнете, не заметите,

Снопов по десяти!»
«А ты нам душу выложи!»
«Не скрою ничего!»
Покуда Тимофеевна
С хозяйством управлялася,
Крестьяне место знатное
Избрали за избой:
Тут рига, конопляники,
Два стога здоровенные,
Богатый огород.
И дуб тут рос – дубов краса.
Под ним присели странники:
«Эй, скатерть самобранная,
Попотчуй мужиков».
И скатерть развернулася,
Откудова ни взялися
Две дюжие руки,
Ведро вина поставили,
Горой наклали хлебушка
И спрятались опять…
Гогочут братья Губины:
Такую редьку схапали
На огороде – страсть!
Уж звезды рассажалися
По небу темно-синему,
Высоко месяц стал,
Когда пришла хозяюшка
И стала нашим странникам
«Всю душу открывать…»

ГЛАВА 1. ДО ЗАМУЖЕСТВА

«Мне счастье в девках выпало:
У нас была хорошая,
Непьющая семья.
За батюшкой, за матушкой,
Как у Христа за пазухой,
Жила я, молодцы.
Отец, поднявшись до свету,
Будил дочурку ласкою,
А брат веселой песенкой;
Покамест одевается,

Поет: «Вставай, сестра!
По избам обряжаются,
В часовенках спасаются –
Пора, вставать пора!
Пастух уж со скотиною
Угнался; за малиною
Ушли подружки в бор,
В полях трудятся пахари,
В лесу стучит топор!»
Управится с горшечками,
Всё вымоет, всё выскребет,
Посадит хлебы в печь –
Идет родная матушка,
Не будит – пуще кутает:
«Спи, милая касатушка,
Спи, силу запасай!
В чужой семье – недолог сон!
Уложат спать позднехонько!
Будить придут до солнышка,
Лукошко припасут,
На донце бросят корочку:
Сгложи ее – да полное
Лукошко набери!..»
Да не в лесу родилася,
Не пеньям я молилася,
Не много я спала.
В день Симеона батюшка
Сажал меня на бурушку
И вывел из младенчества
По пятому годку,
А на седьмом за бурушкой
Сама я в стадо бегала,
Отцу носила завтракать,
Утяточек пасла.
Потом грибы да ягоды,
Потом: «Бери-ка грабельки
Да сено вороши!»
Так к делу приобвыкла я…
И добрая работница,
И петь-плясать охотница
Я смолоду была.
День в поле проработаешь,
Грязна домой воротишься,
А банька-то на что?

Спасибо жаркой баенке,
Березовому венчику,
Студеному ключу, –
Опять бела, свежехонька,
За прялицей с подружками
До полночи поешь!
На парней я не вешалась,
Наянов обрывала я,
А тихому шепну:
«Я личиком разгарчива,
А матушка догадлива,
Не тронь! уйди!..» – уйдет…
Да как я их ни бегала,
А выискался суженый,
На горе – чужанин!
Филипп Корчагин – питерщик,
По мастерству печник.
Родительница плакала:
«Как рыбка в море синее
Юркнешь ты! как соловушко
Из гнездышка порхнешь!
Чужая-то сторонушка
Не сахаром посыпана,
Не медом полита!
Там холодно, там голодно,
Там холеную доченьку
Обвеют ветры буйные,
Обграют черны вороны,
Облают псы косматые
И люди засмеют!..»
А батюшка со сватами
Подвыпил. Закручинилась,
Всю ночь я не спала…
Ах! что ты, парень, в девице
Нашел во мне хорошего?
Где высмотрел меня?
О святках ли, как с горок я
С ребятами, с подругами
Каталась, смеючись?
Ошибся ты, отецкий сын!
С игры, с катанья, с беганья,
С морозу разгорелося
У девушки лицо!
На тихой ли беседушке?

Я там была нарядная,
Дородства и пригожества
Понакопила за зиму,
Цвела, как маков цвет!
А ты бы поглядел меня,
Как лен треплю, как снопики
На риге молочу…
В дому ли во родительском?..
Ах! кабы знать! Послала бы
Я в город братца-сокола:
«Мил братец! шелку, гарусу
Купи – семи цветов,
Да гарнитуру синего!»
Я по углам бы вышила
Москву, царя с царицею,
Да Киев, да Царьград,
А посередке – солнышко,
И эту занавесочку
В окошке бы повесила,
Авось ты загляделся бы,
Меня бы промигал!..
Всю ночку я продумала…
«Оставь, – я парню молвила, –
Я в подневолье с волюшки,
Бог видит, не пойду!»
«Такую даль мы ехали!
Иди! – сказал Филиппушка. –
Не стану обижать!»
Тужила, горько плакала,
А дело девка делала:
На суженого искоса
Поглядывала втай.
Пригож-румян, широк-могуч,
Рус волосом, тих говором –
Пал на сердце Филипп!
«Ты стань-ка, добрый молодец,
Против меня прямехенько,
Стань на одной доске!
Гляди мне в очи ясные,
Гляди в лицо румяное,
Подумывай, смекай:
Чтоб жить со мной – не каяться,
А мне с тобой не плакаться…
Я вся тут такова!»

«Небось не буду каяться,
Небось не буду плакаться!» –
Филиппушка сказал.
Пока мы торговалися,
Филиппу я: «Уйди ты прочь!»,
А он: «Иди со мной!»
Известно: «Ненаглядная,
Хорошая… пригожая…»
– Ай!..» – вдруг рванулась я…
«Чего ты? Эка силища!»
Не удержи – не видеть бы
Вовек ему Матренушки,
Да удержал Филипп!
Пока мы торговалися,
Должно быть, так я думаю,
Тогда и было счастьице…
А больше вряд когда!
Я помню, ночка звездная,
Такая же хорошая,
Как и теперь, была…
Вздохнула Тимофеевна,
Ко стогу приклонилася,
Унывным, тихим голосом
Пропела про себя:
Ты скажи за что,
Молодой купец,
Полюбил меня,
Дочь крестьянскую?
Я не в серебре,
Я не в золоте,
Жемчугами я
Не увешана!
Чисто серебро –
Чистота твоя,
Красно золото –
Красота твоя,
Бел-крупен жемчуг –
Из очей твоих
Слезы катятся…
Велел родимый батюшка,
Благословила матушка,
Поставили родители
К дубовому столу,
С краями чары налили:

«Бери поднос, гостей-чужан
С поклоном обноси!»
Впервой я поклонилася –
Вздрогнули ноги резвые;
Второй я поклонилася –
Поблекло бело личико;
Я в третий поклонилася,
И волюшка скатилася
С девичьей головы…»
«Так значит: свадьба? Следует, –
Сказал один из Губиных, –
Проздравить молодых».
«Давай! Начин с хозяюшки.
– Пьешь водку, Тимофеевна?»
«Старухе – да не пить?..»

Глава 2. ПЕСНИ

У суда стоять
Ломит ноженьки,
Под венцом стоять
Голова болит,
Голова болит,
Вспоминается
Песня старая,
Песня грозная.
На широкий двор
Гости въехали,
Молоду жену
Муж домой привез,
А роденька-то
Как набросится!
Деверек ее –
Расточихою,
А золовушка –
Щеголихою,
Свекор-батюшка –
Тот медведицей,
А свекровушка –
Людоедицей,
Кто неряхою,
Кто непряхою…

Всё, что в песенке
Той певалося,
Всё со мной теперь
То и сталося!
Чай, певали вы?
Чай, вы знаете?..
«Начинай, кума!
Нам подхватывать…»
Матрена
Спится мне, младенькой, дремлется,
Клонит голову на подушечку,
Свекор-батюшка по сеничкам похаживает,
Сердитый по новым погуливает,
Странники
хором
Стучит, гремит, стучит, гремит,
Снохе спать не дает:
Встань, встань, встань, ты – сонливая!
Встань, встань, встань, ты – дремливая!
Сонливая, дремливая, неурядливая!
Матрена
Спится мне, младенькой, дремлется,
Клонит голову на подушечку,
Свекровь-матушка по сеничкам похаживает,
Сердитая по новым погуливает.
Странники
хором
Стучит, гремит, стучит, гремит,
Снохе спать не дает:
Встань, встань, встань, ты – сонливая!
Встань, встань, встань, ты – дремливая!
Сонливая, дремливая, неурядливая!
«Семья была большущая,
Сварливая… попала я
С девичьей холи в ад!
В работу муж отправился,
Молчать, терпеть советовал:
Не плюй на раскаленное
Железо – зашипит!
Осталась я с золовками,
Со свекром, со свекровушкой,
Любить-голубить некому,
А есть кому журить!
На старшую золовушку,

На Марфу богомольную,
Работай, как раба;
За свекором приглядывай,
Сплошаешь – у кабатчика
Пропажу выкупай.
И встань и сядь с приметою,
Не то свекровь обидится;
А где их все-то знать?
Приметы есть хорошие,
А есть и бедокурные.
Случилось так: свекровь
Надула в уши свекору,
Что рожь добрее родится
Из краденых семян.
Поехал ночью Тихоныч,
Поймали, – полумертвого
Подкинули в сарай…
Как велено, так сделано:
Ходила с гневом на сердце,
А лишнего не молвила
Словечка никому.
Зимой пришел Филиппушка,
Привез платочек шелковый
Да прокатил на саночках
В Екатеринин день,
И горя словно не было!
Запела, как певала я
В родительском дому.
Мы были однолеточки,
Не трогай нас – нам весело,
Всегда у нас лады.
То правда, что и мужа-то
Такого, как Филиппушка,
Со свечкой поискать…»
«Уж будто не колачивал?»
Замялась Тимофеевна:
«Раз только», – тихим голосом
Промолвила она.
«За что?» – спросили странники.
«Уж будто вы не знаете,
Как ссоры деревенские
Выходят? К муженьку
Сестра гостить приехала,
У ней коты разбилися.

«Дай башмаки Оленушке,
Жена!» – сказал Филипп.
А я не вдруг ответила.
Корчагу подымала я,
Такая тяга: вымолвить
Я слова не могла.
Филипп Ильич прогневался,
Пождал, пока поставила
Корчагу на шесток,
Да хлоп меня в висок!
«Ну, благо ты приехала,
И так походишь!» – молвила
Другая, незамужняя
Филиппова сестра.
Филипп подбавил женушке.
«Давненько не видались мы,
А знать бы – так не ехать бы!» –
Сказала тут свекровь.
Еще подбавил Филюшка…
И всё тут! Не годилось бы
Жене побои мужнины
Считать; да уж сказала я:
Не скрою ничего!»
«Ну, женщины! с такими-то
Змеями подколодными
И мертвый плеть возьмет!»
Хозяйка не ответила.
Крестьяне, ради случаю,
По новой чарке выпили
И хором песню грянули
Про шелковую плеточку,
Про мужнину родню.
Мой постылый муж
Подымается:
За шелкову плеть
Принимается.
Хор
Плетка свистнула,
Кровь пробрызнула…
Ах! лели! лели!
Кровь пробрызнула…
Свекру-батюшке
Поклонилася:
Свекор-батюшка,

Отними меня
От лиха мужа,
Змея лютого!
Свекор-батюшка
Велит больше бить,
Велит кровь пролить…
Хор
Плетка свистнула,
Кровь пробрызнула…
Ах! лели! лели!
Кровь пробрызнула…
Свекровь-матушке
Поклонилася:
Свекровь-матушка,
Отними меня
От лиха мужа,
Змея лютого!
Свекровь-матушка,
Велит больше бить,
Велит кровь пролить…
Хор
Плетка свистнула,
Кровь пробрызнула…
Ах! лели! лели!
Кровь пробрызнула…
«Филипп на Благовещенье
Ушел, а на Казанскую
Я сына родила.
Как писаный был Демушка!
Краса взята у солнышка,
У снегу белизна,
У маку губы алые,
Бровь черная у соболя,
У соболя сибирского,
У сокола глаза!
Весь гнев с души красавец мой
Согнал улыбкой ангельской,
Как солнышко весеннее
Сгоняет снег с полей…
Не стала я тревожиться,
Что ни велят – работаю,
Как ни бранят – молчу.
Да тут беда подсунулась:
Абрам Гордеич Ситников,

Господский управляющий,
Стал крепко докучать:
«Ты писаная кралечка,
Ты наливная ягодка…»
– «Отстань, бесстыдник! ягодка,
Да бору не того!»
Укланяла золовушку,
Сама нейду на барщину,
Так в избу прикатит!
В сарае, в риге спрячуся –
Свекровь оттуда вытащит:
«Эй, не шути с огнем!»
– «Гони его, родимая,
По шее!» – «А не хочешь ты
Солдаткой быть?» Я к дедушке:
«Что делать? Научи!»
Из всей семейки мужниной
Один Савелий, дедушка,
Родитель свекра-батюшки, –
Жалел меня… Рассказывать
Про деда, молодцы?»
«Вали всю подноготную!
Накинем по два снопика, –
Сказали мужики.
«Ну, то-то! речь особая.
Грех промолчать про дедушку.
Счастливец тоже был…

Глава 3. САВЕЛИЙ, БОГАТЫРЬ СВЯТОРУССКИЙ

С большущей сивой гривою,
Чай, двадцать лет не стриженной,
С большущей бородой,
Дед на медведя смахивал,
Особенно как из лесу,
Согнувшись, выходил.
Дугой спина у дедушки, –
Сначала всё боялась я,
Как в низенькую горенку
Входил он. ну распрямится?
Пробьет дыру медведище
В светелке головой!

Да распрямиться дедушка
Не мог: ему уж стукнуло,
По сказкам, сто годов.
Дед жил в особой горнице,
Семейки недолюбливал.
В свой угол не пускал;
А та сердилась, лаялась,
Его «клейменым, каторжным»
Честил родной сынок.
Савелий не рассердится,
Уйдет в свою светелочку,
Читает святцы, крестится,
Да вдруг и скажет весело:
«Клейменый, да не раб!»…
А крепко досадят ему –
Подшутит: «Поглядите-тко,
К нам сваты!» Незамужняя,
Золовушка – к окну:
Ан вместо сватов – нищие!
Из оловянной пуговки
Дед вылепил двугривенный,
Подбросил на полу –
Попался свекор-батюшка!
Не пьяный из питейного –
Побитый приплелся!
Сидят, молчат за ужином:
У свекра бровь рассечена,
У деда, словно радуга,
Усмешка на лице.
С весны до поздней осени
Дед брал грибы да ягоды,
Силочки становил
На глухарей, на рябчиков.
А зиму разговаривал
На печке сам с собой.
Имел слова любимые,
И выпускал их дедушка
По слову через час:
«Погибшие… пропащие…»
«Эх вы, Аники-воины!
Со стариками, с бабами
Вам только воевать!»
«Недотерпеть – пропасть!
Перетерпеть – пропасть…»

«Эх, доля святорусского
Богатыря сермяжного!
Всю жизнь его дерут.
Раздумается временем
О смерти – муки адские
В ту-светной жизни ждут»,
«Надумалась Корежина,
Наддай! наддай! наддай!..»
И много! да забыла я…
Как свекор развоюется,
Бежала я к нему.
Запремся. Я работаю,
А Дема, словно яблочко
В вершине старой яблони,
У деда на плече
Сидит румяный, свеженький…
Вот раз и говорю:
«За что тебя, Савельюшка,
Зовут клейменым, каторжным?»
«Я каторжником был».
– «Ты, дедушка?»
– «Я, внученька!
Я в землю немца Фогеля
Христьяна Христианыча
Живого закопал…»
«И полно! шутишь, дедушка!»
«Нет, не шучу. Послушай-ка!» –
И всё мне рассказал.
«Во времена досюльные
Мы были тоже барские,
Да только ни помещиков,
Ни немцев-управителей
Не знали мы тогда.
Не правили мы барщины,
Оброков не платили мы,
А так, когда рассудится,
В три года раз пошлем».
«Да как же так, Савельюшка?»
«А были благодатные
Такие времена.
Недаром есть пословица,
Что нашей-то сторонушки
Три года черт искал.
Кругом леса дремучие,

Кругом болота топкие,
Ни конному проехать к нам,
Ни пешему пройти!
Помещик наш Шалашников
Через тропы звериные
С своим полком – военный был –
К нам доступиться пробовал,
Да лыжи повернул!
К нам земская полиция
Не попадала по году, –
Вот были времена!
А ныне – барин под боком,
Дорога скатерть-скатертью…
Тьфу! прах ее возьми!..
Нас только и тревожили
Медведи… да с медведями
Справлялись мы легко.
С ножищем да с рогатиной
Я сам страшней сохатого,
По заповедным тропочкам
Иду: «Мой лес!» – кричу.
Раз только испугался я,
Как наступил на сонную
Медведицу в лесу.
И то бежать не бросился,
А так всадил рогатину,
Что словно как на вертеле
Цыпленок – завертелася
И часу не жила!
Спина в то время хрустнула,
Побаливала изредка,
Покуда молод был,
А к старости согнулася.
Не правда ли, Матренушка,
На очеп я похож?»
«Ты начал, так досказывай!
Ну, жили – не тужили вы,
Что ж дальше, голова?»
«По времени Шалашников
Удумал штуку новую,
Приходит к нам приказ:
«Явиться!» Не явились мы,
Притихли, не шелохнемся
В болотине своей.

Была засуха сильная,
Наехала полиция,
Мы дань ей – медом, рыбою!
Наехала опять,
Грозит с конвоем выправить,
Мы – шкурами звериными!
А в третий – мы ничем!
Обули лапти старые,
Надели шапки рваные,
Худые армяки –
И тронулась Корежина!..
Пришли…(В губернском городе
Стоял с полком Шалашников.)
«Оброк!» – «Оброку нет!
Хлеба не уродилися,
Снеточки не ловилися…»
– «Оброк!» – «Оброку нет!
Не стал и разговаривать:
«Эй, перемена первая!» –
И начал нас пороть.
Туга мошна корежская!
Да стоек и Шалашников:
Уж языки мешалися,
Мозги уж потрясалися
В головушках – дерет!
Укрепа богатырская,
Не розги!.. Делать нечего!
Кричим: постой, дай срок!
Онучи распороли мы
И барину «лобанчиков»
Полшапки поднесли.
Утих боец Шалашников!
Такого-то горчайшего
Поднес нам травнику,
Сам выпил с нами, чокнулся
С Корегой покоренною:
«Ну, благо вы сдались!
А то – вот бог! – решился я
Содрать с вас шкуру начисто…
На барабан напялил бы
И подарил полку!
Ха-ха! ха-ха! ха-ха! ха-ха!
(Хохочет – рад придумочке):
Вот был бы барабан!»

Идем домой понурые…
Два старика кряжистые
Смеются… Ай, кряжи!
Бумажки сторублевые
Домой под подоплекою
Нетронуты несут!
Как уперлись: мы нищие –
Так тем и отбоярились!
Подумал я тогда:
«Ну, ладно ж! черти сивые,
Вперед не доведется вам
Смеяться надо мной!»
И прочим стало совестно,
На церковь побожилися:
«Вперед не посрамимся мы,
Под розгами умрем!»
Понравились помещику
Корежские лобанчики,
Что год – зовет… дерет…
Отменно драл Шалашников,
А не ахти великие
Доходы получал:
Сдавались люди слабые,
А сильные за вотчину
Стояли хорошо.
Я тоже перетерпливал,
Помалчивал, подумывал:
«Как не дери, собачий сын,
А всей души не вышибешь,
Оставишь что-нибудь!»
Как примет дань Шалашников,
Уйдем – и за заставою
Поделим барыши:
«Что денег-то осталося!
Дурак же ты, Шалашников!»
И тешилась над барином
Корега в свой черед!
Вот были люди гордые!
А нынче дай затрещину –
Исправнику, помещику
Тащат последний грош!
Зато купцами жили мы…
Подходит лето красное,
Ждем грамоты… Пришла…

А в ней уведомление,
Что господин Шалашников
Под Варною убит.
Жалеть не пожалели мы,
А пала дума на сердце:
«Приходит благоденствию
Крестьянскому конец!»
И точно: небывалое
Наследник средство выдумал:
К нам немца подослал.
Через леса дремучие,
Через болота топкие
Пешком пришел, шельмец!
Один как перст: фуражечка
Да тросточка, а в тросточке
Для уженья снаряд.
И был сначала тихонький:
«Платите сколько можете».
– «Не можем ничего!»
– «Я барина уведомлю».
– «Уведомь!..» Тем и кончилось.
Стал жить да поживать;
Питался больше рыбою;
Сидит на речке с удочкой
Да сам себя то по носу,
То по лбу – бац да бац!
Смеялись мы: «Не любишь ты
Корежского комарика…
Не любишь, немчура?..»
Катается по бережку,
Гогочет диким голосом,
Как в бане на полке…
С ребятами, с девочками
Сдружился, бродит по лесу…
Недаром он бродил!
«Коли платить не можете,
Работайте!» – «А в чем твоя
Работа?» – «Окопать
Канавками желательно
Болото…» Окопали мы…
«Теперь рубите лес…»
– «Ну, хорошо!» – Рубили мы,
А немчура показывал,
Где надобно рубить.

Глядим: выходит просека!
Как просеку прочистили,
К болоту поперечины
Велел по ней возить.
Ну, словом: спохватились мы,
Как уж дорогу сделали,
Что немец нас поймал!
Поехал в город парочкой!
Глядим, везет из города
Коробки, тюфяки;
Откудова ни взялися
У немца босоногого
Детишки и жена.
Повел хлеб-соль с исправником
И с прочей земской властию,
Гостишек полон двор!
И тут настала каторга
Корежскому крестьянину –
До нитки разорил!
А драл… как сам Шалашников!
Да тот был прост: накинется
Со всей воинской силою,
Подумаешь: убьет!
А деньги сунь – отвалится,
Ни дать ни взять раздувшийся
В собачьем ухе клещ.
У немца – хватка мертвая:
Пока не пустит по миру,
Не отойдя сосет!»
«Как вы терпели, дедушка?»
«А потому терпели мы,
Что мы – богатыри.
В том богатырство русское.
Ты думаешь, Матренушка,
Мужик – не богатырь?
И жизнь его не ратная,
И смерть ему не писана
В бою – а богатырь!
Цепями руки кручены,
Железом ноги кованы,
Спина… леса дремучие
Прошли по ней – сломалися.
А грудь? Илья-пророк
По ней гремит-катается

На колеснице огненной…
Всё терпит богатырь!
И гнется, да не ломится,
Не ломится, не валится…
Ужли не богатырь?»
«Ты шутишь шутки, дедушка! –
Сказала я. – Такого-то
Богатыря могучего
Чай, мыши заедят!»
«Не знаю я, Матренушка.
Покамест тягу страшную
Поднять-то поднял он,
Да в землю сам ушел по грудь
С натуги! По лицу его
Не слезы – кровь течет!
Не знаю, не придумаю,
Что будет? Богу ведомо!
А про себя скажу:
Как выли вьюги зимние,
Как ныли кости старые,
Лежал я на печи;
Полеживал, подумывал:
Куда ты, сила, делася?
На что ты пригодилася? –
Под розгами, под палками
По мелочам ушла!»
«А что же немец, дедушка?»
«А немец как ни властвовал,
Да наши топоры
Лежали – до поры!
Осьмнадцать лет терпели мы.
Застроил немец фабрику,
Велел колодец рыть.
Вдевятером копали мы,
До полдня проработали,
Позавтракать хотим.
Приходит немец: «Только-то?..»
И начал нас по-своему,
Не торопясь, пилить.
Стояли мы голодные,
А немец нас поругивал
Да в яму землю мокрую
Пошвыривал ногой.
Была уж яма добрая…

Случилось, я легонечко
Толкнул его плечом,
Потом другой толкнул его,
И третий… Мы посгрудились…
До ямы два шага…
Мы слова не промолвили,
Друг другу не глядели мы
В глаза… А всей гурьбой
Христьяна Христианыча
Поталкивали бережно
Всё к яме… всё на край…
И немец в яму бухнулся,
Кричит: «Веревку! лестницу!»
мы девятью лопатами
Ответили ему.
«Наддай!» – я слово выронил, –
Под слово люди русские
Работают дружней.
«Наддай! наддай!» Так наддали,
Что ямы словно не было –
Сровнялася с землей!
Тут мы переглянулися…»
Остановился дедушка.
«Что ж дальше?»
«Дальше – дрянь!
Кабак… острог в Буй-городе,
Там я учился грамоте,
Пока решили нас.
Решенье вышла: каторга
И плети предварительно;
Не выдрали – помазали,
Плохое там дранье!
Потом… бежал я с каторги…
Поймали! не погладили
И тут по голове.
Заводские начальники
По всей Сибири славятся –
Собаку съели драть.
Да нас дирал Шалашников
Больней – я не поморщился
С заводского дранья.
Тот мастер был – умел пороть!
Он так мне шкуру выделал,
Что носится сто лет.

А жизнь была нелегкая.
Лет двадцать строгой каторги,
Лет двадцать поселения.
Я денег прикопил,
По манифесту царскому
Попал опять на родину,
Пристроил эту горенку
И здесь давно живу.
Покуда были денежки,
Любили деда, холили,
Теперь в глаза плюют!
Эх вы, Аники-воины!
Со стариками, с бабами
Вам только воевать…»
Тут кончил речь Савельюшка…»
«Ну что ж? – сказали странники. –
Досказывай, хозяюшка,
Свое житье-бытье!»
«Невесело досказывать.
Одной беды бог миловал:
Холерой умер Ситников, –
Другая подошла».
«Наддай!» – сказали странники
(Им слово полюбилося)
И выпили винца…

Глава 4. Демушка

«Зажгло грозою дерево,
А было соловьиное
На дереве гнездо.
Горит и стонет дерево,
Горят и стонут птенчики:
«Ой, матушка! где ты?
А ты бы нас похолила,
Пока не оперились мы:
Как крылья отрастим,
В долины, в рощи тихие
Мы сами улетим!»
Дотла сгорело дерево,
Дотла сгорели птенчики,
Тут прилетела мать.

Ни дерева… ни гнездышка…
Ни птенчиков!.. Поет-зовет…
Поет, рыдает, кружится,
Так быстро, быстро кружится,
Что крылышки свистят!..
Настала ночь, весь мир затих,
Одна рыдала пташечка,
Да мертвых не докликалась
До белого утра!..
Носила я Демидушку
По поженкам… лелеяла…
Да взъелася свекровь,
Как зыкнула, как рыкнула:
«Оставь его у дедушки,
Не много с ним нажнешь!»
Запугана, заругана,
Перечить не посмела я,
Оставила дитя.
Такая рожь богатая
В тот год у нас родилася,
Мы землю не ленясь
Удобрили, ухолили, –
Трудненько было пахарю,
Да весело жнее!
Снопами нагружала я
Телегу со стропилами
И пела, молодцы.
(Телега нагружается
Всегда с веселой песнею,
А сани с горькой думою:
Телега хлеб домой везет,
А сани – на базар!)
Вдруг стоны я услышала:
Ползком ползет Савелий-дед,
Бледнешенек как смерть:
«Прости, прости, Матренушка! –
И повалился в ноженьки. –
Мой грех – недоглядел!..»
Ой, ласточка! ой, глупая!
Не вей гнезда под берегом,
Под берегом крутым!
Что день – то прибавляется
Вода в реке: зальет она
Детенышей твоих.

Ой, бедная молодушка!
Сноха в дому последняя,
Последняя раба!
Стерпи грозу великую,
Прими побои лишние,
А с глазу неразумного
Младенца не спускай!..
Заснул старик на солнышке,
Скормил свиньям Демидушку
Придурковатый дед!..
Я клубышком каталася,
Я червышком свивалася,
Звала, будила Демушку –
Да поздно было звать!..
Чу! конь стучит копытами,
Чу, сбруя золоченая
Звенит… еще беда!
Ребята испугалися,
По избам разбежалися,
У окон заметалися
Старухи, старики.
Бежит деревней староста,
Стучит в окошки палочкой,
Бежит в поля, в луга.
Собрал народ: идут – крехтят!
Беда! Господь прогневался,
Наслал гостей непрошеных,
Неправедных судей!
Знать, деньги издержалися,
Сапожки притоптался,
Знать, голод разобрал!..
Молитвы Иисусовой
Не сотворив, уселися
У земского стола,
Налой и крест поставили,
Привел наш поп, отец Иван,
К присяге понятых.
Допрашивали дедушку,
Потом за мной десятника
Прислали. Становой
По горнице похаживал,
Как зверь в лесу порыкивал…
«Эй! женка! состояла ты
С крестьянином Савелием

В сожительстве? Винись!»
Я шепотком ответила:
«Обидно, барин, шутите!
Жена я мужу честная,
А старику Савелию
Сто лет… Чай, знаешь сам».
Как в стойле конь подкованный,
Затопал; о кленовый стол
Ударил кулаком:
«Молчать! Не по согласью ли
С крестьянином Савелием
Убила ты дитя?..»
Владычица! что вздумали!
Чуть мироеда этого
Не назвала я нехристем,
Вся закипела я…
Да лекаря увидела:
Ножи, ланцеты, ножницы
Натачивал он тут.
Вздрогнула я, одумалась.
«Нет, – говорю, – я Демушку
Любила, берегла…»
– «А зельем не поила ты?
А мышьяку не сыпала?»
– «Нет! сохрани господь!..»
И тут я покорилася,
Я в ноги поклонилася:
Будь жалостлив, будь добр!
Вели без поругания
Честному погребению
Ребеночка предать!
Я мать ему!..» Упросишь ли?
В груди у них нет душеньки,
В глазах у них нет совести,
На шее – нет креста!
Из тонкой из пеленочки
Повыкатали Демушку
И стали тело белое
Терзать и пластовать.
Тут свету я невзвидела, –
Металась и кричала я:
«Злодеи! палачи!..
Падите мои слезоньки
Не на землю, не на воду,

Не на господень храм!
Падите прямо на сердце
Злодею моему!
Ты дай же, боже господи!
Чтоб тлен пришел на платьице,
Безумье на головушку
Злодея моего!
Жену ему неумную
Пошли, детей – юродивых!
Прими, услыши, господи,
Молитву, слезы матери,
Злодея накажи!..»
– «Никак, она помешана? –
Сказал начальник сотскому. –
Что ж ты не упредил?
Эй! не дури! связать велю!..»
Присела я на лавочку.
Ослабла, вся дрожу.
Дрожу, гляжу на лекаря:
Рукавчики засучены,
Грудь фартуком завешана,
В одной руке – широкий нож,
В другой ручник – и кровь на нем, –
А на носу очки!
Так тихо стало в горнице…
Начальничек помалчивал,
Поскрипывал пером,
Поп трубочкой попыхивал,
Не шелохнувшись, хмурые
Стояли мужики.
«Ножом в сердцах читаете! –
Сказал священник лекарю,
Когда злодей у Демушки
Сердечко распластал.
Тут я опять рванулася…
«Ну, так и есть – помешана!
Связать ее!» – десятнику
Начальник закричал.
Стал понятых опрашивать:
«В крестьянке Тимофеевой
И прежде помешательство
Вы примечали?»
«Нет!»
Спросили свекра, деверя,

Свекровушку, золовушку:
«Не примечали, нет!»
Спросили деда старого:
«Не примечал! ровна была…
Одно: к начальству кликнули,
Пошла… а ни целковика,
Ни новины, пропащая,
С собой и не взяла!»
Заплакал навзрыд дедушка.
Начальничек нахмурился,
Ни слова не сказал.
И тут я спохватилася!
Прогневался бог: разуму
Лишил! была готовая
В коробке новина!
Да поздно было каяться.
В моих глазах по косточкам
Изрезал лекарь Демушку,
Цыновочкой прикрыл.
Я словно деревянная
Вдруг стала: загляделась я,
Как лекарь водку пил. Священнику
Сказал: «Прошу покорнейше!»
А поп ему: «Что просите?
Без прутика, без кнутика
Все ходим, люди грешные,
На этот водопой!»
Крестьяне настоялися,
Крестьяне надрожалися.
(Откуда только брались
У коршуна налетного
Корыстные дела!)
Без церкви намолилися,
Без образа накланялись!
Как вихорь налетал –
Рвал бороды начальничек,
Как лютый зверь наскакивал –
Ломал перстни злаченые…
Потом он кушать стал.
Пил-ел, с попом беседовал,
Я слышала, как шепотом
Поп плакался ему:
«У нас народ – все голь да пьянь,
За свадебку, за исповедь

Должают по годам.
Несут гроши последние
В кабак! А благочинному
Одни грехи тащат!»
Потом я песни слышала,
Всё голоса знакомые,
Девичьи голоса:
Наташа, Глаша, Дарьюшка…
Чу! пляска! чу! гармония!..
И вдруг затихло всё…
Заснула, видно, что ли, я?..
Легко вдруг стало: чудилось,
Что кто-то наклоняется
И шепчет надо мной:
«Усни, многокручинная!
Усни, многострадальная!» –
И крестит… С рук скатилися
Веревки… Я не помнила
Потом уж ничего…
Очнулась я. Темно кругом,
Гляжу в окно – глухая ночь!
Да где же я? да что со мной?
Не помню, хоть убей!
Я выбралась на улицу –
Пуста. На небо глянула –
Ни месяца, ни звезд.
Сплошная туча черная
Висела над деревнею,
Темны дома крестьянские,
Одна пристройка дедова
Сияла, как чертог.
Вошла – и всё я вспомнила:
Свечами воску ярого
Обставлен, среди горенки
Дубовый стол стоял,
На нем гробочек крохотный
Прикрыт камчатной скатертью,
Икона в головах…
«Ой, плотнички-работнички!
Какой вы дом построили
Сыночку моему?
Окошки не прорублены,
Стеколышки не вставлены,
Ни печи, ни скамьи!

Пуховой нет перинушки…
Ой, жестко будет Демушке,
Ой, страшно будет спать!..»
«Уйди!.. – вдруг закричала я,
Увидела я дедушку:
В очках, с раскрытой книгою
Стоял он перед гробиком,
Над Демою читал.
Я старика столетнего
Звала клейменым, каторжным.
Гневна, грозна, кричала я:
«Уйди! убил ты Демушку!
Будь проклят ты… уйди!..»
Старик ни с места. Крестится,
Читает… Уходилась я,
Тут дедко подошел:
«Зимой тебе, Матренушка,
Я жизнь свою рассказывал,
Да рассказал не всё:
Леса у нас угрюмые,
Озера нелюдимые,
Народ у нас дикарь.
Суровы наши промыслы:
Дави тетерю петлею,
Медведя режь рогатиной,
Сплошаешь – сам пропал!
А господин Шалашников
С своей воинской силою?
А немец-душегуб?
Потом острог да каторга…
Окаменел я, внученька,
Лютее зверя был.
Сто лет зима бессменная
Стояла. Растопил ее
Твой Дема-богатырь!
Однажды я качал его,
Вдруг улыбнулся Демушка…
И я ему в ответ!
Со мною чудо сталося:
Третьеводни прицелился
Я в белку: на суку
Качалась белка… лапочкой,
Как кошка, умывалася…
Не выпалил: живи!

Брожу по рощам, по лугу,
Любуюсь каждым цветиком.
Иду домой, опять
Смеюсь, играю с Демушкой…
Бог видит, как я милого
Младенца полюбил!
И я же, по грехам моим,
Сгубил дитя невинное…
Кори, казни меня!
А с богом спорить нечего.
Стань, помолись за Демушку!
Бог знает, что творит:
Сладка ли жизнь крестьянина?»
И долго, долго дедушка
О горькой доле пахаря
С тоскою говорил.
Случись купцы московские,
Вельможи государевы,
Сам царь случись: не надо бы
Ладнее говорить!
«Теперь в раю твой Демушка,
Легко, светло ему…»
Заплакал старый дед.
«Я не ропщу, – сказала я, –
Что бог прибрал младенчика,
А больно то, зачем они
Ругалися над ним?
Зачем, как черны вороны,
На части тело белое
Терзали?… Неужли
Ни бог, ни царь не вступится?..»
«Высоко бог, далеко царь…»
«Нужды нет: я дойду!»
Ах! что ты? что ты, внученька?..
Терпи, многокручинная!
Терпи, многострадальная!
Нам правду не найти».
«Да почему же, дедушка?»
«Ты – крепостная женщина!» –
Савельюшка сказал.
Я долго, горько думала…
Гром грянул, окна дрогнули,
И я вздрогнула… К гробику
Подвел меня старик:

«Молись, чтоб к лику ангелов
Господь причислил Демушку!»
И дал мне в руки дедушка
Горящую свечу.
Всю ночь до свету белого
Молилась я, а дедушка
Протяжным, ровным голосом
Над Демою читал…

ГЛАВА 5. ВОЛЧИЦА

Уж двадцать лет, как Демушка
Дерновым одеялечком
Прикрыт, – всё жаль сердечного!
Молюсь о нем, в рот яблока
До Спаса не беру.
Не скоро я оправилась.
Ни с кем не говорила я,
А старика Савелия
Я видеть не могла.
Работать не работала.
Надумал свекор-батюшка
Вожжами проучить,
Так я ему ответила:
«Убей!» я в ноги кланялась:
«Убей! один конец!»
Повесил вожжи батюшка.
На Деминой могилочке
Я день и ночь жила.
Платочком обметала я
Могилку, чтобы травушкой
Скорее поросла,
Молилась за покойничка,
Тужила по родителям:
Забыли дочь свою!
Собак моих боитеся?
Семьи моей стыдитеся?
«Ах, нет, родная, нет!
Собак твоих не боязно,
Семьи твоей не совестно,
А ехать сорок верст
Свои беды рассказывать,

Твои беды выспрашивать –
Жаль бурушку гонять!
Давно бы мы приехали,
Да ту мы думу думали:
Приедем – ты расплачешься,
Уедем – заревешь!»
Пришла зима: кручиною
Я с мужем поделилася,
В Савельевой пристроечке
Тужили мы вдвоем.
«Что ж, умер, что ли, дедушка?»
«Нет, он в своей коморочке
Шесть дней лежал безвыходно,
Потом ушел в леса.
Так пел, так плакал дедушка,
Что лес стонал! А осенью
Ушел на покаяние
В Песочный монастырь.
У батюшки, у матушки
С Филиппом побывала я,
За дело принялась.
Три года, так считаю я,
Неделя за неделею,
Одним порядком шли,
Что год, то дети: некогда
Ни думать, ни печалиться,
Дай бог с работой справиться
Да лоб перекрестить.
Поешь – когда останется
От старших да от деточек,
Уснешь – когда больна…
А на четвертый новое
Подкралось горе лютое, –
К кому оно привяжется,
До смерти не избыть!
Впереди летит – ясным соколом,
Позади летит – черным вороном,
Впереди летит – не укатится,
Позади летит – не останется…
Лишилась я родителей…
Слыхали ночи темные,
Слыхали ветры буйные
Сиротскую печаль,
А вам нет нужды сказывать…

На Демину могилочку
Поплакать я пошла.
Гляжу: могилка прибрана,
На деревянном крестике
Складная золоченая
Икона. Перед ней
Я старца распростертого
Увидела. «Савельюшка!
Откуда ты взялся?»
«Пришел я из Песочного…
Молюсь за Дему бедного,
За всё страдное русское
Крестьянство я молюсь!
Еще молюсь (не образу
Теперь Савелий кланялся),
Чтоб сердце гневной матери
Смягчил господь… Прости!»
«Давно простила, дедушка!»
Вздохнул Савелий… «Внученька!
А внученька!» – «Что, дедушка?»
– «По-прежнему взгляни!»
Взглянула я по-прежнему.
Савельюшка засматривал
Мне в очи; спину старую
Пытался разогнуть.
Совсем стал белый дедушка.
Я обняла старинушку,
И долго у креста
Сидели мы и плакали.
Я деду горе новое
Поведала свое…
Недолго прожил дедушка.
По осени у старого
Какая-то глубокая
На шее рана сделалась,
Он трудно умирал:
Сто дней не ел; хирел да сох,
Сам над собой подтрунивал:
«Не правда ли, Матренушка,
На комара корежского
Костлявый я похож?»
То добрый был, сговорчивый,
То злился, привередничал,
Пугал нас: «Не паши,

Не сей, крестьянин! Сгорбившись
За пряжей, за полотнами,
Крестьянка, не сиди!
Как вы ни бейтесь, глупые,
Что на роду написано,
Того не миновать!
Мужчинам три дороженьки:
Кабак, острог да каторга,
А бабам на Руси
Три петли: шелку белого,
Вторая – шелку красного,
А третья – шелку черного,
Любую выбирай!..
В любую полезай…»
Так засмеялся дедушка,
Что все в каморке вздрогнули, –
И к ночи умер он.
Как приказал – исполнили:
Зарыли рядом с Демою…
Он жил сто семь годов.
Четыре года тихие,
Как близнецы похожие,
Прошли потом… Всему
Я покорилась: первая
С постели Тимофеевна,
Последняя – в постель;
За всех, про всех работаю, –
С свекрови, с свекра пьяного,
С золовушки бракованной
Снимаю сапоги…
Лишь деточек не трогайте!
За них горой стояла я…
Случилось, молодцы,
Зашла к нам богомолочка;
Сладкоречивой странницы
Заслушивались мы;
Спасаться, жить по-божески
Учила нас угодница,
По праздникам к заутрени
Будила… а потом
Потребовала странница,
Чтоб грудью не кормили мы
Детей по постным дням.
Село переполошилось!

Голодные младенчики
По середам, по пятницам
Кричат! Иная мать
Сама над сыном плачущим
Слезами заливается:
И бога-то ей боязно,
И дитятка-то жаль!
Я только не послушалась,
Судила я по-своему:
Коли терпеть, так матери,
Я перед богом грешница,
А не дитя мое!
Да, видно, бог прогневался.
Как восемь лет исполнилось
Сыночку моему,
В подпаски свекор сдал его.
Однажды жду Федотушку –
Скотина уж пригналася, –
На улицу иду.
Там видимо-невидимо
Народу! Я прислушалась
И бросилась в толпу.
Гляжу, Федота бледного
Силантий держит за ухо.
«Что держишь ты его?»
– «Посечь хотим маненичко:
Овечками прикармливать
Надумал он волков!»
Я вырвала Федотушку,
Да с ног Силантья-старосту
И сбила невзначай.
Случилось диво дивное:
Пастух ушел; Федотушка
При стаде был один.
«Сижу я, – так рассказывал
Сынок мой, – на пригорочке,
Откуда ни возьмись
Волчица преогромная
И хвать овечку Марьину!
Пустился я за ней,
Кричу, кнутищем хлопаю,
Свищу, Валетку уськаю…
Я бегать молодец,
Да где бы окаянную

Нагнать, кабы не щенная:
У ней сосцы волочились,
Кровавым следом, матушка,
За нею я гнался!
Пошла потише серая,
Идет, идет – оглянется,
А я как припущу!
И села… я кнутом ее:
«Отдай овцу, проклятая!»
Не отдает, сидит…
Я не сробел: «Так вырву же,
Хоть умереть!..» И бросился,
И вырвал… Ничего –
Не укусила серая!
Сама едва живехонька,
Зубами только щелкает
Да дышит тяжело.
Под ней река кровавая,
Сосцы травой изрезаны,
Все ребра на счету,
Глядит, поднявши голову,
Мне в очи… и завыла вдруг!
Завыла, как заплакала.
Пощупал я овцу:
Овца была уж мертвая…
Волчица так ли жалобно
Глядела, выла… Матушка!
Я бросил ей овцу!..»
Так вот что с парнем сталося.
Пришел в село да, глупенький,
Всё сам и рассказал,
За то и сечь надумали.
Да благо подоспела я…
Силантий осерчал,
Кричит: «Чего толкаешься?
Самой под розги хочется?»
А Марья, та свое:
«Дай, пусть проучат глупого!»
И рвет из рук Федотушку,
Федот как лист дрожит.
Трубят рога охотничьи,
Помещик возвращается
С охоты. Я к нему:
«Не выдай! Будь заступником!»

– «В чем дело?» Кликнул старосту
И мигом порешил:
«Подпаска малолетнего
По младости, по глупости
Простить… а бабу дерзкую
Примерно наказать!»
«Ай, барин!» Я подпрыгнула:
«Освободил Федотушку!
Иди домой, Федот!»
«Исполним повеленное! –
Сказал мирянам староста. –
Эй! погоди плясать!»
Соседка тут подсунулась:
«А ты бы в ноги старосте…»
«Иди домой, Федот!»
Я мальчика погладила:
«Смотри, коли оглянешься,
Я осержусь… Иди!»
Из песни слово выкинуть,
Так песня вся нарушится.
Легла я, молодцы…
В Федотову коморочку,
Как кошка, я прокралася:
Спит мальчик, бредит, мечется;
Одна ручонка свесилась,
Другая на глазу
Лежит, в кулак зажатая:
«Ты плакал, что ли, бедненький?
Спи. Ничего. Я тут!»
Тужила я по Демушке,
Как им была беременна, –
Слабенек родился,
Однако вышел умница:
На фабрике Алферова
Трубу такую вывели
С родителем, что страсть!
Всю ночь над ним сидела я,
Я пастушка любезного
До солнца подняла,
Сама обула в лапотки,
Перекрестила; шапочку,
Рожок и кнут дала.
Проснулась вся семеюшка,
Да я не показалась ей,

На пожню не пошла.
Я пошла на речку быструю,
Избрала я место тихое
У ракитова куста.
Села я на серый камушек,
Подперла рукой головушку,
Зарыдала, сирота!
Громко я звала родителя:
Ты приди, заступник батюшка!
Посмотри на дочь любимую….
Понапрасну я звала.
Нет великой оборонушки!
Рано гостья бесподсудная,
Бесплемянная, безродная,
Смерть родного унесла!
Громко кликала я матушку.
Отзывались ветры буйные,
Откликались горы дальние,
А родная не пришла!
День денна моя печальница,
В ночь – ночная богомолица!
Никогда тебя, желанная,
Не увижу я теперь!
Ты ушла в бесповоротную,
Незнакомую дороженьку,
Куда ветер не доносится,
Не дорыскивает зверь…
Нет великой оборонушки!
Кабы знали вы да ведали,
На кого вы дочь покинули,
Что без вас я выношу?
Ночь – слезами обливаюся,
День – как травка пристилаюся…
Я потупленную голову,
Сердце гневное ношу!..

ГЛАВА 6. ТРУДНЫЙ ГОД

В тот год необычайная
Звезда играла на небе;
Одни судили так:
Господь по небу шествует,

И ангелы его
Метут метлою огненной
Перед стопами божьими
В небесном поле путь;
Другие то же думали,
Да только на антихриста,
И чуяли беду.
Сбылось: пришла бесхлебица!
Брат брату не уламывал
Куска! Был страшный год…
Волчицу ту Федотову
Я вспомнила – голодную,
Похожа с ребятишками
Я на нее была!
Да тут еще свекровушка
Приметой прислужилася,
Соседкам наплела,
Что я беду накликала,
А чем? Рубаху чистую
Надела в Рождество.
За мужем, за заступником,
Я дешево отделалась;
А женщину одну
Никак за то же самое
Убили насмерть кольями.
С голодным не шути!..
Одной бедой не кончилось:
Чуть справились с бесхлебицей –
Рекрутчина пришла.
Да я не беспокоилась:
Уж за семью Филиппову
В солдаты брат ушел.
Сижу одна, работаю,
И муж и оба деверя
Уехали с утра;
На сходку свекор-батюшка
Отправился, а женщины
К соседкам разбрелись.
Мне крепко нездоровилось,
Была я Лиодорушкой
Беременна: последние
Дохаживала дни.
Управившись с ребятами,
В большой избе под шубою

На печку я легла.
Вернулись бабы к вечеру,
Нет только свекра-батюшки,
Ждут ужинать его.
Пришел: «Ох-ох! умаялся,
А дело не поправилось,
Пропали мы, жена!
Где видано, где слыхано:
Давно ли взяли старшего,
Теперь меньшого дай!
Я по годам высчитывал,
Я миру в ноги кланялся,
Да мир у нас какой?
Просил бурмистра: божится,
Что жаль, да делать нечего!
И писаря просил,
Да правды из мошенника
И топором не вырубишь,
Что тени из стены!
Задарен… все задарены…
Сказать бы губернатору,
Так он бы задал им!
Всего и попросить-то бы,
Чтоб он по нашей волости
Очередные росписи
Проверить повелел.
Да сунься-ка!..» Заплакали
Свекровушка, золовушка,
А я… То было холодно,
Теперь огнем горю!
Горю… Бог весть что думаю…
Не дума… бред… Голодные
Стоят сиротки-деточки
Передо мной… Неласково
Глядит на них семья,
Они в дому шумливые,
На улице драчливые,
Обжоры за столом…
И стали их пощипывать,
В головку поколачивать…
Молчи, солдатка-мать!
Теперь уж я не дольщица
Участку деревенскому,
Хоромному строеньицу,

Одеже и скоту.
Теперь одно богачество:
Три озера наплакано
Горючих слез, засеяно
Три полосы бедой!
Теперь, как виноватая,
Стою перед соседями:
Простите! я была
Спесива, непоклончива,
Не чаяла я, глупая,
Остаться сиротой…
Простите, люди добрые,
Учите уму-разуму,
Как жить самой? Как деточек
Поить, кормить, растить?..
Послала деток по миру:
Просите, детки, ласкою,
Не смейте воровать!
А дети в слезы: «Холодно!
На нас одежа рваная,
С крылечка на крылечко-то
Устанем мы ступать,
Под окнами натопчемся,
Иззябнем… У богатого
Нам боязно просить,
«Бог даст!» – ответят бедные…
Ни с чем домой воротимся –
Ты станешь нас бранить!..»
Собрала ужин; матушку
Зову, золовок, деверя,
Сама стою голодная
У двери, как раба.
Свекровь кричит: «Лукавая!
В постель скорей торопишься?»
А деверь говорит:
«Не много ты работала!
Весь день за деревиночкой
Стояла: дожидалася,
Как солнышко зайдет!»
Получше нарядилась я,
Пошла я в церковь божию,
Смех слышу за собой!
Хорошо не одевайся,
Добела не умывайся,

У соседок очи зорки,
Востры языки!
Ходи улицей потише,
Носи голову пониже,
Коли весело – не смейся,
Не поплачь с тоски!..
Пришла зима бессменная,
Поля, луга зеленые
Попрятались под снег.
На белом, снежном саване
Ни талой нет талиночки –
Нет у солдатки-матери
Во всем миру дружка!
С кем думушку подумати?
С кем словом перемолвиться?
Как справиться с убожеством?
Куда обиду сбыть?
В леса – леса повяли бы,
В луга – луга сгорели бы!
Во быструю реку?
Вода бы остоялася!
Носи, солдатка бедная,
С собой ее по гроб!
Нет мужа, нет заступника!
Чу, барабан! Солдатики
Идут… Остановилися…
Построились в ряды.
«Живей!» Филиппа вывели
На середину площади:
«Эй! перемена первая!» –
Шалашников кричит.
Упал Филипп: «Помилуйте!»
– «А ты попробуй! слюбится!
Ха-ха! ха-ха! ха-ха! ха-ха!
Укрепа богатырская,
Не розги у меня!..»
И тут я с печи спрыгнула,
Обулась. Долго слушала, –
Всё тихо, спит семья!
Чуть-чуть я дверью скрипнула
И вышла. Ночь морозная…
Из Домниной избы,
Где парни деревенские
И девки собиралися,

Гремела песня складная,
Любимая моя…
На горе стоит елочка,
Под горою светелочка,
Во светелочке Машенька.
Приходил к ней батюшка,
Будил ее, побуживал:
Ты, Машенька, пойдем домой!
Ты, Ефимовна, пойдем домой!
Я нейду и не слушаю:
Ночь темна и немесячна,
Реки быстры, перевозов нет,
Леса темны, караулов нет…
На горе стоит елочка,
Под горою светелочка,
Во светелочке Машенька.
Приходила к ней матушка,
Будила, побуживала:
Машенька, пойдем домой!
Ефимовна, пойдем домой!
Я нейду и не слушаю:
Ночь темна и немесячна,
Реки быстры, перевозов нет,
Леса темны, караулов нет…
На горе стоит елочка,
Под горою светелочка,
Во светелочке Машенька.
Приходил к ней Петр,
Петр сударь Петрович,
Будил ее, побуживал:
Машенька, пойдем домой!
Душа Ефимовна, пойдем домой!
Я иду, сударь, и слушаю:
Ночь светла и месячна,
Реки тихи, перевозы есть,
Леса темны, караулы есть.

ГЛАВА 7. ГУБЕРНАТОРША

Почти бегом бежала я
Через деревню, – чудилось,
Что с песней парни гонятся

И девицы за мной.
За Клином огляделась я:
Равнина белоснежная,
Да небо с ясным месяцем,
Да я, да тень моя…
Не жутко и не боязно
Вдруг стало, – словно радостью
Так и взмывало грудь…
Спасибо ветру зимнему!
Он, как водой студеною,
Больную напоил:
Обвеял буйну голову,
Рассеял думы черные,
Рассудок воротил.
Упала на колени я:
«Открой мне, матерь божия,
Чем бога прогневила я?
Владычица! во мне
Нет косточки неломаной,
Нет жилочки нетянутой,
Кровинки нет непорченой, –
Терплю и не ропщу!
Всю силу, богом данную,
В работу полагаю я,
Всю в деточек любовь!
Ты видишь всё, владычица,
Ты можешь всё, заступница!
Спаси рабу свою!..»
Молиться в ночь морозную
Под звездным небом божиим
Люблю я с той поры.
Беда постигнет – вспомните
И женам посоветуйте:
Усердней не помолишься
Нигде и никогда.
Чем больше я молилася,
Тем легче становилося,
И силы прибавлялося,
Чем чаще я касалася
До белой, снежной скатерти
Горящей головой…
Потом – в дорогу тронулась,
Знакомая дороженька!
Езжала я по ней.

Поедешь ранним вечером,
Так утром вместе с солнышком
Поспеешь на базар.
Всю ночь я шла, не встретила
Живой души, под городом
Обозы начались.
Высокие, высокие
Возы сенца крестьянского,
Жалела я коней:
Свои кормы законные
Везут с двора, сердечные,
Чтоб после голодать.
И так-то всё я думала:
Рабочий конь солому ест,
А пустопляс – овес!
Нужда с кулем тащилася, –
Мучица, чай, не лишняя,
Да подати не ждут!
С посада подгородного
Торговцы-колотырники
Бежали к мужикам;
Божба, обман, ругательство!
Ударили к заутрени,
Как в город я вошла.
Ищу соборной площади,
Я знала: губернаторский
Дворец на площади.
Темна, пуста площадочка,
Перед дворцом начальника
Шагает часовой.
«Скажи, служивый, рано ли
Начальник просыпается?»
– «Не знаю. Ты иди!
Нам говорить не велено!
(Дала ему двугривенный):
На то у губернатора
Особый есть швейцар».
– «А где он? как назвать его?»
– Макаром Федосеичем…
На лестницу поди!»
Пришла, да двери заперты.
Присела я, задумалась,
Уж начало светать.
Пришел фонарщик с лестницей,

Два тусклые фонарика
На площади задул.
«Эй! что ты тут расселася?»
Вскочила, испугалась я:
В дверях стоял в халатике
Плешивый человек.
Скоренько я целковенький
Макару Федосеичу
С поклоном подала:
«Такая есть великая
Нужда до губернатора,
Хоть умереть – дойти!»
«Пускать-то вас не велено,
Да… ничего!.. толкнись-ка ты
Так… через два часа…»
Ушла. Бреду тихохонько…
Стоит из меди кованный,
Точь-в-точь Савелий дедушка,
Мужик на площади.
«Чей памятник?» – «Сусанина».
Я перед ним помешкала,
На рынок побрела.
Там крепко испугалась я,
Чего? Вы не поверите,
Коли сказать теперь:
У поваренка вырвался
Матерый серый селезень,
Стал парень догонять его,
А он как закричит!
Такой был крик, что за душу
Хватил – чуть не упала я,
Так под ножом кричат!
Поймали! шею вытянул
И зашипел с угрозою,
Как будто думал повара,
Бедняга, испугать.
Я прочь бежала, думала:
Утихнет серый селезень
Под поварским ножом!
Теперь дворец начальника
С балконом, с башней, с лестницей,
Ковром богатым устланной,
Весь стал передо мной.
На окна поглядела я:

Завешаны. «В котором-то
Твоя опочиваленка?
Ты сладко ль спишь, желанный мой,
Какие видишь сны?..»
Сторонкой, не по коврику,
Прокралась я в швейцарскую.
«Раненько ты, кума!»
Опять я испугалася,
Макара Федосеича
Я не узнала: выбрился,
Надел ливрею шитую,
Взял в руки булаву,
Как не бывало лысины.
Смеется: «Что ты вздрогнула?»
– «Устала я, родной!»
«А ты не трусь! Бог милостив!
Ты дай еще целковенький,
Увидишь – удружу!»
Дала еще целковенький.
«Пойдем в мою коморочку,
Попьешь пока чайку!»
Коморочка под лестницей:
Кровать да печь железная,
Шандал да самовар.
В углу лампадка теплится,
А по стене картиночки.
«Вот он! – сказал Макар. –
Его превосходительство!»
И щелкнул пальцем бравого
Военного в звездах.
«Да добрый ли?» – спросила я.
«Как стих найдет! Сегодня вот
Я тоже добр, а временем –
Как пес, бываю зол».
«Скучаешь, видно, дяденька?»
– «Нет, тут статья особая,
Не скука тут – война!
И Сам, и люди вечером
Уйдут, а к Федосеичу
В коморку враг: поборемся!
Борюсь я десять лет.
Как выпьешь рюмку лишнюю,
Махорки как накуришься,
Как эта печь накалится

Да свечка нагорит –
Так тут устой…»
Я вспомнила
Про богатырство дедово:
«Ты, дядюшка, – сказала я, –
Должно быть, богатырь!.
«Не богатырь я, милая,
А силой тот не хвастайся,
Кто сна не поборал!»
В коморку постучалися,
Макар ушел… Сидела я,
Ждала, ждала, соскучилась,
Приотворила дверь.
К крыльцу карету подали.
«Сам едет?» – «Губернаторша!» –
Ответил мне Макар
И бросился на лестницу.
По лестнице спускалася
В собольей шубе барыня,
Чиновничек при ней.
Не знала я, что делала
(Да, видно, надоумила
Владычица!)… Как брошусь я
Ей в ноги: «Заступись!
Обманом, не по-божески
Кормильца и родителя
У деточек берут!»
«Откуда ты, голубушка?»
Впопад ли я ответила –
Не знаю… Мука смертная
Под сердце подошла…
Очнулась я, молодчики,
В богатой, светлой горнице,
Под пологом лежу;
Против меня – кормилица,
Нарядная, в кокошнике,
С ребеночком сидит.
«Чье дитятко, красавица?»
– «Твое!» Поцеловала я
Рожоное дитя…
Как в ноги губернаторше
Я пала, как заплакала,
Как стала говорить,
Сказалась усталь долгая,

Истома непомерная,
Упередилось времечко –
Пришла моя пора!
Спасибо губернаторше,
Елене Александровне,
Я столько благодарна ей,
Как матери родной!
Сама крестила мальчика
И имя: Лиодорушка –
Младенцу избрала…»
«А что же с мужем сталося?»
«Послали в Клин нарочного,
Всю истину доведали, –
Филиппушку спасли.
Елена Александровна
Ко мне его, голубчика,
Сама – дай бог ей счастие! –
За ручку подвела.
Добра была, умна была,
Красивая, здоровая,
А деток не дал бог!
Пока у ней гостила я,
Всё время с Лиодорушкой
Носилась, как с родным.
Весна уж начиналася,
Березка распускалася,
Как мы домой пошли…
Хорошо, светло
В мире божием!
Хорошо, легко,
Ясно на сердце.
Мы идем, идем –
Остановимся,
На леса, луга
Полюбуемся,
Полюбуемся
Да послушаем,
Как шумят-бегут
Воды вешние,
Как поет-звенит
Жавороночек!
Мы стоим, глядим…
Очи встретятся –
Усмехнемся мы,

Усмехнется нам
Лиодорушка.
А увидим мы
Старца нищего –
Подадим ему
Мы копеечку:
«Не за нас молись, –
Скажем старому, –
Ты молись, старик,
За Еленушку,
За красавицу
Александровну!»
А увидим мы
Церковь божию –
Перед церковью
Долго крестимся:
«Дай ей, господи,
Радость-счастие,
Доброй душеньке
Александровне!»
Зеленеет лес,
Зеленеет луг,
Где низиночка –
Там и зеркало!
Хорошо, светло
В мире божием!
Хорошо, легко,
Ясно на сердце.
По водам плыву
Белым лебедем,
По степям бегу
Перепелочкой.
Прилетела в дом
Сизым голубем…
Поклонился мне
Свекор-батюшка,
Поклонилася
Мать-свекровушка,
Деверья, зятья
Поклонилися,
Поклонилися,
Повинилися!
Вы садитесь-ка,
Вы не кланяйтесь,

Вы послушайте,
Что скажу я вам:
Тому кланяться,
Кто сильней меня, –
Кто добрей меня,
Тому славу петь.
Кому славу петь?
Губернаторше!
Доброй душеньке
Александровне!»

ГЛАВА 8. БАБЬЯ ПРИТЧА

Замолкла Тимофеевна.
Конечно, наши странники
Не пропустили случая
За здравье губернаторши
По чарке осушить.
И, видя, что хозяюшка
Ко стогу приклонилася,
К ней подошли гуськом:
«Что ж дальше?»
– «Сами знаете:
Ославили счастливицей,
Прозвали губернаторшей
Матрену с той поры…
Что дальше? Домом правлю я,
Рощу детей… На радость ли?
Вам тоже надо знать.
Пять сыновей! Крестьянские
Порядки нескончаемы, –
Уж взяли одного!»
Красивыми ресницами
Моргнула Тимофеевна,
Поспешно приклонилася
Ко стогу головой.
Крестьяне мялись, мешкали,
Шептались: «Ну, хозяюшка!
Что скажешь нам еще?»
«А то, что вы затеяли
Не дело – между бабами
Счастливую искать!..»

«Да всё ли рассказала ты?»
«Чего же вам еще?
Не то ли вам рассказывать,
Что дважды погорели мы,
Что бог сибирской язвою
Нас трижды посетил?
Потуги лошадиные
Несли мы; погуляла я,
Как мерин, в бороне!..
Ногами я не топтана,
Веревками не вязана,
Иголками не колота…
Чего же вам еще?
Сулилась душу выложить,
Да, видно, не сумела я, –
Простите, молодцы!
Не горы с места сдвинулись,
Упали на головушку,
Не бог стрелой громовою
Во гневе грудь пронзил,
По мне – тиха, невидима –
Прошла гроза душевная,
Покажешь ли ее?
По матери поруганной,
Как по змее растоптанной,
Кровь первенца прошла,
По мне обиды смертные
Прошли неотплаченные,
И плеть по мне прошла!
Я только не отведала –
Спасибо! умер Ситников –
Стыда неискупимого,
Последнего стыда!
А вы – за счастьем сунулись!
Обидно, молодцы!
Идите вы к чиновнику,
К вельможному боярину,
Идите вы к царю,
А женщин вы не трогайте, –
Вот бог! ни с чем проходите
До гробовой доски!
К нам на ночь попросилася
Одна старушка божия:
Вся жизнь убогой старицы –

Убийство плоти, пост;
У гроба Иисусова
Молилась, на Афонские
Всходила высоты,
В Иордань-реке купалася…
И та святая старица
Рассказывала мне:
«Ключи от счастья женского,
От нашей вольной волюшки
Заброшены, потеряны
У бога самого!
Отцы-пустынножители,
И жены непорочные,
И книжники-начетчики
Их ищут – не найдут!
Пропали! думать надобно,
Сглонула рыба их…
В веригах, изможденные,
Голодные, холодные,
Прошли господни ратники
Пустыни, города, –
И у волхвов выспрашивать
И по звездам высчитывать
Пытались – нет ключей!
Весь божий мир изведали,
В горах, в подземных пропастях
Искали… Наконец
Нашли ключи сподвижники!
Ключи неоценимые,
А всё – не те ключи!
Пришлись они – великое
Избранным людям божиим
То было торжество –
Пришлись к рабам-невольникам:
Темницы растворилися,
По миру вздох прошел,
Такой ли громкий, радостный!..
А к нашей женской волюшке
Всё нет и нет ключей!
Великие сподвижники
И по сей день стараются –
На дно морей спускаются,
Под небо подымаются, –
Всё нет и нет ключей!

Да вряд они и сыщутся…
Какою рыбой сглонуты
Ключи те заповедные,
В каких морях та рыбина
Гуляет – бог забыл!..»

Пир на весь мир

Посвящается Сергею Петровичу Боткину

Вступление

В конце села Валахчина,
Где житель – пахарь исстари
И частью – смолокур,
Под старой-старой ивою,
Свидетельницей скромною
Всей жизни вахлаков,
Где праздники справляются,
Где сходки собираются,
Где днем секут, а вечером
Целуются, милуются, –
Шел пир, великий пир!
Орудовать по-питерски
Привыкший дело всякое,
Знакомец наш Клим Яковлич,
Видавший благородные
Пиры с речами, спичами,
Затейщик пира был.
На бревна, тут лежавшие,
На сруб избы застроенной
Уселись мужики;
Тут тоже наши странники
Сидели с Власом-старостой
(Им дело до всего).
Как только пить надумали,
Влас сыну-малолеточку
Вскричал: «Беги за Трифоном!»
С дьячком приходским Трифоном,
Гулякой, кумом старосты,
Пришли его сыны,
Семинаристы: Саввушка
И Гриша; было старшему
Ух девятнадцать лет;
Теперь же протодьяконом
Смотрел, а у Григория
Лицо худое, бледное

И волос тонкий, вьющийся,
С оттенком красноты.
Простые парни, добрые,
Косили, жали, сеяли
И пили водку в праздники
С крестьянством наравне.
Тотчас же за селением
Шла Волга, а за Волгою
Был город небольшой
(Сказать точнее, города
В ту пору тени не было,
А были головни:
Пожар всё снес третьеводни).
Так люди мимоезжие,
Знакомцы вахлаков,
Тут тоже становилися,
Парома поджидаючи,
Кормили лошадей.
Сюда брели и нищие,
И тараторка-странница,
И тихий богомол.
В день смерти князя старого
Крестьяне не предвидели,
Что не луга поемные,
А тяжбу наживут.
И, выпив по стаканчику,
Первей всего заспорили:
Как им с лугами быть?
Не вся ты, Русь, обмеряна
Землицей: попадаются
Углы благословенные,
Где ладно обошлось.
Какой-нибудь случайностью –
Неведеньем помещика,
Живущего вдали,
Ошибкою посредника,
А чаще изворотами
Крестьян-руководителей –
В надел крестьянам изредка
Попало и леску.
Там горд мужик, попробуй-ка
В окошко стукнуть староста
За податью – осердится!
Один ответ до времени:

«А ты леску продай!»
И вахлаки надумали
Свои луга поемные
Сдать старосте – на подати:
Всё взвешено, рассчитано,
Как раз – оброк и подати,
С залишком. «Так ли, Влас?»
«А коли подать справлена,
Я никому не здравствую!
Охота есть – работаю,
Не то – валяюсь с бабою,
Не то – иду в кабак!»
«Так!» – вся орда вахлацкая
На слово Клима Лавина
Откликнулась, – на подати!
Согласен, дядя Влас?»
«У Клима речь короткая
И ясная, как вывеска,
Зовущая в кабак, –
Сказал шутливо староста. –
Начнет Климаха бабою,
А кончит – кабаком!»
– «А чем же! Не острогом же
Кончать-ту? Дело верное,
Не каркай, пореши!»
Но Власу не до карканья.
Влас был душа добрейшая,
Болел за всю вахлачину –
Не за одну семью.
Служа при строгом барине,
Нес тяготу на совести
Невольного участника
Жестокостей его.
Как молод был, ждал лучшего,
Да вечно так случалося,
Что лучшее кончалося
Ничем или бедой.
И стал бояться нового,
Богатого посулами,
Неверующий Влас.
Не столько в Белокаменной
По мостовой проехано,
Как по душе крестьянина
Прошло обид… до смеху ли?..

Влас вечно был угрюм.
А тут – сплошал старинушка!
Дурачество вахлацкое
Коснулось и его!
Ему невольно думалось:
«Без барщины… без подати….
Без палки… правда ль, господи?»
И улыбнулся Влас.
Так солнце с неба знойного
В лесную глушь дремучую
Забросил луч – и чудо там:
Роса горит алмазами,
Позолотился мох.
«Пей, вахлачки, погуливай!»
Не в меру было весело:
У каждого в груди
Играло чувство новое,
Как будто выносила их
Могучая волна
Со дна бездонной пропасти
На свет, где нескончаемый
Им уготован пир!
Еще ведро поставили,
Галденье непрерывное
И песни начались!
Как, схоронив покойника,
Родные и знакомые
О нем лишь говорят,
Покамест не управятся
С хозяйским угощением
И не начнут зевать, –
Так и галденье долгое
За чарочкой, под ивою,
Всё, почитай, сложилося
В поминки по подрезанным,
Помещичьим «крепям».
К дьячку с семинаристами
Пристали: «Пой веселую!»
Запели молодцы.
(Ту песню – не народную –
Впервые спел сын Трифона,
Григорий, вахлакам,
И с «Положенья» царского,
С народа крепи снявшего,

Она по пьяным праздникам
Как плясовая пелася
Попами и дворовыми, –
Вахлак ее не пел,
А, слушая, притопывал,
Присвистывал; «веселою»
Не в шутку называл.)

1. ГОРЬКОЕ ВРЕМЯ – ГОРЬКИЕ ПЕСНИ

«Кушай тюрю, Яша!
Молочка-то нет!»
– «Где ж коровка наша?»
– «Увели, мой свет»
Барин для приплоду
Взял ее домой!»
Славно жить народу
На Руси святой!
«Где же наши куры?» –
Девчонки орут.
«Не орите, дуры!
Съел их земский суд;
Взял еще подводу
Да сулил постой…»
Славно жить народу
На Руси святой!
Разломило спину,
А квашня не ждет!
Баба Катерину
Вспомнила – ревет:
В дворне больше году
Дочка… нет родной!
Славно жить народу
На Руси святой!
Чуть из ребятишек,
Глядь – и нет детей:
Царь возьмет мальчишек,
Барин – дочерей!
Одному уроду
Вековать с семьей.
Славно жить народу
На Руси святой!

Потом свою вахлацкую,
Родную, хором грянули,
Протяжную, печальную –
Иных покамест нет.
Не диво ли? широкая
Сторонка Русь крещеная,
Народу в ней тьма тем,
А ни в одной-то душеньке
Спокон веков до нашего
Не загорелась песенка
Веселая да ясная,
Как ведреный денек.
Не диво ли? не страшно ли?
О время, время новое!
Ты тоже в песне скажешься,
Но как?.. Душа народная!
Воссмейся ж наконец!

Барщинная

Беден, нечесан Калинушка,
Нечем ему щеголять,
Только расписана спинушка,
Да за рубахой не знать.
С лаптя до ворота
Шкура вся вспорота,
Пухнет с мякины живот.
Верченый, крученый,
Сеченый, мученый,
Еле Калина бредет.
В ноги кабатчику стукнется,
Горе потопит в вине,
Только в субботу аукнется
С барской конюшни жене…
«Ай, песенка!.. Запомнить бы!..»
Тужили наши странники,
Что память коротка,
А вахлаки бахвалились:
«Мы барщинные! С наше-то
Попробуй, потерпи!
Мы барщинные! выросли
Под рылом у помещика;

День – каторга, а ночь?
Что сраму-то! За девками
Гонцы скакали тройками
По нашим деревням.
В лицо позабывали мы
Друг дружку, в землю глядючи,
Мы потеряли речь.
В молчанку напивалися,
В молчанку целовалися,
В молчанку драка шла!.
– «Ну, ты насчет молчанки-то
Не очень! нам молчанка та
Досталась солоней! –
Сказал соседней волости
Крестьянин, с сеном ехавший
(Нужда пристигла крайняя,
Скосил – и на базар!). –
Решила наша барышня
Гертруда Александровна,
Кто скажет слово крепкое,
Того нещадно драть.
И драли же! Покудова
Не перестали лаяться
А мужику не лаяться –
Едино что молчать.
Намаялись! уж подлинно
Отпраздновали волю мы,
Как праздник: так ругалися,
Что поп Иван обиделся
За звоны колокольные,
Гудевшие в тот день».
Такие сказы чудные
Посыпались… и диво ли?
Ходить далеко за словом
Не надо – всё прописано
На собственной спине.
«У нас была оказия, –
Сказал детина с черными
Большими бакенбардами, –
Так нет ее чудней».
(На малом шляпа круглая,
С значком, жилетка красная,
С десятком светлых пуговиц,
Посконные штаны

И лапти: малый смахивал
На дерево, с которого
Кору подпасок крохотный
Всю снизу ободрал.
А выше – ни царапины,
В вершине не побрезгует
Ворона свить гнездо.)
– «Так что же, брат, рассказывай!»
– «Дай прежде покурю!»
Покамест он покуривал,
У Власа наши странники
Спросили: «Что за гусь?»
– «Так, подбегало-мученик,
Приписан к нашей волости,
Барона Синегузина
Дворовый человек,
Викентий Александрович.
С запяток в хлебопашество
Прыгнул! За ним осталася
И кличка: «Выездной».
Здоров, а ноги слабые,
Дрожат; его-то барыня
В карете цугом ездила
Четверкой по грибы…
Расскажет он! послушайте!
Такая память знатная,
Должно быть (кончил староста),
Сорочьи яйца ел».
Поправив шляпу круглую,
Викентий Александрович
К рассказу приступил.

Про холопа примерного – Якова Верного

Был господин невысокого рода,
Он деревнишку за взятки купил,
Жил в ней безвыездно тридцать три года,
Вольничал, бражничал, горькую пил.
Жадный, скупой, не дружился с дворянами,
Только к сестрице езжал на чаек;
Даже с родными, не только с крестьянами,
Был господин Поливанов жесток;
Дочь повенчав, муженька благоверного
Высек – обоих прогнал нагишом,
В зубы холопа примерного,
Якова верного,
Походя бил каблуком.
Люди холопского звания –
Сущие псы иногда:
Чем тяжелей наказания,
Тем им милей господа.
Яков таким объявился из младости,
Только и было у Якова радости:
Барина холить, беречь, ублажать
Да племяша-малолетка качать.
Так они оба до старости дожили.
Стали у барина ножки хиреть,
Ездил лечиться, да ноги не ожили…
Полно кутить, баловаться и петь!
Очи-то ясные,
Щеки-то красные,
Пухлые руки как сахар белы,
Да на ногах – кандалы!
Смирно помещик лежит под халатом,
Горькую долю клянет,
Яков при барине: другом и братом
Верного Якова барин зовет.
Зиму и лето вдвоем коротали,
В карточки больше играли они,
Скуку рассеять к сестрице езжали
Верст за двенадцать в хорошие дни.
Вынесет сам его Яков, уложит,
Сам на долгушке свезет до сестры,

Сам до старушки добраться поможет,
Так они жили ладком – до поры…
Вырос племянничек Якова, Гриша,
Барину в ноги: «Жениться хочу!»
– «Кто же невеста?» – «Невеста – Ариша».
Барин ответствует: «В гроб вколочу!»
Думал он сам, на Аришу-то глядя:
«Только бы ноги господь воротил!»
Как ни просил за племянника дядя,
Барин соперника в рекруты сбыл.
Крепко обидел холопа примерного,
Якова верного,
Барин, – холоп задурил!
Мертвую запил… Неловко без Якова,
Кто ни послужит – дурак, негодяй!
Злость-то давно накипела у всякого,
Благо есть случай: груби, вымещай!
Барин то просит, то пески ругается,
Так две недели прошли.
Вдруг его верный холоп возвращается…
Первое дело – поклон до земли.
Жаль ему, видишь ты, стало безногого:
Кто-де сумеет его соблюсти?
«Не поминай только дела жестокого;
Буду свой крест до могилы нести!»
Снова помещик лежит под халатом,
Снова у ног его Яков сидит,
Снова помещик зовет его братом.
«Что ты нахмурился, Яша?» – «Мутит!»
Много грибков нанизали на нитки,
В карты сыграли, чайку напились,
Ссыпали вишни, малину в напитки
И поразвлечься к сестре собрались.
Курит помещик, лежит беззаботно,
Ясному солнышку, зелени рад.
Яков угрюм, говорит неохотно,
Вожжи у Якова дрожмя дрожат,
Крестится. «Чур меня, сила нечистая! –
Шепчет, – рассыпься!» (мутил его враг),
Едут… Направо трущоба лесистая,
Имя ей исстари: Чертов овраг;
Яков свернул и поехал оврагом,
Барин опешил: «Куда ж ты, куда?»
Яков ни слова. Проехали шагом

Несколько верст; не дорога – беда!
Ямы, валежник; бегут по оврагу
Вешние воды, деревья шумят.
Стали лошадки – и дальше ни шагу,
Сосны стеной перед ними торчат.
Яков, не глядя на барина бедного,
Начал коней отпрягать,
Верного Яшу, дрожащего, бледного,
Начал помещик тогда умолять.
Выслушал Яков посулы – и грубо,
Зло засмеялся: «Нашел душегуба!
Стану я руки убийством марать,
Нет, не тебе умирать!»
Яков на сосну высокую прянул,
Вожжи в вершине ее укрепил,
Перекрестился, на солнышко глянул,
Голову в петлю – и ноги спустил!..
Экие страсти господни! висит
Яков над барином, мерно качается.
Мечется барин, рыдает, кричит,
Эхо одно откликается!
Вытянув голову, голос напряг
Барин – напрасные крики!
В саван окутался Чертов овраг,
Ночью там росы велики,
Зги не видать! только совы снуют,
Оземь ширяясь крылами,
Слышно, как лошади листья жуют,
Тихо звеня бубенцами.
Словно чугунка подходит – горят
Чьи-то два круглые, яркие ока,
Птицы какие-то с шумом летят,
Слышно, посели они недалеко.
Ворон над Яковом каркнул один.
Чу! их слетелось до сотни!
Ухнул, грозит костылем господин!
Экие страсти господни!
Барин в овраге всю ночь пролежал,
Стонами птиц и волков отгоняя,
Утром охотник его увидал.
Барин вернулся домой, причитая:
«Грешен я, грешен! Казните меня!»
Будешь ты, барин, холопа примерного,
Якова верного,

Помнить до судного дня!
«Грехи, грехи, – послышалось
Со всех сторон. – Жаль Якова,
Да жутко и за барина, –
Какую принял казнь!»
– «Жалей!..» Еще прослышали
Два-три рассказа страшные
И горячо заспорили
О том, кто всех грешней.
Один сказал: кабатчики,
Другой сказал: помещики,
А третий – мужики.
То был Игнатий Прохоров,
Извозом занимавшийся,
Степенный и зажиточный
Мужик – не пустослов.
Видал он виды всякие,
Изъездил всю губернию
И вдоль и поперек.
Его послушать надо бы,
Однако вахлаки
Так обозлились, не дали
Игнатью слово вымолвить,
Особенно Клим Яковлев
Куражился: «Дурак же ты!..»
– «А ты бы прежде выслушал…»
– «Дурак же ты…»
– «И все-то вы,
Я вижу, дураки! –
Вдруг вставил слово грубое
Еремин, брат купеческий,
Скупавший у крестьян
Что ни попало, лапти ли,
Теленка ли, бруснику ли,
А главное – мастак
Подстерегать оказии,
Когда сбирались подати
И собственность вахлацкая
Пускалась с молотка. –
Затеять спор затеяли,
А в точку не утрафили!
Кто всех грешней? подумайте!»
– «Ну, кто же? говори!»
– «Известно кто: разбойники!»

А Клим ему в ответ:
«Вы крепостными не были,
Была капель великая,
Да не на вашу плешь!
Набил мошну: мерещатся
Везде ему разбойники;
Разбой – статья особая,
Разбой тут ни при чем!»
– «Разбойник за разбойника
Вступился!» – прасол вымолвил,
А Лавин – скок к нему!
«Молись!» – и в зубы прасола.
«Прощайся с животишками!» –
И прасол в зубы Лавина.
«Ай, драка! молодцы!»
Крестьяне расступилися,
Никто не подзадоривал,
Никто не разнимал.
Удары градом сыпались:
«Убью! пиши к родителям!»
– «Убью! зови попа!»
Тем кончилось, что прасола
Клим сжал рукой, как обручем,
Другой вцепился в волосы
И гнул со словом «кланяйся»
Купца к своим ногам.
«Ну, баста!» – прасол вымолвил.
Клим выпустил обидчика,
Обидчик сел на бревнышко,
Платком широким клетчатым
Отерся и сказал:
«Твоя взяла! не диво ли?
Не жнет, не пашет – шляется
По коновальской должности.
Как сил не нагулять?»
(Крестьяне засмеялися.)
– «А ты еще не хочешь ли?» –
Сказал задорно Клим.
«Ты думал, нет? Попробуем!»
Купец снял чуйку бережно
И в руки поплевал.
«Раскрыть уста греховные
Пришел черед: прислушайте!
И так вас помирю!» –

Вдруг возгласил Ионушка,
Весь вечер молча слушавший,
Вздыхавший и крестившийся,
Смиренный богомол.
Купец был рад; Клим Яковлев
Помалчивал. Уселися,
Настала тишина.

2. Странники и богомольцы

Бездомного, безродного
Немало попадается
Народу на Руси,
Не жнут, не сеют – кормятся
Из той же общей житницы,
Что кормит мышку малую
И воинство несметное:
Оседлого крестьянина
Горбом ее зовут.
Пускай народу ведомо,
Что целые селения
На попрошайство осенью,
Как на доходный промысел,
Идут: в народной совести
Уставилось решение,
Что больше тут злосчастия,
Чем лжи, – им подают.
Пускай нередки случаи,
Что странница окажется
Воровкой; что у баб
За просфоры афонские,
За «слезки богородицы»
Паломник пряжу выманит,
А после бабы сведают,
Что дальше Тройцы-Сергия
Он сам-то не бывал.
Был старец, чудным пением
Пленял сердца народные;
С согласья матерей,
В селе Крутые Заводи
Божественному пению
Стал девок обучать;

Всю зиму девки красные
С ним в риге запиралися,
Оттуда пенье слышалось,
А чаще смех и визг.
Однако чем же кончилось?
Он петь-то их не выучил,
А перепортил всех.
Есть мастера великие
Подлаживаться к барыням:
Сначала через баб
Доступится до девичьей,
А там и до помещицы.
Бренчит ключами, по двору
Похаживает барином,
Плюет в лицо крестьянину,
Старушку богомольную
Согнул в бараний рог!
Но видит в тех же странниках
И лицевую сторону
Народ. Кем церкви строятся?
Кто кружки монастырские
Наполнил через край?
Иной добра не делает,
И зла за ним не видится,
Иного не поймешь.
Знаком народу Фомушка:
Вериги двупудовые
По телу опоясаны
Зимой и летом бос,
Бормочет непонятное,
А жить – живет по-божески:
Доска да камень в головы,
А пища – хлеб один.
Чуден ему и памятен
Старообряд Кропильников,
Старик, вся жизнь которого
То воля, то острог.
Пришел в село Усолово:
Корит мирян безбожием,
Зовет в леса дремучие
Спасаться. Становой
Случился тут, всё выслушал:
«К допросу сомустителя!»
Он тоже и ему:

«Ты враг Христов, антихристов
Посланник!» Сотский, староста
Мигали старику:
«Эй, покорись!» Не слушает!
Везли его в острог,
А он корил начальника
И, на телеге стоючи,
Усоловцам кричал:
«Горе вам, горе, пропащие головы!
Были оборваны, – будете голы вы,
Били вас палками, розгами, кнутьями,
Будете биты железными прутьями!..»
Усоловцы крестилися,
Начальник бил глашатая:
«Попомнишь ты, анафема,
Судью ерусалимского!»
У парня, у подводчика,
С испугу вожжи выпали
И волос дыбом стал!
И, как на грех, воинская
Команда утром грянула:
В Устой, село недальное,
Солдатики пришли.
Допросы! усмирение!
Тревога! по сопутности
Досталось и усоловцам:
Пророчество строптивого
Чуть в точку не сбылось.
Вовек не позабудется
Народом Ефросиньюшка,
Посадская вдова:
Как божия посланница
Старушка появляется
В холерные года;
Хоронит, лечит, возится
С больными. Чуть не молятся
Крестьянки на нее…
Стучись же, гость неведомый!
Кто б ни был ты, уверенно
В калитку деревенскую
Стучись! Не подозрителен
Крестьянин коренной,
В нем мысль не зарождается,
Как у людей достаточных,

При виде незнакомого,
Убогого и робкого:
Не стибрил бы чего?
А бабы – те радехоньки.
Зимой перед лучиною
Сидит семья, работает,
А странничек гласит.
Уж в баньке он попарился,
Ушицы ложкой собственной,
С рукой благословляющей,
Досыта похлебал.
По жилам ходит чарочка,
Рекою льется речь.
В избе всё словно замерло:
Старик, чинивший лапотки,
К ногам их уронил;
Челнок давно не чикает,
Заслушалась работница
У ткацкого станка;
Застыл уж на уколотом
Мизинце у Евгеньюшки,
Хозяйской старшей дочери,
Высокий бугорок,
А девка и не слышала,
Как укололась до крови;
Шитье к ногам спустилося,
Сидит – зрачки расширены,
Руками развела…
Ребята, свесив головы
С полатей, не шелохнутся:
Как тюленята сонные
На льдинах за Архангельском,
Лежат на животе.
Лиц не видать, завешены
Спустившимися прядями
Волос – не нужно сказывать,
Что желтые они.
Постой! уж скоро странничек
Доскажет быль афонскую,
Как турка взбунтовавшихся
Монахов в море гнал,
Как шли покорно иноки
И погибали сотнями…
Услышишь шепот ужаса,

Увидишь ряд испуганных,
Слезами полных глаз!
Пришла минута страшная –
И у самой хозяюшки
Веретено пузатое
Скатилося с колен.
Кот Васька насторожился –
И прыг к веретену!
В другую пору то-то бы
Досталось Ваське шустрому,
А тут и не заметили,
Как он проворной лапкою
Веретено потрогивал,
Как прыгал на него
И как оно каталося,
Пока не размоталася
Напряденная нить!
Кто видывал, как слушает
Своих захожих странников
Крестьянская семья,
Поймет, что ни работою,
Ни вечною заботою,
Ни игом рабства долгого,
Ни кабаком самим
Еще народу русскому
Пределы не поставлены:
Пред ним широкий путь.
Когда изменят пахарю
Поля старозапашные,
Клочки в лесных окраинах
Он пробует пахать.
Работы тут достаточно,
Зато полоски новые
Дают без удобрения
Обильный урожай.
Такая почва добрая –
Душа народа русского…
О сеятель! приди!..
Иона (он же Ляпушкин)
Сторонушку вахлацкую
Издавна навещал.
Не только не гнушалися
Крестьяне божьим странником,
А спорили о том,

Кто первый приютит его,
Пока их спорам Ляпушкин
Конца не положил:
«Эй! бабы!» выносите-ка
Иконы!» Бабы вынесли;
Пред каждою иконою
Иона падал ниц:
«Не спорьте! дело божие,
Котора взглянет ласковей,
За тою и пойду!»
И часто за беднейшею
Иконой шел Ионушка
В беднейшую избу.
И к той избе особое
Почтенье: бабы бегают
С узлами, сковородками
В ту избу. Чашей полною,
По милости Ионушки,
Становится она.
Негромко и неторопко
Повел рассказ Ионушка
«О двух великих грешниках»,
Усердно покрестясь.

О двух великих грешниках

Господу богу помолимся,
Древнюю быль возвестим,
Мне в Соловках ее сказывал
Инок, отец Питирим.
Было двенадцать разбойников,
Был Кудеяр – атаман,
Много разбойники пролили
Крови честных христиан,
Много богатства награбили,
Жили в дремучем лесу,
Вождь Кудеяр из-под Киева
Вывез девицу-красу.
Днем с полюбовницей тешился,
Ночью набеги творил,
Вдруг у разбойника лютого
Совесть господь пробудил.
Сон отлетел; опротивели
Пьянство, убийство, грабеж,
Тени убитых являются,
Целая рать – не сочтешь!
Долго боролся, противился
Господу зверь-человек,
Голову снес полюбовнице
И есаула засек.
Совесть злодея осилила,
Шайку свою распустил,
Роздал на церкви имущество,
Нож под ракитой зарыл.
И прегрешенья отмаливать
К гробу господню идет,
Странствует, молится, кается,
Легче ему не стает.
Старцем, в одежде монашеской,
Грешник вернулся домой,
Жил под навесом старейшего
Дуба, в трущобе лесной.
Денно и нощно всевышнего
Молит: грехи отпусти!
Тело предай истязанию,
Дай только душу спасти!
Сжалился бог и к спасению

Схимнику путь указал:
Старцу в молитвенном бдении
Некий угодник предстал,
Рек «Не без божьего промысла
Выбрал ты дуб вековой,
Тем же ножом, что разбойничал,
Срежь его, той же рукой!
Будет работа великая,
Будет награда за труд;
Только что рухнется дерево –
Цепи греха упадут».
Смерил отшельник страшилище:
Дуб – три обхвата кругом!
Стал на работу с молитвою,
Режет булатным ножом,
Режет упругое дерево,
Господу славу поет,
Годы идут – подвигается
Медленно дело вперед.
Что с великаном поделает
Хилый, больной человек?
Нужны тут силы железные,
Нужен не старческий век!
В сердце сомнение крадется,
Режет и слышит слова:
«Эй, старина, что ты делаешь?»
Перекрестился сперва,
Глянул – и пана Глуховского
Видит на борзом коне,
Пана богатого, знатного,
Первого в той стороне.
Много жестокого, страшного
Старец о пане слыхал
И в поучение грешнику
Тайну свою рассказал.
Пан усмехнулся: «Спасения
Я уж не чаю давно,
В мире я чту только женщину,
Золото, честь и вино.
Жить надо, старче, по-моему:
Сколько холопов гублю,
Мучу, пытаю и вешаю,
А поглядел бы, как сплю!»
Чудо с отшельником сталося:

Бешеный гнев ощутил,
Бросился к пану Глуховскому,
Нож ему в сердце вонзил!
Только что пан окровавленный
Пал головой на седло,
Рухнуло древо громадное,
Эхо весь лес потрясло.
Рухнуло древо, скатилося
С инока бремя грехов!..
Господу богу помолимся:
Милуй нас, темных рабов!

3. Старое и новое

Иона кончил, крестится;
Народ молчит. Вдруг прасола
Сердитым криком прорвало:
«Эй вы, тетери сонные!
Па-ром, живей, па-ром!»
– «Парома не докличишься
До солнца! перевозчики
И днем-то трусу празднуют,
Паром у них худой,
Пожди! Про Кудеяра-то…»
– «Паром! пар-ом! пар-ом!»
Ушел, с телегой возится,
Корова к ней привязана –
Он пнул ее ногой;
В ней курочки курлыкают,
Сказал им: «Дуры! цыц!»
Теленок в ней мотается –
Досталось и теленочку
По звездочке на лбу.
Нажег коня саврасого
Кнутом – и к Волге двинулся.
Плыл месяц над дорогою,
Такая тень потешная
Бежала рядом с прасолом
По лунной полосе!
«Отдумал, стало, драться-то?
А спорить – видит – не о чем, –
Заметил Влас. – Ой, господи!
Велик дворянский грех!»
– «Велик, а всё не быть ему
Против греха крестьянского», –
Опять Игнатий Прохоров
Не вытерпел – сказал.
Клим плюнул. «Эх приспичило!
Кто с чем, а нашей галочке
Родные галченяточки
Всего милей… Ну, сказывай,
Что за великий грех?»

Крестьянский грех

Аммирал-вдовец по морям ходил,
По морям ходил, корабли водил,
Под Ачаковым бился с туркою,
Наносил ему поражение,
И дала ему государыня
Восемь тысяч душ в награждение.
В той ли вотчине припеваючи
Доживает век аммирал-вдовец,
И вручает он, умираючи,
Глебу-старосте золотой ларец.
«Гой, ты, староста! Береги ларец!
Воля в нем моя сохраняется:
Из цепей-крепей на свободушку
Восемь тысяч душ отпускается!»
Аммирал-вдовец на столе лежит…
Дальний родственник хоронить катит.
Схоронил, забыл! Кличет старосту
И заводит с ним речь окольную;
Всё повыведал, насулил ему
Горы золота, выдал вольную…
Глеб – он жаден был – соблазняется:
Завещание сожигается!
На десятки лет, до недавних дней
Восемь тысяч душ закрепил злодей,
С родом, с племенем; что народу-то!
Что народу-то! С камнем в воду-то!
Всё прощает бог, а Иудин грех
Не прощается.
Ой, мужик! мужик! ты грешнее всех,
И за то тебе вечно маяться!
Суровый и рассерженный,
Громовым грозным голосом
Игнатий кончил речь.
Толпа вскочила на ноги,
Пронесся вздох, послышалось:
«Так вот он, грех крестьянина!
И впрямь страшенный грех!»
– «И впрямь: нам вечно маяться,
Ох-ох!..» – сказал сам староста,
Опять убитый, в лучшее
Не верующий Влас.

И скоро поддававшийся
Как горю, так и радости,
«Великий грех! великий грех!» –
Тоскливо вторил Клим.
Площадка перед Волгою,
Луною освещенная,
Переменилась вдруг.
Пропали люди гордые,
С уверенной походкою,
Остались вахлаки,
Досыта не едавшие,
Несолоно хлебавшие,
Которых вместо барина
Драть будет волостной,
К которым голод стукнуться
Грозит: засуха долгая
А тут еще – жучок!
Которым прасол-выжига
Урезать цену хвалится
На их добычу трудную,
Смолу, слезу вахлацкую, –
Урежет, попрекнет:
«За что платить вам много-то?
У вас товар некупленный,
Из вас на солнце топится
Смола, как из сосны!»
Опять упали бедные
На дно бездонной пропасти,
Притихли, приубожились,
Легли на животы;
Лежали, думу думали
И вдруг запели. Медленно,
Как туча надвигается,
Текли слова тягучие.
Так песню отчеканили,
Что сразу наши странники
Упомнили ее:

Голодная

Стоит мужик –
Колышется,
Идет мужик –
Не дышится!
С коры его
Распучило,
Тоска-беда
Измучила.
Темней лица
Стеклянного
Не видано
У пьяного.
Идет – пыхтит,
Идет – и спит,
Прибрел туда,
Где рожь шумит.
Как идол стал
На полосу,
Стоит, поет
Без голосу:
«Дозрей, дозрей
Рожь-матушка!
Я пахарь твой,
Панкратушка!
Ковригу съем
Гора горой,
Ватрушку съем
Со стол большой!
Всё съем один,
Управлюсь сам.
Хоть мать, хоть сын
Проси – не дам!»
«Ой, батюшки, есть хочется!» –
Сказал упалым голосом
Один мужик; из пещура
Достал краюху – ест.
«Поют они без голосу,
А слушать – дрожь по волосу!» –
Сказал другой мужик.
И правда, что не голосом –
Нутром – свою «Голодную»

Пропели вахлаки.
Иной во время пения
Стал на ноги, показывал,
Как шел мужик расслабленный,
Как сон долил голодного,
Как ветер колыхал,
И были строги, медленны
Движенья. Спев «Голодную»
Шатаясь, как разбитые,
Гуськом пошли к ведерочку
И выпили певцы.
«Дерзай!» – за ними слышится
Дьячково слово; сын его
Григорий, крестник старосты,
Подходит к землякам.
«Хошь водки?» – «Пил достаточно.
Что тут у вас случилося?
Как в воду вы опущены!..»
– «Мы?.. что ты?..» Насторожились,
Влас положил на крестника
Широкую ладонь.
«Неволя к вам вернулася?
Погонят вас на барщину?
Луга у вас отобраны?»
– «Луга-то?.. Шутишь брат!»
– «Так что ж переменилося?»..
Закаркали «Голодную»,
Накликать голод хочется?»
– «Никак и впрямь ништо!» –
Клим как из пушки выпалил;
У многих зачесалися
Затылки, шепот слышится:
«Никак и впрямь ништо!»
«Пей вахлачки, погуливай!
Всё ладно, всё по-нашему,
Как было ждано-гадано.
Не вешай головы!»
«По-нашему ли, Климушка?
А Глеб-то?..»
Потолковано
Немало: в рот положено,
Что не они ответчики
За Глеба окаянного,
Всему виною: крепь!

«Змея родит змеенышей,
А крепь – грехи помещика,
Грех Якова несчастного,
Грех Глеба родила!
Нет крепи – нет помещика,
До петли доводящего
Усердного раба,
Нет крепи – нет дворового,
Самоубийством мстящего
Злодею своему,
Нет крепи – Глеба нового
Не будет на Руси!»
Всех пристальней, всех радостней
Прослушал Гришу Пров:
Осклабился, товарищам
Сказал победным голосом:
«Мотайте-ка на ус!»
– «Так, значит, и «Голодную»
Теперь навеки побоку?
Эй, други! Пой веселую!» –
Клим радостно кричал…
Пошло, толпой подхвачено,
О крепи слово верное
Трепаться: «Нет змеи –
Не будет и змеенышей!»
Клим Яковлев Игнатия
Опять ругнул: «Дурак же ты!»
Чуть-чуть не подрались!
Дьячок рыдал над Гришею:
«Создаст же бог головушку!
Недаром порывается
В Москву, в новорситет!»
А Влас его поглаживал:
«Дай бог тебе и серебра,
И золотца, дай умную,
Здоровую жену!»
– «Не надо мне ни серебра
Ни золота, а дай господь,
Чтоб землякам моим
И каждому крестьянину
Жилось вольготно-весело
На всей святой Руси!» –
Зардевшись, словно девушка,
Сказал из сердца самого

Григорий – и ушел.
Светает. Снаряжаются
Подводчики. «Эй, Влас Ильич!
Иди сюда, гляди, кто здесь!» –
Сказал Игнатий Прохоров,
Взяв к бревнам приваленную
Дугу. Подходит Влас,
За ним бегом Клим Яковлев,
За Климом – наши странники
(Им дело до всего):
За бревнами, где нищие
Вповалку спали с вечера,
Лежал какой-то смученный,
Избитый человек;
На нем одежа новая,
Да только вся изорвана,
На шее красный шелковый
Платок, рубаха красная,
Жилетка и часы.
Нагнулся Лавин к спящему,
Взглянул и с криком: «Бей его!»
Пнул в зубы каблуком.
Вскочил детина, мутные
Протер глаза, а Влас его
Тем временем в скулу.
Как крыса прищемленная,
Детина пискнул жалобно –
И к лесу! Ноги длинные,
Бежит – земля дрожит!
Четыре парня бросились
В погоню за детиною,
Народ кричал им: «Бей его!»,
Пока в лесу не скрылися
И парни, и беглец.
«Что за мужчина? – старосту
Допытывали странники. –
За что его тузят?»
«Не знаем, так наказано
Нам из села из Тискова,
Что буде где покажется
Егорка Шутов – бить его!
И бьем. Подъедут тисковцы,
Расскажут». – «Удоволили?» –
Спросил старик вернувшихся

С погони молодцов.
«Догнали, удоволили!
Побег к Кузьмо-Демьянскому,
Там, видно, переправиться
За Волгу норовит».
«Чудной народ! бьют сонного,
За что про что не знаючи…»
«Коли всем миром велено:
Бей! – стало, есть за что! –
Прикрикнул Влас на странников. –
Не ветрогоны тисковцы,
Давно ли там десятого
Пороли?.. ой, Егор!..
Ай служба – должность подлая!
Гнусь-человек! – Не бить его,
Так уж кого и бить?
Не нам одним наказано:
От Тискова по Волге-то
Тут деревень четырнадцать, –
Чай, через все четырнадцать
Прогнали, как сквозь строй!»
Притихли наши странники.
Узнать-то им желательно,
В чем штука, да прогневался
И так уж дядя Влас.
Совсем светло. Позавтракать
Мужьям хозяйки вынесли:
Ватрушки с творогом,
Гусятина (прогнали тут
Гусей; три затомилися,
Мужик их нес под мышкою:
«Продай! помрут до городу!» –
Купили ни за что).
Как пьет мужик, толковано
Немало, а не всякому
Известно, как он ест.
Жаднее на говядину,
Чем на вино, бросается.
Был тут непьющий каменщик,
Так опьянел с гусятины,
Начто твое вино!
Чу! слышен крик: «Кто едет-то!
Кто едет-то!» Наклюнулось
Еще подспорье шумному

Веселью вахлаков.
Воз с сеном приближается,
Высоко на возу
Сидит солдат Овсяников,
Верст на двадцать в окружности
Знакомый мужикам,
И рядом с ним Устиньюшка,
Сироточка-племянница,
Поддержка старика.
Райком кормился дедушка,
Москву да Кремль показывал,
Вдруг инструмент испортился,
А капиталу нет!
Три желтенькие ложечки
Купил – так не приходятся
Заученные натвердо
Присловья к новой музыке,
Народа не смешат!
Хитер солдат! по времени
Слова придумал новые,
И ложки в ход пошли.
Обрадовались старому:
«Здорово, дедко! спрыгни-ка,
Да выпей с нами рюмочку,
Да в ложечки ударь!»
– «Забраться-то забрался я,
А как сойду, не ведаю:
Ведет!» – «Небось до города
Опять за полной пенцией?
Да город-то сгорел!»
– «Сгорел? И поделом ему!
Сгорел? Так я до Питера!
Там все мои товарищи
Гуляют с полной пенцией,
Там – дело разберут!»
– «Чай, по чугунке тронешься?»
Служивый посвистал:
«Недолго послужила ты
Народу православному,
Чугунка бусурманская!
Была ты нам люба,
Как от Москвы до Питера
Возила за три рублика,
А коли семь-то рубликов

Платить, так черт с тобой!»
«А ты ударь-ка в ложечки, –
Сказал солдату староста, –
Народу подгулявшего
Покуда тут достаточно,
Авось дела поправятся.
Орудуй живо, Клим!»
(Влас Клима недолюбливал,
А чуть делишко трудное,
Тотчас к нему: «Орудуй, Клим!»,
А Клим тому и рад.)
Спустили с воза дедушку,
Солдат был хрупок на ноги,
Высок и тощ до крайности;
На нем сюртук с медалями
Висел, как на шесте.
Нельзя сказать, чтоб доброе
Лицо имел, особенно
Когда сводило старого –
Черт чертом! Рот ощерится,
Глаза – что угольки!
Солдат ударил в ложечки,
Что было вплоть до берегу
Народу – всё сбегается.
Ударил – и запел:

Солдатская

Тошен свет,
Правды нет,
Жизнь тошна,
Боль сильна.
Пули немецкие,
Пули турецкие,
Пули французские,
Палочки русские!
Тошен свет,
Хлеба нет,
Крова нет,
Смерти нет.
Ну-тка, с редута-то с первого номеру,
Ну-тка, с Георгием – по миру, по миру!
У богатого,
У богатины,
Чуть не подняли
На рогатину.
Весь в гвоздях забор
Ощетинился,
А хозяин, вор,
Оскотинился.
Нет у бедного
Гроша медного:
«Не взыщи солдат!»
– «И не надо, брат!»
Тошен свет,
Хлеба нет,
Крова нет,
Смерти нет.
Только трех Матрен
Да Луку с Петром
Помяну добром.
У Луки с Петром
Табачку нюхнем,
А у трех Матрен
Провиант найдем.
У первой Матрены
Груздочки ядрены,
Матрена вторая
Несет каравая,

У третьей водицы попью из ковша:
Вода ключевая, а мера – душа!
Тошен свет,
Правды нет,
Жизнь тошна,
Боль сильна.
Служивого задергало.
Опершись на Устиньюшку,
Он поднял ногу левую
И стал ее раскачивать,
Как гирю на весу;
Проделал то же с правою,
Ругнулся: «Жизнь проклятая!» –
И вдруг на обе стал.
«Орудуй, Клим!» По-питерски
Клим дело оборудовал:
По блюдцу деревянному
Дал дяде и племяннице,
Поставил их рядком,
А сам вскочил на бревнышко
И громко крикнул: «Слушайте!»
(Служивый не выдерживал
И часто в речь крестьянина
Вставлял словечко меткое
И в ложечки стучал.)

Клим

Колода есть дубовая
У моего двора,
Лежит давно: из младости
Колю на ней дрова,
Так та не столь изранена,
Как господин служивенький.
Взгляните: в чем душа!

Солдат

Пули немецкие,
Пули турецкие,
Пули французские,
Палочки русские.

Клим

А пенциону полного
Не вышло, забракованы
Все раны старика;
Взглянул помощник лекаря,
Сказал: «Второразрядные!
По ним и пенцион».

Солдат

Полного выдать не велено:
Сердце насквозь не прострелено!
(Служивый всхлипнул; в ложечки
Хотел ударить, – скорчило!
Не будь при нем Устиньюшки,
Упал бы старина.)

Клим

Солдат опять с прошением.
Вершками раны смерили
И оценили каждую
Чуть-чуть не в медный грош.
Так мерил пристав следственный
Побои на подравшихся
На рынке мужиках:
«Под правым глазом ссадина
Величиной с двугривенный,
В средине лба пробоина
В целковый. Итого:
На рубль пятнадцать с деньгою
Побоев…» Приравняем ли
К побоищу базарному
Войну под Севастополем,
Где лил солдатик кровь?

Солдат

Только горами не двигали
А на редуты как прыгали!
Зайцами, белками, дикими кошками.

Там и простился я с ножками,
С адского грохоту, свисту оглох,
С русского голоду чуть не подох!

Клим

Ему бы в Питер надобно
До комитета раненых, –
Пеш до Москвы дотянется,
А дальше как? Чугунка-то
Кусаться начала!

Солдат

Важная барыня! гордая барыня!
Ходит, змеею шипит:
«Пусто вам! пусто вам! пусто вам!» –
Русской деревне кричит;
В рожу крестьянину фыркает,
Давит, увечит, кувыркает,
Скоро весь русский народ
Чище метлы подметет.
Солдат слегка притопывал,
И слышалось, как стукалась
Сухая кость о кость,
А Клим молчал: уж двинулся
К служивому народ.
Все дали: по копеечке,
По грошу, на тарелочках
Рублишко набрался…

4. Доброе время – добрые песни

В замену спичей с песнями,
В подспорье речи с дракою
Пир только к утру кончился,
Великий пир!.. Расходится
Народ. Уснув, осталися
Под ивой наши странники,
И тут же спал Ионушка,
Смиренный богомол.
Качаясь, Савва с Гришею
Вели домой родителя
И пели; в чистом воздухе
Над Волгой, как набатные,
Согласные и сильные
Гремели голоса:
Доля народа,
Счастье его,
Свет и свобода
Прежде всего!
Мы же немного
Просим у бога:
Честное дело
Делать умело
Силы нам дай!
Жизнь трудовая –
Другу прямая
К сердцу дорога,
Прочь от порога,
Трус и лентяй!
То ли не рай?
Доля народа,
Счастье его,
Свет и свобода
Прежде всего!
Беднее захудалого
Последнего крестьянина
Жил Трифон. Две коморочки:
Одна с дымящей печкою,
Другая в сажень – летняя,
И вся тут недолга;
Коровы нет, лошадки нет,
Была собака Зудушка,

Был кот – и те ушли.
Спать уложив родителя,
Взялся за книгу Саввушка,
А Грише не сиделося,
Ушел в поля, в луга.
У Гриши – кость широкая,
Но сильно исхудалое
Лицо – их недокармливал
Хапуга-эконом.
Григорий в семинарии
В час ночи просыпается
И уж потом до солнышка
Не спит – ждет жадно ситника,
Который выдавался им
Со сбитнем по утрам.
Как ни бедна вахлачина,
Они в ней отъедалися.
Спасибо Власу-крестному
И прочим мужикам!
Платили им молодчики,
По мере сил, работою,
По их делишкам хлопоты
Справляли в городу.
Дьячок хвалился детками,
А чем они питаются –
И думать позабыл.
Он сам был вечно голоден,
Весь тратился на поиски,
Где выпить, где поесть.
И был он нрава легкого,
А будь иного, вряд ли бы
И дожил до седин.
Его хозяйка Домнушка
Была куда заботлива,
Зато и долговечности
Бог не дал ей. Покойница
Всю жизнь о соли думала:
Нет хлеба – у кого-нибудь
Попросит, а за соль
Дать надо деньги чистые,
А их по всей вахлачине,
Сгоняемой на барщину,
Не густо! Благо – хлебушком
Вахлак делился с Домною.

Давно в земле истлели бы
Ее родные деточки,
Не будь рука вахлацкая
Щедра, чем бог послал.
Батрачка безответная
На каждого, кто чем-нибудь
Помог ей в черный день,
Всю жизнь о соли думала,
О соли пела Домнушка –
Стирала ли, косила ли,
Баюкала ли Гришеньку,
Любимого сынка.
Как сжалось сердце мальчика,
Когда крестьянки вспомнили
И спели песню Домнину
(Прозвал ее «Соленою»
Находчивый вахлак).

Соленая

Никто как бог!
Не ест, не пьет
Меньшой сынок,
Гляди – умрет!
Дала кусок,
Дала другой –
Не ест, кричит:
«Посыпь сольцой!»
А соли нет,
Хоть бы щепоть!
«Посыпь мукой», –
Шепнул господь.
Раз-два куснул,
Скривил роток.
«Соли еще!» –
Кричит сынок.
Опять мукой…
А на кусок
Слеза рекой!
Поел сынок!
Хвалилась мать –
Сынка спасла…
Знать, солона
Слеза была!..
Запомнил Гриша песенку
И голосом молитвенным
Тихонько в семинарии,
Где было темно, холодно,
Угрюмо, строго, голодно,
Певал – тужил о матушке
И обо всей вахлачине,
Кормилице своей.
И скоро в сердце мальчика
С любовью к бедной матери
Любовь ко всей вахлачине
Слилась, – и лет пятнадцати
Григорий твердо знал уже,
Что будет жить для счастия
Убогого и темного
Родного уголка.
Довольно демон ярости

Летал с мечом карающим
Над русскою землей.
Довольно рабство тяжкое
Одни пути лукавые
Открытыми, влекущими
Держало на Руси!
Над Русью отживающей
Иная песня слышится:
То ангел милосердия,
Незримо пролетающий
Над нею, души сильные
Зовет на честный путь.
Средь мира дольнего
Для сердца вольного
Есть два пути.
Взвесь силу гордую,
Взвесь волю твердую, –
Каким идти?
Одна просторная
Дорога – торная,
Страстей раба,
По ней громадная,
К соблазну жадная
Идет толпа.
О жизни искренней,
О цели выспренней
Там мысль смешна.
Кипит там вечная,
Бесчеловечная
Вражда-война
За блага бренные.
Там души пленные
Полны греха.
На вид блестящая,
Там жизнь мертвящая
К добру глуха.
Другая – тесная
Дорога, честная,
По ней идут
Лишь души сильные,
Любвеобильные,
На бой, на труд.
За обойденного,
За угнетенного –

По их стопам
Иди к униженным,
Иди к обиженным –
Будь первый там!
И ангел милосердия
Недаром песнь призывную
Поет над русским юношей, –
Немало Русь уж выслала
Сынов своих, отмеченных
Печатью дара божьего,
На честные пути,
Немало их оплакала
(Пока звездой падучею
Проносятся они!).
Как ни темна вахлачина,
Как ни забита барщиной
И рабством – и она,
Благословясь, поставила
В Григорье Добросклонове
Такого посланца.
Ему судьба готовила
Путь славный, имя громкое
Народного заступника,
Чахотку и Сибирь.
Светило солнце ласково,
Дышало утро раннее
Прохладой, ароматами
Косимых всюду трав…
Григорий шел задумчиво
Сперва большой дорогою
(Старинная: с высокими
Курчавыми березами,
Прямая, как стрела).
Ему то было весело,
То грустно. Возбужденная
Вахлацкою пирушкою,
В нем сильно мысль работала
И в песне излилась:
«В минуты унынья, о родина-мать!
Я мыслью вперед улетаю.
Еще суждено тебе много страдать,
Но ты не погибнешь, я знаю.
Был гуще невежества мрак над тобой,
Удушливей сон непробудный,

Была ты глубоко несчастной страной,
Подавленной, рабски бессудной.
Давно ли народ твой игрушкой служил
Позорным страстям господина?
Потомок татар, как коня, выводил
На рынок раба-славянина,
И русскую деву влекли на позор,
Свирепствовал бич без боязни,
И ужас народа при слове «набор»
Подобен был ужасу казни?
Довольно! Окончен с прошедшим расчет,
Окончен расчет с господином!
Сбирается с силами русский народ
И учится быть гражданином.
И ношу твою облегчила судьба,
Сопутница дней славянина!
Еще ты в семействе – раба,
Но мать уже вольного сына!»
Сманила Гришу узкая,
Извилистая тропочка,
Через хлеба бегущая,
В широкий луг подкошенный
Спустился он по ней.
В лугу траву сушившие
Крестьянки Гришу встретили
Его любимой песнею.
Взгрустнулось крепко юноше
По матери-страдалице,
А пуще злость брала.
Он в лес ушел. Аукаясь,
В лесу, как перепелочки
Во ржи, бродили малые
Ребята (а постарше-то
Ворочали сенцо).
Он с ними кузов рыжиков
Набрал. Уж жжется солнышко;
Ушел к реке. Купается, –
Три дня тому сгоревшего
Обугленного города
Картина перед ним:
Ни дома уцелевшего,
Одна тюрьма спасенная,
Недавно побеленная,
Как белая коровушка

На выгоне, стоит.
Начальство там попряталось,
А жители под берегом,
Как войско, стали лагерем,
Всё спит еще, немногие
Проснулись: два подьячие,
Придерживая полочки
Халатов, пробираются
Между шкафами, стульями,
Узлами, экипажами
К палатке-кабаку.
Туда ж портняга скорченный
Аршин, утюг и ножницы
Несет – как лист дрожит.
Восстав со сна с молитвою,
Причесывает голову
И держит на отлет,
Как девка, косу длинную
Высокий и осанистый
Протоерей Стефан.
По сонной Волге медленно
Плоты с дровами тянутся,
Стоят под правым берегом
Три барки нагруженные:
Вчера бурлаки с песнями
Сюда их привели.
А вот и он – измученный
Бурлак! походкой праздничной
Идет, рубаха чистая,
В кармане медь звенит.
Григорий шел, поглядывал
На бурлака довольного,
И с губ слова срывалися
То шепотом, то громкие.
Григорий думал вслух:

Бурлак

Плечами, грудью и спиной
Тянул он барку бичевой,
Полдневный зной его палил,
И пот с него ручьями лил.
И падал он, и вновь вставал,
Хрипя, «Дубинушку» стонал;
До места барку дотянул
И богатырским сном уснул,
И, в бане смыв поутру пот,
Беспечно пристанью идет.
Зашиты в пояс три рубля.
Остатком – медью – шевеля,
Подумал миг, зашел в кабак
И молча кинул на верстак
Трудом добытые гроши
И, выпив, крякнул от души,
Перекрестил на церковь грудь;
Пора и в путь! пора и в путь!
Он бодро шел, жевал калач,
В подарок нес жене кумач,
Сестре платок, а для детей
В сусальном золоте коней.
Он шел домой – неблизкий путь,
Дай бог дойти и отдохнуть!
С бурлака мысли Гришины
Ко всей Руси загадочной,
К народу перешли.
И долго Гриша берегом
Бродил, волнуясь, думая,
Покуда песней новою
Не утолил натруженной,
Горящей головы.

Русь

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и могучая,
Ты и бессильная,
Матушка Русь!
В рабстве спасенное
Сердце свободное –
Золото, золото
Сердце народное!
Сила народная,
Сила могучая –
Совесть спокойная,
Правда живучая!
Сила с неправдою
Не уживается,
Жертва неправдою
Не вызывается, –
Русь не шелохнется,
Русь – как убитая!
А загорелась в ней
Искра сокрытая, –
Встали – небужены,
Вышли – непрошены,
Жита по зернышку
Горы наношены!
Рать подымается –
Неисчислимая!
Сила в ней скажется
Несокрушимая!
Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и забитая,
Ты и всесильная,
Матушка Русь!
«Удалось мне песенка! – молвил Гриша, прыгая. –
Горячо сказалася правда в ней великая!
Завтра же спою ее вахлачкам – не всё же им
Песни петь унылые… Помогай, о боже, им!
Как с игры да с беганья щеки разгораются,
Так с хорошей песенки духом поднимаются
Бедные, забитые…» Прочитав торжественно

Брату песню новую (брат сказал: «Божественно!»),
Гриша спать попробовал. Спалося, не спалося,
Краше прежней песенка в полусне слагалася;
Быть бы нашим странникам под родною крышею,
Если б знать могли они, что творилось с Гришею.
Слышал он в груди своей силы необъятные,
Услаждали слух его звуки благодатные,
Звуки лучезарные гимна благородного –
Пел он воплощение счастия народного!..

Русские женщины
Княгиня Трубецкая

Часть первая

Покоен, прочен и легок
На диво слаженный возок;
Сам граф-отец не раз, не два
Его попробовал сперва.
Шесть лошадей в него впрягли,
Фонарь внутри его зажгли.
Сам граф подушки поправлял,
Медвежью полость в ноги стлал,
Творя молитву, образок
Повесил в правый уголок
И – зарыдал… Княгиня-дочь…
Куда-то едет в эту ночь…

I

Да, рвем мы сердце пополам
Друг другу, но, родной,
Скажи, что ж больше делать нам?
Поможешь ли тоской!
Один, кто мог бы нам помочь
Теперь… Прости, прости!
Благослови родную дочь
И с миром отпусти!

II

Бог весть, увидимся ли вновь,
Увы! надежды нет.
Прости и знай: твою любовь,
Последний твой завет
Я буду помнить глубоко
В далекой стороне…
Не плачу я, но нелегко
С тобой расстаться мне!

III

О, видит бог!.. Но долг другой,
И выше и трудней,
Меня зовет… Прости, родной!
Напрасных слез не лей!
Далек мой путь, тяжел мой путь,
Страшна судьба моя,
Но сталью я одела грудь…
Гордись – я дочь твоя!

IV

Прости и ты, мой край родной,
Прости, несчастный край!
И ты… о город роковой,
Гнездо царей… прощай!
Кто видел Лондон и Париж,
Венецию и Рим,
Того ты блеском не прельстишь,
Но был ты мной любим –

V

Счастливо молодость моя
Прошла в стенах твоих,
Твои балы любила я,
Катанья с гор крутых,
Любила плеск Невы твоей
В вечерней тишине,
И эту площадь перед ней
С героем на коне…

VI

Мне не забыть… Потом, потом
Расскажут нашу быль…
А ты будь проклят, мрачный дом,

Где первую кадриль
Я танцевала… Та рука
Досель мне руку жжет…
Ликуй?

VI

Покоен, прочен и легок,
Катится городом возок.
Вся в черном, мертвенно-бледна,
Княгиня едет в нем одна,
А секретарь отца (в крестах,
Чтоб наводить дорогой страх)
С прислугой скачет впереди…
Свища бичом, крича: «Пади!»
Ямщик столицу миновал…
Далек княгине путь лежал,
Была суровая зима…
На каждой станции сама
Выходит путница: «Скорей
Перепрягайте лошадей!»
И сыплет щедрою рукой
Червонцы челяди ямской.
Но труден путь! В двадцатый день
Едва приехали в Тюмень,
Еще скакали десять дней,
Увидим скоро Енисей, –
Сказал княгине секретать. –
Не ездит так и государь!..?
Вперед! Душа полна тоски,
Дорога вс? трудней,
Но грезы мирны и легки –
Приснилась юность ей.
Богатство, блеск! Высокий дом
На берегу Невы,
Обита лестница ковром,
Перед подъездом львы,
Изящно убран пышный зал,
Огнями весь горит.
О радость! нынче детский бал,
Чу! музыка гремит!
Ей ленты алые вплели

В две русские косы,
Цветы, наряды принесли
Невиданной красы.
Пришел папаша – сед, румян, –
К гостям ее зовет:
Ну, Катя! чудо сарафан!
Он всех с ума сведет!?
Ей любо, любо без границ.
Кружится перед ней
Цветник из милых детских лиц,
Головок и кудрей.
Нарядны дети, как цветы,
Нарядней старики:
Плюмажи, ленты и кресты,
Со звоном каблуки…
Танцует, прыгает дитя,
Не мысля ни о чем,
И детство резвое шутя
Проносится… Потом
Другое время, бал другой
Ей снится: перед ней
Стоит красавец молодой,
Он что-то шепчет ей…
Потом опять балы, балы…
Она – хозяйка их,
У них сановники, послы,
Весь модный свет у них…
О милый! что ты так угрюм?
Что на сердце твоем??
– Дитя! Мне скучен светский шум,
Уйдем скорей, уйдем! –
И вот уехала она
С избранником своим.
Пред нею чудная страна,
Пред нею – вечный Рим…
Ах! чем бы жизнь нам помянуть –
Не будь у нас тех дней,
Когда, урвавшись как-нибудь
Из родины своей
И скучный север миновав,
Примчимся мы на юг.
До нас нужды, над нами прав
Ни у кого… Сам-друг
Всегда лишь с тем, кто дорог нам,

Живем мы, как хотим;
Сегодня смотрим древний храм,
А завтра посетим
Дворец, развалины, музей…
Как весело притом
Делиться мыслию своей
С любимым существом!
Под обаяньем красоты,
Во власти строгих дум,
По Ватикану бродишь ты,
Подавлен и угрюм;
Отжившим миром окружен,
Не помнишь о живом.
Зато как странно поражен
Ты в первый миг потом,
Когда, покинув Ватикан,
Вернешься в мир живой,
Где ржет осел, шумит фонтан,
Поет мастеровой;
Торговля бойкая кипит,
Кричат на все лады:
Кораллов! раковин! улит!
Мороженой воды!?
Танцует, ест, дерется голь,
Довольная собой,
И косу черную как смоль
Римлянке молодой
Старуха чешет… Жарок день,
Несносен черни гам,
Где нам найти покой и тень?
Заходим в первый храм.
Не слышен здесь житейский шум,
Прохлада, тишина
И полусумрак… Строгих дум
Опять душа полна.
Святых и ангелов толпой
Вверху украшен храм,
Порфир и яшма под ногой,
И мрамор по стенам…
Как сладко слушать моря шум!
Сидишь по часу нем;
Неугнетенный, бодрый ум
Работает меж тем…
До солнца горною тропой

Взберешься высоко –
Какое утро пред тобой!
Как дышится легко!
Но жарче, жарче южный день,
На зелени долин
Росинки нет… Уйдем под тень
Зонтообразных пинн…
Княгине памятны те дни
Прогулок и бесед,
В душе оставили они
Неизгладимый след.
Но не вернуть ей дней былых,
Тех дней надежд и грез,
Как не вернуть потом о них
Пролитых ею слез!..
Исчезли радужные сны,
Пред нею ряд картин
Забитой, загнанной страны:2
Суровый господин
И жалкий труженик-мужик
С понурой головой…
Как первый властвовать привык,
Как рабствует второй!
Ей снятся группы беняков
На нивах, на лугах,
Ей снятся стоны бурлаков
На волжских берегах…
Наивным ужасом полна,
Она не ест, не спит,
Засыпать спутника она
Вопросами спешит:
Скажи, ужель весь край таков?
Довольства тени нет?..?
– Ты в царстве нищих и рабов! –
Короткий был ответ…
Она проснулась – в руку сон!
Чу, слышен впереди
Печальный звон – кандальный звон!
Эй, кучер, погоди!?
То ссыльных партия идет,
Больней заныла грудь,
Княгиня деньги им дает, –
Спасибо, добрый путь!?
Ей долго, долго лица их

Мерещатся потом,
И не прогнать ей дум своих,
Не позабыться сном!
И та здесь партия была…
Да… нет других путей…
Но след их вьюга замела.
Скорей, ямщик, скорей!..?
Мороз сильней, пустынней путь,
Чем дале на восток;
На триста верст какой-нибудь
Убогий городок,
Зато как радостно глядишь
На темный ряд домов,
Но где же люди? Всюду тишь,
Не слышно даже псов.
Под кровлю всех загнал мороз,
Чаек от скуки пьют.
Прошел солдат, проехал воз,
Куранты где-то бьют.
Замерзли окна… огонек
В одном чуть-чуть мелькнул…
Собор… на выезде острог…
Ямщик кнутом махнул:
Эй вы!? – и нет уж городка,
Последний дом исчез…
Направо – горы и река,
Налево – темный лес…
Кипит больной, усталый ум,
Бессонный до утра,
Тоскует сердце. Смена дум
Мучительно быстра;
Княгиня видит то друзей,
То мрачную тюрьму,
И тут же думается ей –
Бог знает почему, –
Что небо звездное – песком
Посыпанный листок,
А месяц – красным сургучом
Оттистнутый кружок…
Пропали горы; началась
Равнина без конца.
Еще мертвей! Не встретит глаз
Живого деревца.
А вот и тундра!? – говорит

Ямщик, бурят степной.
Княгиня пристально глядит
И думает с тоской:
Сюда-то жадный человек
За золотом идет!
Оно лежит по руслам рек,
Оно на дне болот.
Трудна добыча на реке,
Болота страшны в зной,
Но хуже, хуже в руднике,
Глубоко под землей!..
Там гробовая тишина,
Там безрассветный мрак…
Зачем, проклятая страна,
Нашел тебя Ермак?..
Чредой спустилась ночи мгла,
Опять взошла луна.
Княгиня долго не спала,
Тяжелых дум полна…
Уснула… Башня снится ей…
Она вверху стоит;
Знакомый город перед ней
Волнуется, шумит;
К обширной площади бегут
Несметные толпы:
Чиновный люд, торговый люд,
Разносчики, попы;
Пестреют шляпки, бархат, шелк,
Тулупы, армяки…
Стоял уж там какой-то полк,
Пришли еще полки,
Побольше тысячи солдат
Сошлось. Они «ура!» кричат,
Они чего-то ждут…
Народ галдел, народ зевал,
Едва ли сотый понимал,
Что делается тут…
Зато посмеивался в ус,
Лукаво щуря взор,
Знакомый с бурями француз,
Столичный куафер…
Приспели новые полки:
Сдавайтесь!? – тем кричат.
Ответ им – пули и штыки,

Сдаваться не хотят.
Какой-то бравый генерал,
Влетев в каре, грозиться стал –
С коня снесли его.
Другой приблизился к рядам:
Прощенье царь дарует вам!?
Убили и того.
Явился сам митрополит
С хоругвями, с крестом:
Покайтесь, братия! – гласит, –
Падите пред царем!?
Солдаты слушали, крестясь,
Но дружен был ответ:
– Уйди, старик! молись за нас!
Тебе здесь дела нет… –
Тогда-то пушки навели,
Сам царь скомандовал: «Па-ли!..»
…О, милый! Жив ли ты??
Княгиня, память потеряв,
Вперед рванулась и стремглав
Упала с высоты!
Пред нею длинный и сырой
Подземный коридор,
У каждой двери часовой,
Все двери на запор.
Прибою волн подобный плеск
Снаружи слышен ей;
Внутри – бряцанье, ружей блеск
При свете фонарей;
Да отдаленный шум шагов
И долгий гул от них,
Да прекрестный бой часов,
Да крики часовых…
С ключами старый и седой,
Усатый инвалид –
Иди, печальница, за мной! –
Ей тихо говорит. –
Я проведу тебя к нему,
Он жив и невредим…?
Она доверилась ему,
Она пошла за ним…
Шли долго, долго… Наконец
Дверь взвизгнула, – и вдруг
Пред нею он… живой мертвец…

Пред нею – бедный друг!
Упав на грудь ему, она
Торопится спросить:
Скажи, что делать? Я сильна,
Могу я страшно мстить!
Достанет мужества в груди,
Готовность горяча,
Просить ли надо?..? – Не ходи,
Не тронешь палача! –
О милый! что сказал ты? Слов
Не слышу я твоих.
То этот страшный бой часов,
То крики часовых!
Зачем тут третий между нас?..?
– Наивен твой вопрос.
Пора! пробил урочный час!? –
Тот «третий» произнес…
Княгиня вздрогнула – глядит
Испуганно кругом,
Ей ужас сердце леденит:
Не вс? тут было сном!..
Луна плыла среди небес
Без блеска, без лучей,
Налево был угрюмый лес,
Направо – Енисей.
Темно! Навстречу ни души,
Ямщик на козлах спал,
Голодный волк в лесной глуши
Пронзительно стонал,
Да ветер бился и ревел,
Играя на реке,
Да инородец где-то пел
На странном языке.
Суровым пафосом звучал
Неведомый язык,
И пуще сердце надрывал,
Как в бурю чайки крик…
Княгине холодно; в ту ночь
Мороз был нестерпим,
Упали силы; ей невмочь
Бороться больше с ним.
Рассудком ужас овладел,
Что не доехать ей.
Ямщик давно уже не пел,

Не понукал коней,
Передней тройки не слыхать,
Эй! жив ли ты, ямщик?
Что ты замолк? не вздумай спать!?
– Не бойтесь, я привык… –
Летят… Из мерзлого окна
Не видно ничего,
Опасный гонит сон она,
Но не прогнать его!
Он волю женщины больной
Мгновенно покорил
И, как волшебник, в край иной
Ее переселил.
Тот край – он ей уже знаком, –
Как прежде неги полн,
И теплым солнечным лучом
И сладким пеньем волн
Ее приветствовал, как друг…
Куда ни поглядит:
Да, это юг! да, это юг!? –
Вс? взору говорит…
Ни тучки в небе голубом,
Долина вся в цветах,
Все солнцем залито, на всем,
Внизу и на горах,
Печать могучей красоты,
Ликует все вокруг;
Ей солнце, море и цветы
Поют: «Да – это юг!»
В долине между цепью гор
И морем голубым
Она летит во весь опор
С избранником своим.
Дорога их – роскошный сад,
С деревьев льется аромат,
На каждом дереве горит
Румяный, пышный плод;
Сквозь ветви темные сквозит
Лазурь небес и вод;
По морю реют корабли,
Мелькают паруса,
А горы, видные вдали,
Уходят в небеса.
Как чудны краски их! За час

Рубины рдели там,
Теперь заискрился топаз
По белым их хребтам…
Вот вьючный мул идет шажком,
В бубенчиках, в цветах,
За мулом – женщина с венком,
С корзинкою в руках.
Она кричит им: «Добрый путь!»
И, засмеявшись вдруг,
Бросает быстро ей на грудь
Цветок… да! это юг!
Страна античных, смуглых дев
И вечных роз страна…
Чу! мелодический напев,
Чу! музыка слышна!..
Да, это юг! да, это юг!
(Поет ей добрый сон)
Опять с тобой любимый друг,
Опять свободен он!..?

Часть вторая

Уже два месяца почти
Бессменно день и ночь в пути
На диво слаженный возок,
А вс? конец пути далек!
Княгинин спутник так устал,
Что под Иркутском захворал,
Два дня прождав его, она
Помчалась далее одна…
Ее в Иркутске встретил сам
Начальник городской;
Как мощи сух, как палка прям,
Высокий и седой.
Сползла с плеча его доха,
Под ней – кресты, мундир,
На шляпе – перья петуха.
Почтенный бригадир,
Ругнув за что-то ямщика,
Поспешно подскочил
И дверцы прочного возка
Княгине отворил…
Княгиня (входит в станционный дом)
В Нерчинск! Закладывать скорей!

Губернатор

Пришел я – встретить вас.

Княгиня

Велите ж дать мне лошадей!

Губернатор

Прошу помедлить час.
Дорога наша так дурна,
Вам нужно отдохнуть…

Княгиня

Благодарю вас! Я сильна…
Уж недалек мой путь…

Губернатор

Все ж будет верст до восьмисот,
А главная беда:
Дорога хуже тут пойдет,
Опасная езда!..
Два слова нужно вам сказать
По службе, – и притом
Имел я счастье графа знать,
Семь лет служил при нем.
Отец ваш редкий человек
По сердцу, по уму,
Запечатлев в душе навек
Признательность к нему,
К услугам дочери его
Готов я… весь я ваш…

Княгиня

Но мне не нужно ничего!
(Отворяя дверь в сени.)
Готов ли экипаж?

Губернатор

Покуда я не прикажу,
Его не подадут…

Княгиня

Так прикажите ж! Я прошу…

Губернатор

Но есть зацепка тут:
С последней почтой прислана
Бумага…

Княгиня

Что же в ней:
Уж не вернуться ль я должна?

Губернатор

Да-с, было бы верней.

Княгиня

Да кто ж прислал вам и о чем
Бумагу? что же – там
Шутили, что ли, над отцом?
Он всё устроил сам!

Губернатор

Нет… не решусь я утверждать…
Но путь еще далек…

Княгиня

Так что же даром и болтать!
Готов ли мой возок?

Губернатор

Нет! Я еще не приказал…
Княгиня! здесь я – царь!
Садитесь! Я уже сказал.
Что знал я графа встарь,
А граф… хоть он вас отпустил,
По доброте своей,
Но ваш отъезд его убил…
Вернитесь поскорей!

Княгиня

Нет! что однажды решено –

Исполню до конца!
Мне вам рассказывать смешно,
Как я люблю отца,
Как любит он. Но долг другой,
И выше и святей,
Меня зовет. Мучитель мой!
Давайте лошадей!

Губернатор

Позвольте-с. Я согласен сам,
Что дорог каждый час,
Но хорошо ль известно вам,
Что ожидает вас?
Бесплодна наша сторона,
А та – еще бедней,
Короче нашей там весна,
Зима – еще длинней.
Да-с, восемь месяцев зима
Там – знаете ли вы?
Там люди редки без клейма,
И те душой черствы;
На воле рыскают кругом
Там только варнаки;
Ужасен там тюремный дом,
Глубоки рудники.
Вам не придется с мужем быть
Минуты глаз на глаз:
В казарме общей надо жить,
А пища: хлеб да квас.
Пять тысяч каторжников там,
Озлоблены судьбой,
Заводят драки по ночам,
Убийства и разбой;
Короток им и страшен суд,
Грознее нет суда!
И вы, княгиня, вечно тут
Свидетельницей… Да!
Поверьте, вас не пощадят,
Не сжалится никто!
Пускай ваш муж – он виноват…
А вам терпеть… за что?

Княгиня

Ужасна будет, знаю я,
Жизнь мужа моего.
Пускай же будет и моя
Не радостней его!

Губернатор

Но вы не будете там жить:
Тот климат вас убьет!
Я вас обязан убедить,
Не ездите вперед!
Ах! вам ли жить в стране такой,
Где воздух у людей
Не паром – пылью ледяной
Выходит из ноздрей?
Где мрак и холод круглый год,
А в краткие жары –
Непросыхающих болот
Зловредные пары?
Да… страшный край! Оттуда прочь
Бежит и зверь лесной,
Когда стосуточная ночь
Повиснет над страной…

Княгиня

Живут же люди в том краю,
Привыкну я шутя…

Губернатор

Живут? Но молодость свою
Припомните… дитя!
Здесь мать – водицей снеговой,
Родив, омоет дочь,
Малютку грозной бури вой
Баюкает всю ночь,
А будит дикий зверь, рыча
Близ хижины лесной,
Да пурга, бешено стуча

В окно, как домовой.
С глухих лесов, с пустынных рек
Сбирая дань свою,
Окреп туземный человек
С природою в бою,
А вы?..

Княгиня

Пусть смерть мне суждена –
Мне нечего жалеть!..
Я еду! еду! я должна
Близ мужа умереть.

Губернатор

Да, вы умрете, но сперва
Измучите того,
Чья безвозвратно голова
Погибла. Для него
Прошу: не ездите туда!
Сноснее одному,
Устав от тяжкого труда,
Прийти в свою тюрьму,
Прийти – и лечь на голый пол
И с черствым сухарем
Заснуть… а добрый сон пришел –
И узник стал царем!
Летя мечтой к родным, к друзьям,
Увидя вас самих,
Проснется он к дневным трудам
И бодр, и сердцем тих,
А с вами?.. с вами не знавать
Ему счастливых грез,
В себе он будет сознавать
Причину ваших слез.

Княгиня

Ах!.. Эти речи поберечь
Вам лучше для других.
Всем вашим пыткам не извлечь

Слезы из глаз моих!
Покинув родину, друзей,
Любимого отца,
Приняв обет в душе моей
Исполнить до конца
Мой долг, – я слез не принесу
В проклятую тюрьму –
Я гордость, гордость в нем спасу,
Я силы дам ему!
Презренье к нашим палачам,
Сознанье правоты
Опорой верной будет нам.

Губернатор

Прекрасные мечты!
Но их достанет на пять дней.
Не век же вам грустить?
Поверьте совести моей,
Захочется вам жить.
Здесь черствый хлеб, тюрьма, позор,
Нужда и вечный гнет,
А там балы, блестящий двор,
Свобода и почет.
Как знать? Быть может, бог судил…
Понравится другой,
Закон вас права не лишил…

Княгиня

Молчите!.. Боже мой!..

Губернатор

Да, откровенно говорю,
Верннтесь лучше в свет.

Княгиня

Благодарю, благодарю
За добрый ваш совет!
И прежде был там рай земной,

А нынче этот рай
Своей заботливой рукой
Расчистил Николай.
Там люди заживо гниют –
Ходячие гробы,
Мужчины – сборище Иуд,
А женщины – рабы.
Что там найду я? Ханжество,
Поруганную честь,
Нахальной дряни торжество
И подленькую месть.
Нет, в этот вырубленный лес
Меня не заманят,
Где были дубы до небес,
А нынче пни торчат!
Вернуться? жить среди клевет,
Пустых и темных дел?..
Там места нет, там друга нет
Тому, кто раз прозрел!
Нет, нет, я видеть не хочу
Продажных и тупых,
Не покажусь я палачу
Свободных и святых.
Забыть того, кто нас любил,
Вернуться – вс? простя?..

Губернатор

Но он же вас не пощадил?
Подумайте, дитя:
О ком тоска? к кому любовь?

Княгиня

Молчите, генерал!

Губернатор

Когда б не доблестная кровь
Текла в вас – я б молчал.
Но если рветесь вы вперед,
Не веря ничему,

Быть может, гордость вас спасет…
Достались вы ему
С богатством, с именем, с умом,
С доверчивой душой,
А он, не думая о том,
Что станется с женой,
Увлекся призраком пустым,
И – вот его судьба!..
И что ж?.. бежите вы за ним,
Как жалкая раба!

Княгиня

Нет! я не жалкая раба,
Я женщина, жена!
Пускай горька моя судьба –
Я буду ей верна!
О, если б он меня забыл
Для женщины другой,
В моей душе достало б сил
Не быть его рабой!
Но знаю: к родине любовь
Соперница моя,
И если б нужно было, вновь
Ему простила б я!..
Княгиня кончила… Молчал
Упрямый старичок.
Ну что ж? Велите, генерал,
Готовить мой возок??
Не отвечая на вопрос,
Смотрел он долго в пол,
Потом в раздумье произнес:
– «До завтра» и ушел…
Назавтра тот же разговор.
Просил и убеждал,
Но получил опять отпор
Почтенный генерал.
Все убежденья истощив
И выбившись из сил,
Он долго, важен, молчалив,
По комнате ходил
И наконец сказал: – Быть так!
Вас не спасешь, увы!..
Но знайте: сделав этот шаг,

Всего лишитесь вы! –
«Да что же мне еще терять??
– За мужем поскакав,
Вы отреченье подписать
Должны от ваших прав! –
Старик эффектно замолчал,
От этих страшных слов
Он, очевидно, пользы ждал.
Но был ответ таков:
У вас седая голова,
А вы еще дитя!
Вам наши кажутся права
Правами – не шутя.
Нет! ими я не дорожу,
Возьмите их скорей!
Где отреченье? Подпишу!
И живо – лошадей!..?

Губернатор

Бумагу эту подписать!
Да что вы?.. Боже мой!
Ведь это значит нищей стать
И женщиной простой!
Всему вы скажете прости,
Что вам дано отцом,
Что по наследству перейти
Должно бы к вам потом!
Права имущества, права
Дворянства потерять!
Нет, вы подумайте сперва, –
Зайду я к вам опять!..
Ушел и не был целый день…
Когда спустилась тьма,
Княгиня, слабая как тень,
Пошла к нему сама.
Ее не принял генерал:
Хворает тяжело…
Пять дней, покуда он хворал,
Мучительных прошло,
А на шестой пришел он сам
И круто молвил ей:
– Я отпустить не вправе вам,
Княгиня, лошадей!

Вас по этапу поведут
С конвоем… –

Княгиня

Боже мой!
Но так ведь месяцы пройдут
В дороге?..

Губернатор

Да, весной
В Нерчинск придете, если вас
Дорога не убьет.
Навряд версты четыре в час
Закованный идет;
Посередине дня – привал,
С закатом дня – ночлег,
А ураган в стели застал –
Закапывайся в снег!
Да-с, промедленьям нет числа,
Иной упал, ослаб…

Княгиня

Не хорошо я поняла –
Что значит ваш этап?

Губернатор

Под караулом казаков
С оружием в руках,
Этапом водим мы воров
И каторжных в цепях,
Они дорогою шалят,
Того гляди сбегут,
Так их канатом прикрутят
Друг к другу – и ведут.
Трудненек путь! Да вот-с каков:
Отправится пятьсот,
А до нерчинских рудников
И трети не дойдет!

Они как мухи мрут в пути,
Особенно зимой…
И вам, княгиня, так идти?..
Вернитесь-ка домой!

Княгиня

О нет! я этого ждала…
Но вы, но вы… злодей!..
Неделя целая прошла…
Нет сердца у людей!
Зачем бы разом не сказать?..
Уж шла бы я давно…
Велите ж партию сбирать –
Иду! мне все равно!..
– Нет! вы поедете!.. – вскричал
Нежданно старый генерал,
Закрыв рукой глаза. –
Как я вас мучил… Боже мой!..
(Из-под руки на ус седой
Скатилася слеза).
Простите! да, я мучил вас,
Но мучился и сам,
Но строгий я имел приказ
Преграды ставить вам!
И разве их не ставил я?
Я делал вс? что мог,
Перед царем душа моя
Чиста, свидетель бог!
Острожным жестким сухарем
И жизнью взаперти,
Позором, ужасом, трудом
Этапного пути
Я вас старался напугать.
Не испугались вы!
И хоть бы мне не удержать
На плечах головы,
Я не могу, я не хочу
Тиранить больше вас…
Я вас в три дня туда домчу…
(Отворяя дверь, кричит.)
Эй! запрягать сейчас!.. –

Княгиня М. Н. Волконская
Бабушкины записки

Глава I

Проказники внуки! Сегодня они
С прогулки опять воротились:
– Нам, бабушка, скучно! В ненастные дни,
Когда мы в портретной садились
И ты начинала рассказывать нам,
Так весело было!.. Родная,
Еще что-нибудь расскажи!.. – По углам
Уселись. Но их прогнала я:
Успеете слушать; рассказов моих
Достанет на целые томы,
Но вы еще глупы: узнаете их,
Как будете с жизнью знакомы!
Я вс? рассказала доступное вам
По вашим ребяческим летам:
Идите гулять по полям, по лугам!
Идите же… пользуйтесь летом!?
И вот, не желая остаться в долгу
У внуков, пишу я записки;
Для них я портреты людей берегу,
Которые были мне близки,
Я им завещаю альбом – и цветы
С могилы сестры – Муравьевой,
Коллекцию бабочек, флору Читы
И виды страны той суровой;
Я им завещаю железный браслет…
Пускай берегут его свято:
В подарок жене его выковал дед
Из собственной цепи когда-то…
Родилась я, милые внуки мои,
Под Киевом, в тихой деревне;
Любимая дочь я была у семьи.
Наш род был богатый и древний,
Но пуще отец мой возвысил его:
Заманчивей славы героя
Дороже отчизны – не знал ничего
Боец, не любивший покоя.

Творя чудеса, девятнадцати лет
Он был полковым командиром,
Он мужеством добыл и лавры побед
И почести, чтимые миром.
Воинская слава его началась
Персидским и шведским походом,
Но память о нем нераздельно слилась
С великим двенадцатым годом:
Тут жизнь его долгим сраженьем была.
Походы мы с ним разделяли
И в месяц иной не запомним числа,
Когда б за него не дрожали.
Защитник Смоленска? всегда впереди
Опасного дела являлся…
Под Лейпцигом раненный, с пулей в груди,
Он вновь через сутки сражался,
Так летопись жизни его говорит:1
В ряду полководцев России,
Покуда отечество наше стоит,
Он памятен будет! Витии
Отца моего осыпали хвалой,
Бессмертным его называя;
Жуковский почтил его громкой строфой,
Российских вождей прославляя:
Под Дашковой личного мужества жар
И жертву отца-патриота
Поэт воспевает Воинственный дар
Являя в сраженьях без счета,
Не силой одною врагов побеждал
Ваш прадед в борьбе исполинской:
0 нем говорили, что он сочетал
С отвагою гений воинский.
Войной озабочен, в семействе своем
Отец ни во что не мешался,
Но крут был порою; почти божеством
Он матери нашей казался,
И сам он глубоко привязан был к ней.
Отца мы любили – в герое.
Окончив походы, в усадьбе своей
Он медленно гас на покое.
Мы жили в большом подгородном дому.
Детей поручив англичанке,
Старик отдыхал. Я училась всему,
Что нужно богатой дворянке.

А после уроков бежала я в сад
И пела весь день беззаботно,
Мой голос был очень хорош, говорят,
Отец его слушал охотно;
Записки свои приводил он к концу,
Читал он газеты, журналы,
Пиры задавал; наезжали к отцу
Седые, как он, генералы,
И шли бесконечные споры тогда;
Меж тем молодежь танцевала.
Сказать ли вам правду? была я всегда
В то время царицею бала:
Очей моих томных огонь голубой,
И черная с синим отливом
Большая коса, и румянец густой
На личике смуглом, красивом,
И рост мой высокий, и гибкий мой стан,
И гордая поступь – пленяли
Тогдашних красавцев: гусаров, улан,
Что близко с полками стояли.
Но слушала я неохотно их лесть…
Отец за меня постарался:
– Не время ли замуж? Жених уже есть,
Он славно под Лейпцигом дрался,
Его полюбил государь, наш отец,
И дал ему чин генерала.
Постарше тебя… а собой молодец,
Волконский! Его ты видала
На царском смотру… и у нас он бывал,
По парку с тобой вс? шатался! –
Да, помню! Высокий такой генерал…?
– Он самый! – Старик засмеялся…
Отец! он так мало со мной говорил!? –
Заметила я, покраснела…
– Ты будешь с ним счастлива! – круто решил
Старик, – возражать я не смела…
Прошло две недели – и я под венцом
С Сергеем Волконским стояла,
Не много я знала его женихом,
Не много и мужем узнала, –
Так мало мы жили под кровлей одной,
Так редко друг друга видали!
По дальним селеньям, на зимний постой,
Бригаду его разбросали,

Ее объезжал беспрестанно Сергей.
А я между тем расхворалась;
В Одессе потом, по совету врачей,
Я целое лето купалась;
Зимой он приехал за мною туда,
С неделю я с ним отдохнула
При главной квартире… и снова беда!
Однажды я крепко уснула,
Вдруг слышу я голос Сергея (в ночи,
Почти на рассвете то было):
Вставай! поскорее найди мне ключи!
Камин затопи!? Я вскочила…
Взглянула: встревожен и бледен он был.
Камин затопила я живо.
Из ящиков муж мой бумаги сносил
К камину – и жег торопливо.
Иные прочитывал бегло, спеша,
Иные бросал, не читая.
И я помогала Сергею, дрожа
И глубже в огонь их толкая…
Потом он сказал: «Мы поедем сейчас»,
Волос моих нежно касаясь.
Вс? скоро уложено было у нас,
И утром, ни с кем не прощаясь,
Мы тронулись в путь. Мы скакали три дня,
Сергей был угрюм, торопился,
Довез до отцовской усадьбы меня
И тотчас со мною простился.

Глава II

Уехал!.. Что значила бледность его
И вс? что в ту ночь совершилось?
Зачем не сказал он жене ничего?
Недоброе что-то случилось!?
Я долго не знала покоя и сна,
Сомнения душу терзали:
Уехал, уехал! опять я одна!..?
Родные меня утешали,
Отец торопливость его объяснял
Каким-нибудь делом случайным:
– Куда-нибудь сам император послал

Его с поручением тайным,
Не плачь! Ты походы делила со мной,
Превратности жизни военной
Ты знаешь; он скоро вернется домой!
Под сердцем залог драгоценный
Ты носишь: теперь ты беречься должна!
Вс? кончится ладно, родная;
Жена муженька проводила одна,
А встретит, ребенка качая!..
Увы! предсказанье его не сбылось!
Увидеться с бедной женою
И с первенцем-сыном отцу довелось
Не здесь – не под кровлей родною!
Как дорого стоил мне первенец мой!
Два месяца я прохворала.
Измучена телом, убита душой,
Я первую няню узнала.
Спросила о муже. – Еще не бывал! –
Писал ли?? – И писем нет даже. –
А где мой отец?? – В Петербург ускакал. –
А брат мой?? – Уехал туда же. –
Мой муж не приехал, нет даже письма,
И брат и отец ускакали, –
Сказала я матушке. – Еду сама!
Довольно, довольно мы ждали!?
И как ни старалась упрашивать дочь
Старушка, я твердо решилась;
Припомнила я ту последнюю ночь
И вс? что тогда совершилось,
И ясно сознала, что с мужем моим
Недоброе что-то творится…
Стояла весна, по разливам речным
Пришлось черепахой тащиться.
Доехала я чуть живая опять.
Где муж мой?? – отца я спросила.
– В Молдавию муж твой ушел воевать. –
Не пишет он?..? Глянул уныло
И вышел отец… Недоволен был брат,
Прислуга молчала, вздыхая.
Заметила я, что со мною хитрят,
Заботливо что-то скрывая;
Ссылаясь на то, что мне нужен покой,
Ко мне никого не пускали,
Меня окружили какой-то стеной,

Мне даже газет не давали!
Я вспомнила: много у мужа родных,
Пишу – отвечать умоляю.
Проходят недели, – ни слова от них!
Я плачу, я силы теряю…
Нет чувства мучительней тайной грозы.
Я клятвой отца уверяла,
Что я не пролью ни единой слезы, –
И он и кругом вс? молчало!
Любя, меня мучил мой бедный отец;
Жалея, удваивал горе…
Узнала, узнала я вс? наконец!..
Прочла я в самом приговоре,
Что был заговорщиком бедный Сергей:
Стояли они настороже,
Готовя войска к низверженью властей.
В вину ему ставилось тоже,
Что он… Закружилась моя голова…
Я верить глазам не хотела…
?Ужели?..? – в уме не вязались слова:
Сергей – и бесчестное дело!
Я помню, сто раз я прочла приговор,
Вникая в слова роковые:
К отцу побежала, – с отцом разговор
Меня успокоил, родные!
С души словно камень тяжелый упал.
В одном я Сергея винила:
Зачем он жене ничего не сказал?
Подумав, и то я простила:
?Как мог он болтать? Я была молода,
Когда ж он со мной расставался,
Я сына под сердцем носила тогда:
За мать и дитя он боялся! –
Так думала я. – Пусть беда велика,
Не все потеряла я в мире.
Сибирь так ужасна, Сибирь далека,
Но люди живут и в Сибири!..?
Всю ночь я горела, мечтая о том,
Как буду лелеять Сергея.
Под утро глубоким, крепительным сном
Уснула – и встала бодрее.
Поправилось скоро здоровье мое,
Приятельниц я повидала,
Нашла я сестру – расспросила ее

И горького много узнала!
Несчастные люди!.. «Вс? время Сергей
(Сказала сестра) содержался
В тюрьме; не видал ни родных, ни друзей…
Вчера только с ним повидался
Отец. Повидаться с ним можешь и ты:
Когда приговор прочитали,
Одели их в рубище, сняли кресты,
Но право свиданья им дали!..»
Подробностей ряд пропустила я тут…
Оставив следы роковые,
Доныне о мщенье они вопиют…
Не знайте их лучше, родные.
Я в крепость поехала к мужу с сестрой.
Пришли мы сперва к «генералу»,
Потом нас привел генерал пожилой
В обширную мрачную залу.
?Дождитесь, княгиня! мы будем сейчас!?
Раскланявшись вежливо с нами,
Он вышел. С дверей не спускала я глаз.
Минуты казались часами.
Шаги постепенно смолкали вдали,
За ними я мыслью летела.
Мне чудилось: связку ключей принесли,
И ржавая дверь заскрипела.
В угрюмой каморке с железным окном
Измученный узник томился.
?Жена к вам приехала!..? Бледный лицом,
Он весь задрожал, оживился:
?Жена!..? Коридором он быстро бежал,
Довериться слуху не смея…
?Вот он!? – громогласно сказал генерал.
И я увидала Сергея…
Недаром над ним пронеслася гроза:
Морщины на лбу появились,
Лицо было мертвенно-бледно, глаза
Не так уже ярко светились,
Но больше в них было, чем в прежние дни,
Той тихой, знакомой печали;
С минуту пытливо смотрели они
И радостью вдруг заблистали,
Казалось, он в душу мою заглянул…
Я горько, припав к его груди,
Рыдала… Он обнял мея и шепнул:

– Здесь есть посторонние люди. –
Потом он сказал, что полезно ему
Узнать добродетель смиренья,
Что, впрочем, легко переносит тюрьму,
И несколько слов ободренья
Прибавил… По комнате важно шагал
Свидетель: нам было неловко…
Сергей на одежду свою показал:
– Поздравь меня, Маша, с обновкой, –
И тихо прибавил: – Пойми и прости, –
Глаза засверкали слезою,
Но тут соглядатай успел подойти,
Он низко поник головою.
Я громко сказала: «Да, я не ждала
Найти тебя в этой одежде».
И тихо шепнула: «Я все поняла.
Люблю тебя больше, чем прежде…»
– Что делать? И в каторге буду я жить
(Покуда мне жить не наскучит). –
?Ты жив, ты здоров, так о чем же тужить?
(Ведь каторга нас не разлучит?)?
– Так вот ты какая! – Сергей говорил,
Лицо его весело было…
Он вынул платок, на окно положил,
И рядом я свой положила,
Потом, расставаясь, Сергеев платок
Взяла я – мой мужу остался…
Нам после годичной разлуки часок
Свиданья короток казался,
Но что ж было делать! Наш срок миновал –
Пришлось бы другим дожидаться…
В карету меня подсадил генерал,
Счастливо желал оставаться…
Великую радость нашла я в платке:
Цалуя его, увидала
Я несколько слов на одном уголке;
Вот что я, дрожа, прочитала:
?Мой друг, ты свободна. Пойми – не пеняй!
Душевно я бодр и – желаю
Жену мою видеть такой же. Прощай!
Малютке поклон посылаю…?
Была в Петербурге большая родня
У мужа; вс? знать – да какая!
Я ездила к ним, волновалась три дня,

Сергея спасти умоляя.
Отец говорил: «Что ты мучишься, дочь»
Я вс? испытал – бесполезно!?
И правда: они уж пытались помочь,
Моля императора слезно,
Но просьбы до сердца его не дошли…
Я с мужем еще повидалась,
И время приспело: его увезли!..
Как только одна я осталась,
Я тотчас послышала в сердце моем,
Что надо и мне торопиться,
Мне душен казался родительский дом,
И стала я к мужу проситься.
Теперь расскажу вам подробно, друзья,
Мою роковую победу.
Вся дружно и грозно восстала семья,
Когда я сказала: «Я еду!»
Не знаю, как мне удалось устоять,
Чего натерпелась я… Боже!..
Была из-под Киева вызвана мать,
И братья приехали тоже:
Отец «образумить» меня приказал.
Они убеждали, просили,
Но волю мою сам господь подкреплял,
Их речи ее не сломили!
А много и горько поплакать пришлось…
Когда собрались мы к обеду,
Отец мимоходом мне бросил вопрос:
– На что ты решилась? – «Я еду!»
Отец промолчал… промолчала семья…
Я вечером горько всплакнула,
Качая ребенка, задумалась я…
Вдруг входит отец, – я вздрогнула…
Ждала я грозы, но, печален и тих,
Сказал он сердечно и кротко:
– За что обижаешь ты кровных родных?
Что будет с несчастным сироткой?
Что будет с тобою, голубка моя?
Там нужно не женскую силу!
Напрасна великая жертва твоя,
Найдешь ты там только могилу! –
И ждал он ответа и взгляд мой ловил,
Лаская меня и цалуя…
– Я сам виноват! Я тебя погубил! –

Воскликнул он вдруг, негодуя. –
Где был мой рассудок? Где были глаза!
Уж знала вся армия наша… –
И рвал он седые свои волоса:
– Прости! не казни меня, Маша!
Останься!.. – И снова молил горячо…
Бог знает, как я устояла!
Припав головою к нему на плечо,
?Поеду!? – я тихо сказала…
– Посмотрим!.. – И вдруг распрямился старик,
Глаза его гневом сверкали:
– Одно повторяет твой глупый язык:
‚Поеду!» Сказать не пора ли,
Куда и зачем» Ты подумай сперва!
Не знаешь сама, что болтаешь!
Умеет ли думать твоя голова?
Врагами ты, что ли, считаешь
И мать, и отца? Или глупы они…
Что споришь ты с ними, как с ровней?
Поглубже ты в сердце свое загляни,
Вперед посмотри хладнокровней,
Подумай!.. Я завтра увижусь с тобой… –
Ушел он, грозящий и гневный,
А я, чуть жива, пред иконой святой
Упала – в истоме душевной…

Глава III

– Подумай!.. – Я целую ночь не спала,
Молилась и плакала много.
Я божию матерь на помощь звала,
Совета просила у бога,
Я думать училась: отец приказал
Подумать… нелегкое дело!
Давно ли он думал за нас – и решал,
И жизнь наша мирно летела?
Училась я много; на трех языках
Читала. Заметна была я
В парадных гостиных, на светских балах,
Искусно танцуя, играя;
Могла говорить я почти обо всем,
Я музыку знала, я пела,

Я даже отлично скакала верхом,
Но думать совсем не умела.
Я только в последний, двадцатый мой год
Узнала, что жизнь не игрушка.
Да в детстве, бывало, сердечко вздрогнет,
Как грянет нечаянно пушка.
Жилось хорошо и привольно; отец
Со мной не говаривал строго;
Осьмнадцати лет я пошла под венец
И тоже не думала много…
В последнее время моя голова
Работала сильно, пылала;
Меня неизвестность томила сперва.
Когда же беду я узнала,
Бессменно стоял предо мною Сергей,
Тюрьмою измученный, бледный,
И много неведомых прежде страстей
Посеял в душе моей бедной.
Я вс? испытала, а больше всего
Жестокое чувство бессилья.
Я небо и сильных людей за него
Молила – напрасны усилья!
И гнев мою душу больную палил,
И я волновалась нестройно,
Рвалась, проклинала… но не было сил,
Ни времени думать спокойно.
Теперь непременно я думать должна –
Отцу моему так угодно.
Пусть воля моя неизменно одна,
Пусть всякая дума бесплодна,
Я честно исполнить отцовский приказ
Решилась, мои дорогие.
Старик говорил: – Ты подумай о нас,
Мы люди тебе не чужие:
И мать, и отца, и дитя, наконец, –
Ты всех безрассудно бросаешь,
За что же? – «Я долг исполняю, отец!»
– За что ты себя обрекаешь
На муку? – «Не буду я мучиться там!
Здесь ждет меня страшная мука.
Да, если останусь, послушная вам,
Меня истерзает разлука.
Не зная покоя ни ночью, ни днем,
Рыдая над бедным сироткой,

Все буду я думать о муже моем
Да слышать упрек его кроткий.
Куда ни пойду я – на лицах людей
Я свой приговор прочитаю:
В их шепоте – повесть измены моей,
В улыбке укор угадаю:
Что место мое не на пышном балу,
А в дальней пустыне угрюмой,
Где узник усталый в тюремном углу
Терзается лютою думой,
Один… без опоры… Скорее к нему!
Там только вздохну я свободно.
Делила с ним радость, делить и тюрьму
Должна я… Так небу угодно!..
Простите, родные! Мне сердце давно
Мое подсказало решенье.
И верю я твердо: от бога оно!
А в вас говорит – сожаленье.
Да, ежели выбор решить я должна
Меж мужем и сыном – не боле,
Иду я туда, где я больше нужна,
Иду я к тому, кто в неволе!
Я сына оставлю в семействе родном,
Он скоро меня позабудет.
Пусть дедушка будет малютке отцом,
Сестра ему матерью будет.
Он так еще мал! А когда подрастет
И страшную тайну узнает,
Я верю: он матери чувство поймет
И в сердце ее оправдает!
Но если останусь я с ним… и потом
Он тайну узнает и спросит:
«Зачем не пошла ты за бедным отцом»..»
И слово укора мне бросит»
О, лучше в могилу мне заживо лечь,
Чем мужа лишить утешенья
И в будущем сына презренье навлечь…
Нет, нет! не хочу я презренья!..
А может случиться – подумать боюсь! –
Я первого мужа забуду,
Условиям новой семьи подчинюсь
И сыну не матерью буду,
А мачехой лютой?.. Горю со стыда…
Прости меня, бедный изгнанник!

Тебя позабыть! Никогда! никогда!
Ты сердца единый избранник…
Отец! ты не знаешь, как дорог он мне!
Его ты не знаешь! Сначала,
В блестящем наряде, на гордом коне,
Его пред полком я видала;
О подвигах жизни его боевой
Рассказы товарищей боя
Я слушала жадно – и всею душой
Я в нем полюбила героя…
Позднее я в нем полюбила отца
Малютки, рожденного мною.
Разлука тянулась меж тем без конца.
Он твердо стоял под грозою…
Вы знаете, где мы увиделись вновь –
Судьба свою волю творила! –
Последнюю, лучшую сердца любовь
В тюрьме я ему подарила!
Напрасно чернила его клевета,
Он был безупречней, чем прежде,
И я полюбила его, как Христа…
В своей арестантской одежде
Теперь он бессменно стоит предо мной,
Величием кротким сияя.
Терновый венец над его головой,
Во взоре – любовь неземная…
Отец мой! должна я увидеть его…
Умру я, тоскуя по муже…
Ты, долгу служа, не щадил ничего,
И нас научил ты тому же…
Герой, выводивший своих сыновей
Туда, где смертельней сраженье, –
Не верю, чтоб дочери бедной своей
Ты сам не одобрил решенье!?
Вот что я продумала в долгую ночь,
И так я с отцом говорила…
Он тихо сказал: – Сумасшедшая дочь! –
И вышел; молчали уныло
И братья и мать… Я ушла наконец…
Тяжелые дни потянулись:
Как туча ходил недовольный отец,
Другие домашние дулись.
Никто не хотел ни советом помочь,
Ни делом; но я не дремала,

Опять провела я бессонную ночь,
Письмо к государю писала
(В то время молва начала разглашать,
Что будто вернуть Трубецкую
С дороги велел государь. Испытать
Боялась я участь такую,
Но слух был неверен). Письмо отвезла
Сестра моя, Катя Орлова.
Сам царь отвечал мне… Спасибо, нашла
В ответе я доброе слово!
Он был элегантен и мил (Николай
Писал по-французски.) Сначала
Сказал государь, как ужасен тот край,
Куда я поехать желала,
Как грубы там люди, как жизнь тяжела,
Как возраст мой хрупок и нежен;
Потом намекнул (я не вдруг поняла)
На то, что возврат безнадежен;
А дальше – изволил хвалою почтить
Решимость мою, сожалея,
Что, долгу покорный, не мог пощадить
Преступного мужа… Не смея
Противиться чувствам высоким таким,
Давал он свое позволенье;
Но лучше желал бы, чтоб с сыном моим
Осталась я дома…
Волненье
Меня охватило. «Я еду!» Давно
Так радостно сердце не билось…
Я еду! я еду! Теперь решено!..?
Я плакала, жарко молилась…
В три дня я в далекий мой путь собралась,
Все ценное я заложила,
Надежною шубой, бельем запаслась,
Простую кибитку купила.
Родные смотрели на сборы мои,
Загадочно как-то вздыхая;
Отъезду не верил никто из семьи…
Последнюю ночь провела я
С ребенком. Нагнувшись над сыном моим,
Улыбку малютки родного
Запомнить старалась; играла я с ним
Печатью письма рокового.
Играла и думала: «Бедный мой сын!

Не знаешь ты, чем ты играешь!
Здесь участь твоя: ты проснешься один,
Несчастный! Ты мать потеряешь!»
И в горе, упав на ручонки его
Лицом, я шептала, рыдая:
&laqou;Прости, что тебя для отца твоего,
Мой бедный, покинуть должна я…?
А он улыбался; не думал он спать,
Любуясь красивым пакетом;
Большая и красная эта печать
Его забавляла…
С рассветом
Спокойно и крепко заснуло дитя,
И щечки его заалели.
С любимого личика глаз не сводя,
Молясь у его колыбели,
Я встретила утро…
Я вмиг собралась.
Сестру заклинала я снова
Быть матерью сыну… Сестра поклялась…
Кибитка была уж готова.
Сурово молчали родные мои,
Прощание было немое.
Я думала: «Я умерла для семьи,
Вс? милое, вс? дорогое
Теряю… нет счета печальных потерь!..»
Мать как-то спокойно сидела,
Казалось, не веря еще и теперь,
Чтоб дочка уехать посмела,
И каждый с вопросом смотрел на отца.
Сидел он поодаль понуро,
Не молвил словечка, не поднял лица, –
Оно было бледно и хмуро.
Последние вещи в кибитку снесли,
Я плакала, бодрость теряя,
Минуты мучительно медленно шли…
Сестру наконец обняла я
И мать обняла. «Ну, господь вас храни!» –
Сказала я, братьев цалуя.
Отцу подражая, молчали они…
Старик поднялся, негодуя,
По сжатым губам, по морщинам чела
Ходили зловещие тени…
Я молча ему образок подала

И стала пред ним на колени:
Я еду! хоть слово, хоть слово, отец!
Прости свою дочь, ради бога!..?
Старик на меня поглядел наконец
Задумчиво, пристально, строго
И, руки с угрозой подняв надо мной,
Чуть слышно сказал (я дрожала):
– Смотри! через год возвращайся домой,
Не то – прокляну!.. –
Я упала…

Глава IV

?Довольно, довольно объятий и слез!?
Я села – и тройка помчалась.
?Прощайте, родные!? В декабрьский мороз
Я с домом отцовским рассталась,
И мчалась без отдыху с лишком три дня;
Меня быстрота увлекала,
Она была лучшим врачом для меня…
Я скоро в Москву прискакала,
К сестре Зинаиде Мила и умна
Была молодая княгиня.
Как музыку знала! Как пела она!
Искусство ей было святыня.
Она нам оставила книгу новелл
Исполненных грации нежной,
Поэт Веневитинов стансы ей пел,
Влюбленный в нее безнадежно;
В Италии год Зинаида жила
И к нам – по сказанью поэта –
?Цвет южного неба в очах принесла?
Царица московского света,
Она не чуждалась артистов, – житье
Им было у Зины в гостиной;
Они уважали, любили ее
И Северной звали Коринной…
Поплакали мы. По душе ей была
Решимость моя роковая:
?Крепись, моя бедная! будь весела!
Ты мрачная стала такая.
Чем мне эти темные тучи прогнать?

Как мы распростимся с тобою?
А вот что! ложись ты до вечера спать,
А вечером пир я устрою.
Не бойся! все будет во вкусе твоем,
Друзья у меня не повесы,
Любимые песни твои мы споем,
Сыграем любимые пьесы…?
И вечером весть, что приехала я,
В Москве уже многие знали.
В то время несчастные наши мужья
Вниманье Москвы занимали:
Едва огласилось решенье суда,
Всем было неловко и жутко,
В салонах Москвы повторялась тогда
Одна ростопчинская шутка:
?В Европе сапожник, чтоб барином стать,
Бунтует, – понятное дело!
У нас революцию сделала знать:
В сапожники, что ль, захотела?..?
И сделалась я «героинею дня».
Не только артисты, поэты –
Вся двинулась знатная наша родня;
Парадные, цугом кареты
Гремели; напудрив свои парики,
Потемкину ровня по летам,
Явились былые тузы-старики
С отменно учтивым приветом;
Старушки статс-дамы былого двора
В объятья меня заключали:
?Какое геройство!.. Какая пора!..? –
И в такт головами качали.
Ну, словом, что было в Москве повидней,
Что в ней мимоездом гостило,
Вс? вечером съехалось к Зине моей:
Артистов тут множество было,
Певцов-итальянцев тут слышала я,
Что были тогда знамениты,
Отца моего сослуживцы, друзья
Тут были, печалью убиты.
Тут были родные ушедших туда,
Куда я сама торопилась,
Писателей группа, любимых тогда,
Со мной дружелюбно простилась:
Тут были Одоевский, Вяземский; был

Поэт вдохновенный и милый,
Поклонник кузины, что рано почил,
Безвременно взятый могилой.
И Пушкин тут был… Я узнала его…
Он другом был нашего детства,
В Юрзуфе он жил у отца моего.
В ту пору проказ и кокетства
Смеялись, болтали мы, бегали с ним,
Бросали друг в друга цветами.
Все наше семейство поехало в Крым,
И Пушкин отправился с нами.
Мы ехали весело. Вот наконец
И горы, и Черное море!
Велел постоять экипажам отец,
Гуляли мы тут на просторе.
Тогда уже был мне шестнадцатый год.
Гибка, высока не по летам,
Покинув семью, я стрелою вперед
Умчалась с курчавым поэтом;
Без шляпки, с распущенной длинной косой,
Полуденным солнцем палима,
Я к морю летела, – и был предо мной
Вид южного берега Крыма!
Я радостным взором глядела кругом,
Я прыгала, с морем играла;
Когда удалялся прилив, я бегом
До самой воды добегала,
Когда же прилив возвращался опять
И волны грядой подступали,
От них я спешила назад убежать,
А волны меня настигали!..
И Пушкин смотрел… и смеялся, что я
Ботинки мои промочила.
?Молчите! идет гувернантка моя!? –
Сказала я строго… (Я скрыла,
Что ноги промокли…) Потом я прочла
В «Онегине» чудные строки.8
Я вспыхнула вся – я довольна была…
Теперь я стара, так далеки
Те красные дни! Я не буду скрывать,
Что Пушкин в то время казался
Влюбленным в меня… но, по правде сказать,
В кого он тогда не влюблялся!
Но, думаю, он не любил никого

Тогда, кроме Музы: едва ли
Не больше любви занимали его
Волненья ее и печали…
Юрзуф живописен: в роскошных садах
Долины его потонули,
У ног его море, вдали Аюдаг…
Татарские хижины льнули
К подножию скал; виноград выбегал
На кручу лозой отягченной,
И тополь местами недвижно стоял
Зеленой и стройной колонной.
Мы заняли дом под нависшей скалой,
Поэт наверху приютился,
Он нам говорил, что доволен судьбой,
Что в море и горы влюбился.
Прогулки его продолжались по дням
И были всегда одиноки,
Он у моря часто бродил по ночам.
По-английски брал он уроки
У Лены, сестры моей: Байрон тогда
Его занимал чрезвычайно.
Случалось сестре перевесть иногда
Из Байрона что-нибудь – тайно;
Она мне читала попытки свои,
А после рвала и бросала,
Но Пушкину кто-то сказал из семьи,
Что Лена стихи сочиняла:
Поэт подобрал лоскутки под окном
И вывел вс? дело на сцену.
Хваля переводы, он долго потом
Конфузил несчастную Лену…
Окончив занятья, спускался он вниз
И с нами делился досугом;
У самой террасы стоял кипарис,
Поэт называл его другом,
Под ним заставал его часто рассвет,
Он с ним, уезжая, прощался…
И мне говорили, что Пушкина след
В туземной легенде остался:
&lauqo;К поэту летал соловей по ночам,
Как в небо луна выплывала,
И вместе с поэтом оы пел – и, певцам
Внимая, природа смолкала!
Потом соловей, – повествует народ, –

Летал сюда каждое лето:
И свищет, и плачет, и словно зовет
К забытому другу поэта!
Но умер поэт – прилетать перестал
Пернатый певец… Полный горя,
С тех пор кипарис сиротою стоял,
Внимая лишь ропоту моря…?
Но Пушкин надолго прославил его:
Туристы его навещают,
Садятся под ним и на память с него
Душистые ветки срывают…
Печальна была наша встреча. Поэт
Подавлен был истинным горем.
Припомнил он игры ребяческих лет
В далеком Юрзуфе, над морем.
Покинув привычный насмешливый тон,
С любовью, с тоской бесконечной,
С участием брата напутствовал он
Подругу той жизни беспечной!
Со мной он по комнате долго ходил,
Судьбой озабочен моею,
Я помню, родные, что он говорил,
Да так передать не сумею:
?Идите, идите! Вы сильны душой,
Вы смелым терпеньем богаты,
Пусть мирно свершится ваш путь роковой,
Пусть вас не смущают утраты!
Поверьте, душевной такой чистоты
Не стоит сей свет ненавистный!
Блажен, кто меняет его суеты
На подвиг любви бескорыстной!
Что свет? опостылевший всем маскарад!
В нем сердце черствеет и дремлет,
В нем царствует вечный, рассчитанный хлад
И пылкую правду объемлет…
Вражда умирится влияньем годов,
Пред временем рухнет преграда,
И вам возвратятся пенаты отцов
И сени домашнего сада!
Целебно вольется в усталую грудь
Долины наследственной сладость,
Вы гордо оглянете пройденный путь
И снова узнаете радость.
Да, верю! недолго вам горе терпеть,

Гнев царский не будет же вечным…
Но если придется в степи умереть,
Помянут вас словом сердечным:
Пленителен образ отважной жены,
Явившей душевную силу
И в снежных пустынях суровой страны
Сокрывшейся рано в могилу!
Умрете, но ваших страданий рассказ
Поймется живыми сердцами,
И за полночь правнуки ваши о вас
Беседы не кончат с друзьями.
Они им покажут, вздохнув от души,
Черты незабвенные ваши,
И в память прабабки, погибшей в глуши,
Осушатся полные чаши!..
Пускай долговечнее мрамор могил,
Чем крест деревянный в пустыне,
Но мир Долгорукой еще не забыл,
А Бирона нет и в помине.
Но что я?.. Дай бог вам здоровья и сил!
А там и увидеться можно:
Мне царь, Пугачева» писать поручил,
Пугач меня мучит безбожно,
Расправиться с ним я на славу хочу,
Мне быть на Урале придется.
Поеду весной, поскорей захвату,
Что путного там соберется,
Да к вам и махну, переехав Урал…»
Поэт написал «Пугачева»,
Но в дальние наши снега не попал.
Как мог он сдержать это слово?..
Я слушала музыку, грусти полна,
Я пению жадно внимала;
Сама л не пела – была я больна,
Я только других умоляла:
?Подумайте: я уезжаю с зарей…
О, пойте же, пойте! играйте!..
Ни музыки я не услышу такой,
Ни песни… Наслушаться дайте!?
И чудные звуки лились без конца!
Торжественнои песнеи прощальнои
Окончился вечер, – не помню лица
Без грусти, без думы печальной!
Черты неподвижных, суровых старух

Утратили холод надменный,
И взор, что, казалось, навеки потух,
Светился слезой умиленной…
Артисты старались себя превзойти,
Не знаю я песни прелестней
Той песни-молитвы о добром пути,
Той благословляющей песни…
0, как вдохновенно играли они!
Как пели!.. и плакали сами…
И каждый сказал мне: «Господь вас храни!», –
Прощаясь со мной со слезами…